

КАВКАЗЫ

или

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЩЪ, ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗЪ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,
СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНИЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ
ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ
Гвардії Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 1-й и 2-й.

Жизнеописаніе подполковника Бибанова. — Подвигъ рядового Уколова. — Жизнеописаніе генераль-маюра Слѣпцова.

Приложения: заглавный листъ, портретъ генераль-маюра Слѣпцова и два рисунка, изображающіе подвиги подполковника Бибанова и рядового Уколова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1852.

мого побѣхать на высоты, къ мѣсту расположенія милиціи, и лично удостовѣриться во всемъ происходящемъ. Орбельянъ такъ и сдѣлалъ, и нашелъ въ рядахъ милиціи крикъ, шумъ, споръ; а на ружейный выстрѣлъ отъ нихъ стоялъ Кубитъ-Магома съ 5-ю тысячами. Занявши приведеніемъ милиціи въ порядокъ, Князь послалъ сказать Снакареву объ угрожавшей опасности и просилъ его выѣхать на высоты. Посланный воротился и объявилъ, что подполковникъ не будетъ и никого не пускаетъ въ городъ. Въ это время къ непріятельскому правому флангу стали подходить значительные толпы конницы и пѣхоты, со множествомъ значковъ, подъ предводительствомъ самого Шамиля, и, вслѣдъ за тѣмъ, горцы двинулись къ городу. Орбельянъ поспѣшилъ къ окружному начальнику, чтобы посовѣтоваться, какъ спастись съ нимъ, если уже поздно думать объ отраженіи непріятеля. Но вдругъ раздалось въ одинъ голосъ: «Кази-Кумыхы бѣгутъ» и, съ тѣмъ вмѣстѣ, ворота ханского дома затворились. Оставивъ подполковника, Орбельянъ выбѣжалъ на крышу этого дома и засталъ тамъ Гарунъ-Бека съ 20-ю его, съ 17-ю своими и 25-ю ахтинскими нукерами. Толпы горцевъ, дико и протяжно провозглашая боевую пѣсню свою: «Лайлахъ-иль-аллахъ», быстро наступали: съ юга — подъ начальствомъ Кубитъ-Магомы, а съ запада — Андійскаго кадія и Каражскаго Абдурахманъ-Дибира. Кази-кумыхскіе милиционеры искали спасенія, гдѣ кто могъ. Напрасно Орбельянъ звалъ ихъ защищаться въ улицахъ. Скоро весь городъ былъ окруженъ. Непріятельская конница пре-слѣдовала бѣжавшихъ и расположилась потомъ въ деревняхъ, на правомъ берегу Койсу, а пѣхота вступила въ городъ. Наши открыли перестрѣлку съ крыши; но, видя невозможность, съ горстью людей, держаться на открытомъ мѣстѣ, вошли въ башню. Перестрѣлка закипѣла съ большимъ жаромъ, и вскорѣ 48 человѣкъ мюридовъ лежали ранеными и убитыми, послѣ чего горцы уже не смѣли показываться на улицахъ. Вечеромъ около 120-ти человѣкъ Кюринцевъ, которые до того защищались на улицахъ за ханскимъ домомъ, пришли къ воротамъ замка и просили впустить ихъ. Но подполковникъ Снакаревъ, принимая ихъ за измѣнниковъ и опасаясь, что они на плечахъ своихъ внесутъ непріятеля, не приказалъ отпирать ворота. Несчастные,

послѣ некотораго сопротивленія, принуждены были сдаться огромной толпѣ горцевъ, гнавшейся за ними. Этотъ случай отнялъ у запершихся въ ханскомъ домѣ послѣднюю опору и надежду на помощь.

У Азіатцевъ, какъ извѣстно, запасъ снарядовъ бываетъ незначительный; къ двумъ часамъ по полуночи у вѣрныхъ нукеровъ уже не стало пороха! Положеніе ихъ доходило до крайности. Къ недостатку боевыхъ средствъ присоединился недостатокъ въ хлѣбѣ и опасеніе, что измѣнники Кази-Кумыхы дадутъ другое направлѣніе роднику, проведенному въ замокъ, и лишить его воды. Оставалось еще средство къ спасенію — пробиться. Пользуясь темнотою ночи и разбродомъ горцевъ, которые, какъ голодные волки, бросались въ дома за добычею, можно было надѣяться, съ вѣрными и храбрыми нукерами, которыхъ еще оставалось до 60-ти человѣкъ, пробиться, съ шашками въ рукахъ, черезъ городъ. Если бы и 10 человѣкъ сдѣлались жертвою этого покушенія, за то остальные бы спаслись. Князь Орбельянъ сообщилъ мысль свою объ этомъ Гарунъ-Беку, и нашелъ въ немъ радостную готовность на отчаянное предпріятіе. Но, подполковникъ Снакаревъ долго не рѣшался дать позволеніе на его исполненіе, обсуживая другія средства къ спасенію; а когда, наконецъ, успѣли его убѣдить, послѣ полутора часовъ переговоровъ, то золотое время уже ушло, — вторичная измѣна преградила послѣднюю надежду къ спасенію. Ханша, опасаясь за себя, за семейство и богатство свое, во время этихъ преній съ Снакаревымъ, тайкомъ спустила чрезъ стѣну, по веревкѣ, одного изъ своихъ людей и послала его къ Шамилю просить о пощадѣ. По ея ли приказанію, или по собственному побужденію, посланный пересказалъ Шамилю крайнее положеніе запершихся и намѣреніе ихъ сдѣлать вылазку. Узнавъ объ этомъ, Шамиль тотчасъ послалъ къ замку Кубитъ-Магома съ значительнымъ карауломъ. Горцы расположились у самыхъ воротъ и развели передъ ними огонь. Но, кроме другихъ побужденій, мысль попасть въ руки жестокихъ горцевъ, поддерживала твердость духа защищавшихся. Осталось одно — не впустить непріятеля въ замокъ, пока голодъ не изморитъ всѣхъ, или не подоспѣетъ помощь. Приставивъ къ воротамъ пять линейныхъ казаковъ, Орбельянъ приказалъ имъ:

ни подъ какимъ предлогомъ не отпирать воротъ, не пускать и не выпускать никого.

Начинало разсвѣтать. Посланный ханши, по имени Идрисъ, возвратился отъ Шамиля тою же дорогой, и передалъ приказаніе его, чтобы всѣ ханы, беки и почетные жители Кази-Кумыха вышли къ нему изъ ханскаго дома съ повинною головой, и что онъ проститъ ихъ. Народу же приказано объявить, что Шамиль пришелъ въ Кази-Кумыхъ не для добычи, а съ желаніемъ обратить на путь истины Кази-Кумыхцевъ, которые первые приняли магометанскую вѣру, и чтобы вывестъ ихъ изъ-подъ ига рыхихъ невѣрныхъ *) и распространить шаріатъ, какъ прямой путь къ райскимъ вратамъ. Измѣнникъ Идрисъ, передавая Кази-Кумыхцамъ эти приказанія, разсказывалъ о кротости, смиреніи и святости Шамиля, хотя послѣдній не очень-то привѣтливо съ нимъ поступилъ. Когда Идрисъ явился къ нему, то Шамиль, между прочимъ, спросилъ его: «Гдѣ же твой Богъ? Тотъ Богъ, которымъ жалуютъ васъ невѣрныя собаки?» Идрисъ догадался, что дѣло идетъ о медали, и вынулъ ее изъ кармана, куда спряталъ, зная, что Шамиль отниметъ ее, если увидитъ. Взявъ отъ него медаль, Шамиль спряталъ ее. — «Я не хочу, — продолжалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ его мюридамъ и кази-кумыхскимъ горожанамъ, — чтобы мусульмане имѣли надъ собою другаго Бога. Нѣть Божества, кроме Бога! Только невѣрныя собаки имѣютъ много боговъ; они хотятъ васъ обратить въ свою вѣру; обременять васъ, если покоритесь, огромными налогами, будутъ брать дѣтей вашихъ въ солдаты и заставлять васъ убивать своихъ же единовѣрцевъ. Я не допущу васъ до этого; мнѣ не нужно ваше богатство, золото и серебро, я рабъ Божій, доволенъ и малымъ, не такъ, какъ эти собаки, враги Божіи. Я пришелъ открыть вамъ глаза, спаси души ваши отъ вѣчнаго проклятия, тѣла отъ власти и рабства гяуровъ. Пока въ нась есть капля крови, мы должны воевать съ ними, и Богъ вознаградитъ нась. Тебя ли убьетъ невѣрный, или ты убьешь его, все равно, тебя ждетъ на томъ свѣтѣ рай и неизъяснимая радость....» и проч.

*) Сары-гнуръ — такъ называютъ мюриды Русскихъ.

Лѣстивыя обѣщанія Шамиля и разсказъ Идриса, увлекли легковѣрныхъ Татаръ. Все въ башнѣ засуетилось, и готовилось выйти къ Шамилю. Эполеты и погончики, знаки отличія и медали, все вдругъ исчезло. Но, бывшіе при князѣ Орбельянѣ ахмедъ-ханскіе нукеры явили здѣсь рѣдкій примѣръ твердости и неустрашимости: никто изъ нихъ не согласился выйти; они знали, что, по непримиримой враждѣ между ханомъ и Шамилемъ, имъ трудно надѣяться на пощаду, и не думали искать помилованія. Одинъ изъ нихъ, по имени Курбанъ, подошелъ къ князю Орбельяну, взялъ его за руку и сказалъ: «Видишь ли, Князь, что сдѣлали съ нами эти гнусные Кази-Кумыхцы. Ты Русскій, я нукеръ Ахметъ-Хана, мы съ тобою будемъ изрублены! Умереть, такъ умереть храбро и честно! Вѣсть тогда о нашей славной смерти разнесется по всему свѣту!» Передаемъ буквально слова этого простаго нукера, какъ одно изъ свидѣтельствъ, что слава и душевная доблѣсть доступны людямъ и низшаго званія!

Между тѣмъ разсвѣло. Ворота замка отворились. Всѣ почетные жители, съ ними правители Махмудъ-Бекъ и Гарунъ-Бекъ, которыхъ Шамиль именно требовалъ къ себѣ, отправились со страхомъ и надеждою къ грозному непріятелю. Гарунъ ждалъ смерти и только желалъ спасти сына и попавшихся въ плѣнъ Кюринцевъ, которыхъ было до 200 человѣкъ.

Шамиль встрѣтилъ эту депутацію съ угрозами и выражениемъ гнѣва. «Вы призвали меня, — сказалъ онъ имъ, показывая до 40 писемъ, полученныхъ имъ отъ Кази-Кумыхцевъ, съ приглашеніемъ вступить въ ихъ ханство, — и я поспѣшилъ къ вамъ, чтобы спасти васъ отъ невѣрныхъ; но вы не побоялись Бога, и подняли оружіе противъ меня — вашего имамуль-азама и на вашихъ единовѣрцевъ; 48 человѣкъ моихъ вѣрныхъ и отличныхъ мюридовъ пали вчера отъ рукъ вашихъ. Да будете вы прокляты, какъ враги Аллаха и великаго пророка. Я вѣсь истреблю всѣхъ, не смотря на чинъ и званіе, на хановъ и бековъ.» Обвиняемые Кази-Кумыхцы, а въ особенности кадій, стали бояться и клятвами увѣрять, что они никогда не думали драться противъ него, что они мусульмане, что рука ихъ не поднимется на имама. — «А ты, Гарунъ-Бекъ, — продолжалъ Ша-

миль, — хуже собаки и погибнешь! Ты заставлял мусульман бороться со мною. Знаешь ли, что тебя ожидает? От меня смерть, а от Бога адъ и вѣчная мука! »

« Такъ, Шамиль, — отвѣчалъ спокойно Гарунъ-Бекъ, — оставаясь вѣрнымъ присягѣ, данной мною Государю Императору, я сражался съ твоими мюридами и заставлялъ тоже дѣлать и нукеровъ моихъ. Я не скрываю этого. Я въ твоихъ рукахъ, ты сильнѣй меня; жизнь и смерть зависятъ отъ тебя; но пощади сына и безвинныхъ нукеровъ. » Шамиль махнулъ рукой; всѣ разошлись. Гарунъ-Бекъ возвратился въ башню, и, не зная, чѣмъ рѣшился участъ сына его и нукеровъ, приходилъ въ уныніе. Но неожиданнымъ для него спасителемъ явился Джемаль-Эддинъ, учитель Шамиля, — о которомъ впослѣдствіи будемъ имѣть случай говорить подробнѣе, — человѣкъ знаменитый и уважаемый всѣмъ Дагестаномъ, и котораго не ослушивался и самъ Шамиль. Онъ представилъ имаму, что не стоитъ напрасно проливать кровь мусульманскую, что ею не оживить онъ убитыхъ мюридовъ, и убѣдилъ его даровать Гаруну и нукерамъ его жизнь и свободу. Шамиль согласился, разсчитывая, что этимъ прощеніемъ онъ поставитъ Кюринскаго правителя въ зависимость отъ себя, и, въ случаѣ нужды, можетъ надѣяться на помошь его. Сверхъ того, Шамиль начинай въ то время рѣже казнить плѣнныхъ, а, большею частю, если не могъ удержать за собою занятое имъ мѣсто, то переселялъ жителей и плѣнныхъ въ Чечню или въ глубину Дагестана. Для большей же вѣрности, онъ оставилъ у себя сына Гаруна аманатомъ.

Наконецъ дошла очередь и до прочихъ запершихся въ башнѣ. Нѣсколько мюридовъ изъ черкеевскихъ и гимринскихъ абрековъ *) нахлынули къ нимъ, обезоружили и, оставивъ караулъ при вещахъ, повели подполковника Снак-сарева, князя Орбельяна и Апшеронскаго пѣхотнаго полка

*) Абреки, обреки, — такъ обыкновенно называютъ за Кавказомъ отчаянныхъ удальцевъ, преимущественно выходцевъ изъ обществъ, покорныхъ Россіи, которые, будучи увѣрены въ святости ученія Шамиля, бросаютъ все: семью, имущество, родину, и, такъ сказать, обрекаются на молитву и войну за вѣру. Они же называютъ себя именемъ «магоджиръ.»

прапорщика Ананова, находившагося также на службѣ въ Кази-Кумыхѣ, къ Шамилю, подъ сильнымъ конвоемъ, при пѣніи: «Лайлахъ-иль-аллахъ», при крикахъ и угрозахъ враговъ, среди шлающихъ жилищъ приверженныхъ къ Россіи Кумыхевъ. Передъ домомъ, занимаемымъ имъ, находился также народъ: при приближеніи нашихъ, толпа эта подняла неистовый крикъ: «ведутъ христіанскихъ свиней. » Эти слова сопровождались проклятіями и ругательствами. Такой пріемъ не обѣщалъ много хорошаго. Доложили о плѣнныхъ Шамилю и ввели въ домъ, изъ котораго они уже не думали выйти живыми. Орбельянъ оглянулся; ему хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Божіе солнце и на дальня горы, окружавшія его колыбель. Прощаюсь съ Княземъ, на привалѣ въ Бурундукъ-Кале, товарищи сказали ему: «не возвращайся безъ георгіевскаго креста. » Эти слова теперь пришли ему на память. «Да, — думалъ онъ, — одному крестъ на грудь, другому на могилу; а мнѣ ни того, ни другаго», и невольно вздохнулъ.

Первая комната, довольно большая, была наполнена тѣлохранителями Шамиля; въ другой былъ онъ самъ, въ кругу подвижниковъ своихъ и почетныхъ депутатовъ казикумыхскихъ. Вправо и влѣво отъ него сидѣли наибы: *Кибитъ-Магома*, *Андійскій кадій*, *Абдурахманъ-Дибиръ*, *Карахскій и измѣнникъ Хаджи-Яга*, братъ правителя Кази-Кумыха *). За Шамилемъ, а также у дверей и въ другой комнатѣ стояли до 150 человѣкъ тѣлохранителей его, всѣ съ отвратительными звѣрскими лицами, съ шашками и кинжалами наголо, съ пистолетами и ружьями, у которыхъ курки взвѣдены были на второй взводъ. Лезгины не отличаются красивою наружностю; дикое, суровое выраженіе лица ничѣмъ не смягчается и потому не имѣть никакой пріятности; но тѣмъ выразительнѣе выставлялась и красовалась между ними особа ихъ предводителя — Шамиля. Прекрасное, свѣжее, бѣлое лицо, слегка испещрѣнное рябинами;

*) Онъ служилъ проводникомъ Шамиля въ Кази-Кумыхѣ и за эту измѣнническую услугу сдѣланъ былъ правителемъ ханства, но не долго удержался на мѣстѣ: послѣ дѣла при Ричѣ былъ смыщенъ, какъ неспособный человѣкъ.

голубые или сѣрые глаза *), выказывавшіе проницательный умъ и силу душевную; постоянная улыбка на устахъ, не скрывающая два ряда бѣлыхъ зубовъ, выражала хитрость и добродушіе; выкрашенная красною краскою борода — также шла ему къ лицу. Онъ выше средняго роста; плотно, но прекрасно сложенъ, имѣлъ бодрую и смѣлую осанку, и по виду ему казалось не болѣе 35 лѣтъ, хотя онъ старѣѣ **). Онъ былъ богато одѣтъ и вооруженъ, что еще болѣе возвышало мужественную его красоту. Голова была убрана черкесскою шапкою изъ краснаго сукна и бѣлою чалмой. На имамъ былъ архалукъ; сверхъ него черкесска, краснаго сукна, обшитая галунами и съ серебряными патронниками; чрезъ плечо висѣла шашка; талю обхватывалъ поясъ, за который заткнуты были два пистолета и прицѣпленъ кинжалъ. Таковъ въ этотъ разъ былъ Шамиль.

«Вотъ имаминаль азами», — шепнули плѣнныхъ мюриды, подводя ихъ къ Шамилю. Онъ взглянулъ на нашихъ съ неизмѣнною своею улыбкой, но не говорилъ ни слова. Наскучивъ, наконецъ, долгимъ молчаніемъ и любопытными взорами толпы, князь Орбельянъ ***) сказалъ: «Шамиль! исполняя свою обязанность, мы попали въ плѣнъ и достались тебѣ; теперь мы въ твоихъ рукахъ. Чего желаешь ты? Что намѣренъ сдѣлать съ нами? Рѣши поскорѣе участъ нашу: объяви намъ, что ждетъ насть: смерть, плѣнъ или свобода?» Тоже самое повторилъ и прaporщикъ Анановъ. «Вы узнаете рѣшеніе мое въ свое время, — отвѣчалъ Шамиль, — теперь я занятъ;» махнулъ рукой и приказалъ отвести ихъ и посадить въ одинъ изъ обывательскихъ домовъ. Дѣйствительно, его ждала тайная депутація изъ Акуши и Цудахара; сверхъ того надобно было избирать аманатовъ и сдѣлать необходимыя распоряженія для распространенія шаріата и мюридизма во вновь завоеванномъ ханствѣ.

*) По нѣкоторымъ показаніямъ они черные, а по болѣе общимъ, карие.

**) По всѣмъ показаніямъ, нынѣ Шамилю не болѣе 50 лѣтъ, съ доводательно въ эпоху плѣна князя Орбельяна ему было дѣйствительно около 35-ти лѣтъ.

***) Изъ плѣнныхъ офицеровъ, только князь Орбельянъ и прaporщикъ Анановъ знали говорить по-татарски.

Плѣнныхъ отвели въ домъ Идриса, котораго они застали въ горькихъ слезахъ, потому что правовѣрные мюриды, увѣрявшіе что пришли не для добычи и богатства, ограбили домъ его до послѣдней нитки. Идрисъ, до нѣбесъ превозносившій, наканунѣ ночью, Шамиля и его сподвижниковъ, не находилъ теперь словъ для выраженія злобы своей. Нашимъ дали одну комнату; вогнали туда трехъ офицеровъ, шесть казаковъ и одного Грузина; послѣ привели еще рядового Загорскаго, состоявшаго при Снаскаревѣ, и двухъ собственныхъ людей подполковника *). Шамиль и мюриды поступили съ княземъ Орбельяномъ не лучше, какъ съ Идрисомъ: всѣ его вещи, платья, золотые часы, двухствольное ружье, два пистолета, шашка въ серебряной оправѣ, ковры, персидская шаль, 340 руб. сер. и 4 лошади — сдѣлались ихъ добычею. Той же участи подверглись и сотоварищи его плѣна **). Къ нимъ приставили караулъ изъ черкесскихъ жителей ***). Горцамъ Шамиль не вполнѣ довѣрялся. Орбельянъ сталъ распрашиватъ ихъ объ участіи своихъ 17-ти нукеровъ. «Имамъ, — отвѣчали они, — этимъ злодѣямъ ничего болѣе не сдѣлаетъ, какъ велитъ ихъ перерубить пополамъ.» Услышавъ это, князь подозвалъ къ себѣ одного изъ приближенныхъ Шамиля, по имени Гаджи-Яга (изъ Черкея) и просилъ его исходатайствовать у Шамиля прощеніе своимъ нукерамъ, которые ни въ чемъ не виноваты, потому что онъ, отправляясь къ Кази-Кумыху, насилино

*) 25 ахтинскихъ и 20 ахметъ-ханскихъ нукеровъ помѣстили особо.

**) По взятіи сел. Черкея, до 20-ти черкесскихъ семействъ послѣдовали за Шамилемъ и составляли, въ это время, приближенныхъ его; они, большую частью, были поселены въ Даргахъ.

***) Другой участникъ бѣдствія разсказываетъ, — «какъ о похвальной чертѣ справедливости горцевъ», — что, на пути слѣдованія плѣнныхъ солдатъ изъ замка въ домъ Идриса, какому-то мюриду понравилась лошадь подполковника Снаскарева, и онъ, вздумавъ воспользоваться правомъ побѣды, хотѣлъ отнять ее у денъщика; но начальствовавшій надъ конвоемъ, Юнусъ, одивъ изъ приверженцевъ Шамиля, увидѣвъ это самоуправство, наскочилъ на него съ обнаженою шашкою; тотъ схватилъ ружье, працѣлился, однако не успѣлъ выстрѣлить, какъ былъ поверженъ на землю ударами мюридовъ и изрубленъ въ куски.

взять ихъ съ собою проводниками. Князь обѣщалъ за это Гаджи сюртукъ свой, болѣе у него ничего не осталось. Гаджи пошелъ къ Шамилю и долго не возвращался. Между тѣмъ послышались частые выстрѣлы, и скоро узнали, что несчастные нукары кто разстрѣленъ, кто изрубленъ.

Цѣлый день домъ Идриса былъ осаждаемъ враждебными толпами жителей и пришельцевъ, которые проклинали плѣнныхъ и издѣвались надъ ними, произнося ругательства и плевая. Наконецъ, это наскучило даже надзирателю, охранявшему нашихъ, Ягью-Гаджи. Онъ долго и напрасно увещевалъ толпы разойтись, но видя, что слова его не производятъ никакого дѣйствія, выстрѣлилъ въ народъ изъ ружья. Горцы, какъ бы ударомъ грома пораженные, разбрѣжались, и наши, благодаря этой находчивости Ягья-Гаджи, остались въ покое. Вечеромъ перевели плѣнныхъ въ домъ, который занималъ Шамиль. Тамъ вогнали ихъ въ отхожее мѣсто и приставили къ нимъ караулъ. Такъ прошелъ для плѣнныхъ этотъ горестный, вѣчно незабвенный день — 22-е марта.

На другой день, поутру, вывели плѣнныхъ на свѣжий воздухъ. Къ князю Орбельяну подошли два мюрида, которыхъ прочие горцы встрѣтили съ особеннымъ уваженiemъ; видно было, что они почетныя особы; и, въ самомъ дѣлѣ, это были любимцы и друзья Шамиля, чохскіе мюриды: Мусса-Аджи и Магмудъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ толпѣ, указывая на Князя: «Вотъ этотъ большая ивѣрная собака! Я попрошу Шамиля выдать его мнѣ, чтобы я могъ собственными руками убить его и тѣмъ заслужить себѣ рай. Я долго былъ въ Меккѣ, и еще не имѣлъ случая пролить гяурскую кровь.»

Послѣ полуденного намаза, который съ благоговѣіемъ совершилъ былъ Шамилемъ, въ присутствіи многихъ почетныхъ лицъ, онъ потребовалъ къ себѣ офицеровъ и вышелъ къ нимъ, уже не въ богатой и опрятной одеждѣ, въ которой былъ наканунѣ, а въ грязной засаленной рубахѣ изъ толстаго бумаажнаго холста: вѣроятно и онъ, какъ всѣ горцы, не перемѣняютъ своего бѣлья, пока цѣла хоть нитка, или пока оно, полуслѣнившее, само не спадетъ съ плечъ. Обруженный своими тѣлохранителями, съ готовымъ оружіемъ въ рукахъ, онъ сѣлъ и грозно сказалъ: «Если Рус-

скіе выдадутъ мнѣ сына, то я отпущу васъ въ Тифлісъ; въ противномъ случаѣ изрублю всѣхъ и пошлю въ адъ.»

«Шамиль! — отвѣтилъ ему князь Орбельянъ *), — еслиъ насъ было и втрое болѣе, то и тутъ виды Правительства не позволили бъ согласиться на твоё предложеніе. Государь нашъ цѣнитъ нашу жизнь, хотя онъ сотнею другихъ можетъ замѣнить каждого изъ насъ; но благо Государства важнѣе нашей жизни, и потому ты не думай о возможности вымѣнять насъ на своего сына!.... Лучше требуй отъ насъ, Шамиль, то, что мы или наше начальство въ состояніи сдѣлать. Генералъ Фези взялъ у тебя въ Унцукулѣ до 200 плѣнныхъ: за наше освобожденіе возвратить тебѣ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ. Дѣлай съ нами, что хочешь — руби, или оставь пѣ живыхъ, но не питай надежды, что тебѣ выдадутъ сына.

Онъ улыбнулся и сказалъ: «Хорошо, я васъ не убью; ступайте въ Дарго; тамъ мы еще поговоримъ.»

Орбельянъ представилъ ему, что офицеры не привыкли ходить пѣшкомъ по этимъ горамъ, что мюриды отняли у нихъ лошадей, и просилъ возвратить ихъ, хотя до Дарго. Шамиль обѣщалъ исполнить ихъ просьбу.

По возвращеніи въ домъ Идриса наши были поражены отвратительнымъ зрѣлищемъ: на дворѣ принесли окровавленную одежду ахмѣдъ-ханскихъ нукаровъ. Узнавъ, что эти несчастные сдѣлались жертвою мщенія Шамиля, плѣнныe отчасти стали ожидать той же участіи, какъ непремѣннаго послѣдствія разговора Шамиля съ Орбельяномъ. Крикъ толнившагося народа и вопли женщинъ вывели ихъ изъ раздумья и обратили вниманіе въ другую сторону: въ этотъ же домъ привели аманатовъ, собранныхъ по приказанію Шамиля изъ Кази-Кумыхскаго ханства, которымъ онъ назначилъ Андю мѣстожительствомъ. Несчастные матери и родственники этихъ заложниковъ, прощаясь съ ними, оглашали окрестности воплями.

Наконецъ, около полудня, наши оставили Кумыхъ, памятный для нихъ восьми-мѣсячнымъ несчастіемъ. Отсюда идетъ длинный рядъ мученій, которымъ подвергали илѣн-

*) По другимъ показавіямъ, это былъ отвѣтъ подполковника Снакарева.

ныхъ варвары. Вспоминая объ этихъ страданіяхъ, нельзя не удивляться, сколько можетъ перенести слабая человѣческая природа.

У плѣнныхъ отняли все имущество, оставивъ имъ только самую необходимую одежду, и, не смотря на слова Шамиля, лошади не были возвращены.

Ахтинскіе нукеры были оставлены и, въ послѣствіи, получили свободу, что Шамиль сдѣлалъ, вѣроятно, изъ какихънибудь видовъ; ибо, какъ было слышно, онъ намѣревался ити въ Самурскій округъ. Одинъ только изъ нихъ, прaporщикъ Молло, пытавшійся, еще въ началѣ плѣна, спастись бѣгствомъ, былъ убитъ.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, ожидая неминуемой смерти или, еще ужаснѣйшей чѣмъ смерть, неволи, плѣнныне оставили Кумыхъ и углубились въ горы. Бѣдственное положеніе нашихъ увеличивалось жестокимъ обращеніемъ сопровождавшаго конвоя. Начальникомъ его былъ некто Магома, уроженецъ какой-то деревни изъ окрестностей Чохъ, котораго Магомедъ кадій согратльскій и Магмудъ-Бекъ рекомендовали подполковнику Снакареву, какъ самого надежнаго и преданнаго Россіи лазутчика. Магома сопровождалъ плѣнныхъ до Ругджаба и, жестокимъ обращеніемъ и неимовѣрными притѣсненіями, казалось, хотѣлъ излить на нихъ долго скрываемую свою ненависть къ Русскимъ. По этому конвой, не обращая вниманія на то, что наши были пѣши, понуждали ихъ, слишкомъ чувствительнымъ образомъ, идти направнѣ съ рысью своихъ лошадей. Вскорѣ Снакаревъ и князь Орбельянъ совершенно выбились изъ силъ и, падая отъ усталости, отказались слѣдоватъ. Конвоировавшіе Чеченцы посадили ихъ на заводскихъ лошадей, взявъ за это довольно порядочную плату.

Такимъ образомъ, подвигаясь усиленнымъ шагомъ, наши вечеромъ остановились, для ночлега, въ небольшой деревнѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Кумыха. Пройденная ими дорога, чрезъ горы и овраги, была удобна только для выюковъ. На другой день, въ полдень, по довольно удобной дорогѣ, они достигли Бухты *), деревни, лежащей на границѣ Кази-Ку-

*) Числа, вообще, мы выставляли по показаніямъ другаго участника плѣна. У князя Орбельяна они рѣдко означены. Но, въ этомъ

мыхскаго ханства съ Андалальскимъ обществомъ, у подножія возвышающейся съ сѣвера утесистой горы, на которой построена башня, а съ восточной стороны лежитъ небольшой прудъ, отдѣленный отъ деревни широкою дорогою. Особенное устройство каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ *), при выгодахъ мѣстоположенія, доставляетъ этой деревнѣ хорошую оборону.

Въ Бухтахъ князь Орбельянъ встрѣтилъ многихъ кунаковъ. Всѣ искренно сожалѣли объ его несчастіи, жаловались и проклинали мюридовъ. До вторженія горцевъ Кази-Кумыхцы были довольны своимъ положеніемъ: хлѣбопашество и скотоводство, хотя не изобильны, совершенно удовлетворяли ихъ потребностямъ; а теперь вездѣ были видны слѣды ихъ опустошенія: мюриды ограбили жителей и истребили всѣ ихъ запасы **).

Изъ Бухты наши направились къ селенію Согратль, куда вела хорошая арбенная дорога; она поднималась сперва въ гору; потомъ шла по гребню, гдѣ есть родникъ, а оттуда спускалась отлого къ селенію. Плѣнныне съ любопытствомъ разсмотривали это мѣсто, считающееся неприступнымъ и известное пораженіемъ, которое горцы нанесли тутъ Надиръ-Шаху, въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Персіяне осаждали и атаковали Согратль снизу, изъ упцеля, что, дѣйствительно, сопряжено съ большими затрудненіями и можетъ навлечь за собою гибель войска; между тѣмъ какъ, приближаясь со стороны селенія Бухты, по дорогѣ совершенно проходимой, даже для тяжелыхъ орудій, и занявъ ближайшія высоты, можно овладѣть Согратлемъ даже одною

случаѣ придержались показанія героя нашего жизнеописанія, хотя по другимъ свѣдѣніямъ плѣнныне въ Бухты пришли только въ полдень 24-го числа.

*) Съ маленькими окнами и ружейными бойницами.

**) Другой участникъ бѣдствія говорить тоже, что въ Бухтахъ жители встрѣтили нашихъ ровно, безъ особенныхъ признаковъ ненависти; но, про самый городъ пишетъ, напротивъ, что «народъ, прежде рабски покорный, при видѣ паденія Русскихъ, громкими воскликаніями изъявлялъ свое удовольствіе, и что въ деревняхъ Тамахмо и Буртумо, равно какъ и въ служившей ночлегомъ, жители радовались ихъ участіи.

артиллерію, для которой, по отлогой покатости, склоняющейся къ самому селенію, дѣйствіе весьма удобно.

Пройдя Согратльскіе хутора, по страшнымъ крутизnamъ и совершенно неразработанной дорогѣ, плѣнныe пустились къ деревнѣ Унтибѣ *), которая самою природою сильно защищена. Она лежитъ въ глубокой пропасти и окружена высокими утесистыми скалами, такъ что, по словамъ жителей, лучи солнца, исключая лѣта, не достигаютъ деревни. Впрочемъ, это мѣсто не имѣть никакой важности въ военномъ отношеніи. Въ Унтибѣ наши ночевали.

Съ разсвѣтомъ, 25-го, плѣнныхъ погнали къ сѣверо-западу и, по непроходимымъ горамъ, они достигли рѣки Карапойсу, окрестности которой покрыты мелкимъ кустарникомъ. Спускаясь въ ущелье, по которому протекаетъ рѣка, видны слѣды проложенной дороги. Но, по крутизнѣ спусковъ и подъемовъ, она крайне затруднительна, даже для пѣшеходовъ; аѣхать верхомъ не представляется почти никакой возможности; лошади безпрестанно падаютъ, ломаютъ ноги и разбиваются о скалы. Во время пути видно было много деревень, но вожатые, вѣроятно, съ умысломъ, избѣгали ихъ и ни въ одну не входили. Отъ переправы чрезъ Карапойсу до селенія Ругджаба (Рогужа) верстъ восемь идетъ подъемъ на гору, по самой трудной, даже для выюковъ, дорогѣ.

Ругджабъ — ауль домовъ слишкомъ въ 500, лежить на высокой равнинѣ, имѣющей съ сѣверной и западной сторонъ два ущелья, пересѣкающихся подъ угломъ; за ними ясно обрисовывается гора Гунибъ, совершенно отдѣленная отъ прочихъ горъ, Каражскою-Койсу и притокомъ Авартской-Койсу и высокими обрывистыми скалами, которые дѣлаютъ ее совершенно недоступною. Она имѣть при подошвѣ до 40 верстъ въ окружности, отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ высоты. Вершина ея какъ будто срѣзана и, чрезъ это, образуетъ возвышенную плоскость, имѣющую до 25-ти верстъ въ окружности; тамъ у жителей пастбище, пашни, луга, лѣсъ, вода и мельницы, — однимъ словомъ, все лезгинское хозяйство. Къ сторонѣ, обращенной къ Каражской-Койсу,

на уступѣ, почти на половинѣ всей горы, лежитъ деревня Гунибъ, имѣющая до 150 дворовъ. Три, едва замѣтныя, тропинки ведутъ на эту гору, — одна отъ Ругджаба, другая — отъ Хандаха и Хуточиба, а южнѣе ея третья — отъ Каражской-Койсу. Можетъ быть, есть и еще тропинки отъ Карады и Куюды, но обѣ нихъ неизвѣстно. Большею частію деньгами, отобранными у князя Орбельяна, подполковника Снак-сарева, прапорщика Ананова, также вырученными изъ распродажи вещей плѣнныхъ, Шамиль, въ это время, укрѣплялъ деревню и гору Гунибъ, перепортилъ тропинки, и, послѣ, когда генералъ Граббе подступалъ къ Даргамъ, на мѣренѣ былъ перевести туда свое семейство и имущество. Самъ же онъ, врядъ ли рѣшился бы заключиться въ эту деревню, или въ подобное мѣсто, потому что взятие Тилитля и Ахульго сдѣлало его болѣе осторожнымъ и убѣдило, что отъ Русскихъ трудно найти недоступное убѣжище; онъ уверенъ, что если запрется въ подобное мѣсто, то, рано или поздно, блокада или штурмъ, принудятъ его сдаться или погибнуть. Отъ того-то онъ и не защищался въ Черкѣѣ. Шамиль самъ говорилъ мюридамъ своимъ, что никогда не будетъ держаться въ такомъ мѣстѣ, которое Русские будутъ осаждать или брать приступомъ.

Жители Ругджаба встрѣтили нашихъ слишкомъ враждебнымъ образомъ: мужчины — ругали, женщины — плевали, дѣти — бросали камнями.

Послѣ отдыха въ этомъ селеніи, который конвойные сочли нужнымъ не для плѣнныхъ, а для своихъ лошадей, наши продолжали путь. Дорога, ровная, удобная и для орудій, вела на отлогую гору, одну изъ самыхъ высокихъ. На вершинѣ ея температура воздуха весьма различна съ температурою долины. Наши страдальцы почувствовали вдругъ нестерпимый холодъ ишли по колѣно въ снѣгу. Съ этого мѣста до Тилитля они спускались подъ гору, прошли въ день около 50-ти верстъ и, поздно вечеромъ, прибыли въ эту деревню.

Тилитль замѣчателенъ въ топографіи по горѣ того же имени, называемой иначе Чемонадомъ. Это одинъ изъ самыхъ неприступныхъ песковъ, покрытый всегда снѣгомъ. Ауль имѣлъ въ то время около 300 домовъ, изъ которыхъ многие находились въ развалинахъ, напоминая посѣщеніе Русскихъ въ 1837 году. Онъ построенъ на неровной пока-

*) По другому показанію, ауль назывался Могобъ и имѣлъ до 200 дворовъ.

тости окружающихъ его съ сѣвера и востока горъ, а съ южной стороны имѣть глубокое ущелье. Позднее время ночи и значительный холодъ были, вѣроятно, причиною, что наши вошли въ аулъ не встрѣченные жителями и спокойно провели ночь.

Съ разсвѣтомъ 26-го, по отлогой горѣ и ущелью, они спустились на равнину Голотля, лежащую въ 8-ми верстахъ отъ Тилитля. Дорога ровная, но узкая, разработанная Русскими въ 1837 году; съ правой стороны ея тянется цѣль высокихъ горъ, съ лѣвой — овраги.

Въ Голотль, противъ Хунзахскаго спуска, находился довольно сильный карауль горцевъ; а на противоположной вершинѣ обрывистой горы стоялъ русскій Ахмедъ-Ханскій карауль, наблюдавшій, съ своей стороны, за Голотлемъ и за горцами. Вѣроятно, онъ видѣлъ слѣдованіе толпы, сопровождавшей несчастныхъ соотечественниковъ, не зная, что они въ ней находятся. Сильно забились сердца плѣнныхъ при видѣ этихъ сторожевыхъ: они ожидали помоши и имъ уже казалось, что будто карауль готовится выручить ихъ; но это была лишь обманчивая мечта. Здѣсь конвой увеличился и страдальцамъ строго запретили смотрѣть на Хунзахскую гору, гдѣ стоялъ русскій карауль. Почти бѣгомъ наши принуждены были удалиться.

Пройдя Голотль и текущую близъ него Аварское Койсу по деревянному, хорошо устроенному мосту, а также завалы изъ камня, наши слѣдовали вверхъ по лѣвому берегу рѣки. Здѣсь къ узкой долинѣ примыкаетъ цѣль горъ, подъ названиемъ Толо-Кори, на которыхъ, верстахъ въ 10-ти отъ Голотля, они поднялись по узкой тропинкѣ, во многихъ мѣстахъ прорѣзывавшейся узкими, но глубокими провалами, проходимыми по каменнымъ, положеннымъ поперегъ плитамъ. Безпрестанно приходилось то подниматься, то спускаться; лошади и ослы съ трудомъ двигались. Пройдя часть Гидатлинскаго общества, плѣнныя переправились черезъ быструю рѣку, повернули вправо, оставивъ Аварскую-Койсу позади себя; потомъ шли по ущелью и, наконецъ, вечеромъ, достигли селенія Батлуха, находящагося въ 35 или 40 верстахъ отъ Тилитля *) и въ 30-ти верстахъ отъ Хун-

заха. Селеніе это — дворовъ во 100 — лежитъ у подошвы одной изъ скалъ, круто опоясывающихъ почти всю Аварію, сперва вдоль Аварской-Койсу, потомъ мимо Аухвахскаго и Каратинскаго обществъ. На ночлегъ узниковъ, измученныхъ трудною дорогою, усталостью и голодомъ, заперли въ сарай, въ которомъ они всю ночь дрожали отъ холода.

На другой день, 27-го, варвары-горцы, мало заботясь о положеніи плѣнныхъ, не смотря на совершенную ихъ усталость, принудили несчастныхъ идти далѣе. Дорога тянулась по ущелью, образуемому хребтомъ Толо-Кори, вверхъ по лѣвому берегу незначительного ручья. Перейдя хребетъ Ауховскихъ горъ, покрытый снѣгомъ, и сдѣлавъ около 30-ти верстъ, чрезъ нѣсколько деревень, лежавшихъ на пути, наши, съ закатомъ солнца, прибыли въ Аухвахъ, отъ которого все общество носить наименованіе свое. Это аулъ, домовъ въ двѣsti, лежащий на правомъ берегу рѣчки, втекающей въ Андійское-Койсу, у подножія возвышающихся къ сѣверо-востоку горъ; глубокій оврагъ раздѣляетъ его на двѣ части. Трудно описать и съ чѣмъ нибудь сравнить бѣдность здѣшнихъ жителей. Вся одежда ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоять изъ длинной, толстой, шерстяной рубашки и накинутой на нее бараньей шубы. Аухвахцы говорятъ на языкѣ, который совершенно не похожъ ни на языкъ другихъ племенъ, ни на аварскій — господствующій во всемъ Дагестанѣ *). Они не похожи и по наружности на другихъ горцевъ, будучи бѣлокуры и рыжеволосы.

Узнавъ о прибытіи плѣнныхъ, жители сбѣжались со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотреть на нихъ. Одна изъ женщинъ подошла къ князю Орбеляну и спросила его по-грузински: «не Грузинъ ли онъ?» На утвердительный отвѣтъ, женщина со слезами рассказала, что и она Грузинка, уведена въ плѣнъ изъ кахетинской деревни Артана и отдана за-мужъ за русскаго бѣллаго солдата, уже 15 лѣтъ здѣсь проживающаго. Вечеромъ же пришелъ къ плѣннымъ старикъ, также бѣглый солдатъ изъ Дербента, еще при Зубовѣ оставившій ряды свои. Онъ подвелъ къ Орбеляну сына своего и хва-

*) По другому показанию, отъ Тилитля до Батлуха шли не менѣе 50 в.

*) Вообще, каждое племя горцевъ имѣть свое особое нарѣчіе, но большую частью они говорять и по-арабски.

лиль его, какъ ухорскаго молодца, который, за хорошия деньги, можетъ его скрыть и доставить въ Хунзахъ, если только князь успѣеть бѣжать отъ караульныхъ и придетъ на такую-то мельницу, которую онъ тутъ же указалъ. Какъ не попытаться? Надежда освободиться прельстила Орбеляна, и несчастный приготовился бѣжать; но Лезгини узнали о такомъ намѣреніи и сковали ему ноги кандалами.

Этотъ солдатъ, — по словамъ другаго участника бѣдствія, — былъ не бѣглый, а плѣнnyй, взятый горцами во время покоренія графомъ Зубовымъ Дербента. Онъ принялъ магометанскую вѣру или, лучше сказать, позабыть свою, женился и имѣлъ трехъ сыновей, которыхъ, какъ увѣрялъ, для того не женилъ, чтобы не затруднить себя въ переселеніи ихъ въ Россію, когда русскія войска займутъ Аухвахъ, чего онъ и его земляки ожидаютъ со дня на день. Наши страдальцы похвалили патріотизмъ почтенаго старика и подтвердили, что предположеніе его непремѣнно сбудется. Онъ, между прочимъ, также разсказывалъ, что партія бѣглыхъ русскихъ солдатъ, простиравшаяся человѣкъ до 100, съ барабаннымъ боемъ и пѣснями проходили и то время изъ деревни въ деревню, прославляя щедрость и гостепріимство Шамиля, который приказалъ деревенскимъ старшинамъ удовлетворять всѣ ихъ требованія и угощать на счетъ жителей. Наши не могли узнать, кто начальствовалъ партіей и какихъ полковъ были бѣглецы.

Переночевавъ въ Аухвахѣ, 28-го, нашихъ пустили въ путь. Пройдя верстъ 5, правымъ берегомъ ручья, по весьма удобной дорогѣ, и миновавъ нѣсколько деревень этого общества, они углубились въ узкое ущелье, которое, мало по малу, раздѣляется на двѣ вѣтви. Конвой повернулъ въ лѣвую отрасль ущелья. Здѣсь находилась одна только дорожка, которая проходила между двумя отвесными скалами, отстоящими одна отъ другой сажени на три, и соединенными между собою огромными завалами, въ видѣ крѣпкой стѣны, въ которыхъ пробиты ворота и устроена особенная башня или караульня. Въ ней, во всякое время, находились нѣсколько сторожевыхъ, которые въ этомъ проходѣ могутъ удержать даже большой отрядъ. Войдя въ ворота и поднявшись верстъ на 5 въ гору, около полудня, наши достигли Караты. Это селеніе, известное своею неприступностью,

имѣть до 500 или до 600 домовъ *), лежитъ на горѣ, наклоняющейся къ востоку, и совершенно отдѣлено отъ противоположныхъ Аварскихъ горъ большимъ оврагомъ съ крутыми обрывистыми боками. Селеніе имѣетъ значительный пороховой заводъ. Окрестности плодородны и хорошо обработаны. Противъ Караты, на Аварскихъ горахъ, лежитъ деревня Каратинского же общества, взятая и сожженная генераломъ Фези. Каратинцы разобрали плѣнныхъ по домамъ и покормили ихъ, кто какъ могъ. Изъ нихъ многие бывали въ Тифлісѣ и знали тамъ фамилію Орбеляновъ. Въ Каратѣ Князь встрѣтилъ много несчастныхъ грузинскихъ мальчиковъ, украденныхъ Лезгинами изъ Кахетіи. Увидѣвъ своего соотечественника и вспомнивъ родину, бѣдняжки горько заплакали. Жители Каратинского общества говорятъ на болгальскомъ языке, совершенно отличномъ отъ аухвахскаго и отъ аварскаго.

Далѣе, верстъ 15, дорога была ровная и довольно хороша, но потомъ мѣстность становится гориста и овраги пересѣкаютъ путь. Пройдя ихъ и небольшую равнину, на которыхъ видѣлось нѣсколько деревень, плѣнные углубились въ ущелье, въ которомъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, были устроены сильные завалы, а при впаденіи рѣчки въ Андій-Койсу лежитъ деревня Инхвали, укрепленная такими же завалами; но ее можно было обойти, держась по направлению рѣчки. Отдохнувъ въ Инхвалѣ, наши, по тѣсной и неровной дорогѣ, дошли до Андійскаго-Койсу, текущаго не далѣе верстъ 4-хъ отъ деревни, и переправились чрезъ него по хорошему деревянному мосту, за которымъ тотчасъ лежитъ деревня Квонхидатль, находящаяся верстахъ въ 10-ти отъ Караты. Она построена на косогорѣ, у подножія утѣсистой скалы, возвышающейся съ западной стороны; съ южной и восточной — омывается Андійскимъ-Койсу и только съ сѣвера болѣе открыта. Въ ней выдѣлывается хорошая соль, добываемая жителями изъ соляныхъ родниковъ, текущихъ изъ горъ. Въ Инхвалѣ и Квонхидатль до 300 дворовъ **). Обѣ деревни принадлежатъ Технущальскому

*) По другому участнику плѣна только болѣе 400 домовъ.

**) По другому показавшю домовъ въ Инхвалѣ до 150, въ Квонхидатль до 400.

БЫСТРО ШАМПИЯ ИЗЪ КЛБАРДЫ.

обществу, которое имѣть также свой собственный языкъ.

29-го, съ разсвѣтомъ, наши продолжали путь къ сѣверо-западу, по течению Андійскаго-Койсу. Окрестныя, по обѣимъ сторонамъ ея, горы даютъ начало многимъ рѣчкамъ, которые, по большей части, теряются въ землѣ, не достигая самого Койсу.

Въ разстояніи полуверсты оть деревни устроены соловарни. Процессъ этого дѣла слѣдующій: землю, изобильную солью, насыпаютъ въ корыта, которая наполняютъ водою; соль растворяется въ водѣ и, по прошествіи нѣкотораго времени, разсолъ сливаютъ и вывариваютъ. Эта соль очень хороша. Судя по обширности завода, можно было полагать, что онъ въ состояніи доставить выдѣлываемаго продукта на всѣ общества, принадлежавшія Шамилю. Этому-то промыслу Квонхидатльцы были обязаны своимъ благосостояніемъ.

Миновавъ соловарни, плѣнныя начали удаляться оть Койсу къ сѣверо-западу и, слѣдя по течению незначительного ручья, около полудня, прибыли въ Моно. Ауль этотъ лежитъ на правомъ берегу ручья, на равнинѣ, имѣлъ до 150 домовъ *), множество фруктовыхъ садовъ и небольшое количество пахатной земли.

Здѣсь, во время отдыха, подошелъ къ нашимъ какой-то горецъ, желая, какъ онъ говорилъ, посмотреть на плѣннаго генерала (такъ обыкновенно называли Снакарева), и, объявивъ, что онъ бѣглый солдатъ и изъ христіанина сдѣлся не только мусульманиномъ, но даже мюридомъ, не умолчалъ о своей преданности Шамилю, при которомъ служилъ тѣлохранителемъ, и совѣтовалъ послѣдовать его примѣру. Онъ былъ изъ той партии, о которой рассказывалъ аувахскій старикъ.

Изъ Моно, направляясь къ сѣверу, часа три плѣнныя поднимались на гору известковаго свойства, на вершинѣ которой находилась небольшая деревня, изъ 15-ти дворовъ, принадлежавшая къ Андійскому обществу. Оттуда, верстъ около 10-ти, до селенія Анди, они спускались по сѣверной

^{*}) По другому показанию въ Моно находилось около 200 домовъ.

отлогости горы, образующей съ подобною же противолежащею отлогостію, ущелье, по которому текутъ собственно Андійская *) и Гогатлинская рѣчки. Къ вечеру наши прибыли къ селенію Анди, гдѣ застали кази-кумыскихъ аманатовъ, присланныхъ туда Шамилемъ. Между ними были: казикумыскій правитель Махмудъ-Бекъ, братъ его Джабраиль Аббасъ-Бекъ, сынъ Гаруръ-Бека, мірза Зоко и другие.

Ауль имѣлъ слишкомъ 800 домовъ, расположенныхъ на неровномъ косогорѣ. Съ южной стороны течеть небольшая рѣчка, за нею утесистыя скалы; со всѣхъ же прочихъ сторонъ окрестности довольно открыты и позволяютъ видѣть нѣсколько деревень, составляющихъ Андійское общество. Они всѣ находились въ лощинѣ, прорѣзанной глубокими оврагами и окруженной со всѣхъ сторонъ горами.

Жители этого общества, а въ особенности деревни Анди, славились, въ прежніе годы, богатствомъ, хотя никогда не обращали большаго вниманія на земледѣліе. Главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія было скотоводство и дѣланіе бурокъ, известныхъ по добротѣ своей въ цѣломъ Кавказѣ. Они сбывали бурки эти по 5, 10 и даже 20 р. за штуку во весь Дагестанъ, въ Тифлісъ и во всю Грузію. Тутъ закупали они, по дешевымъ цѣнамъ, бумажныя матеріи и другие предметы, необходимые для горцевъ; а потомъ перепроправали ихъ въ Дагестанъ и въ горахъ вдвое и втрое дороже, и этими оборотами снискивали себѣ безбѣдный хлѣбъ и достаточное содержаніе на весь годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они улучшали и распространяли овцеводство, какъ первый источникъ своихъ доходовъ. Но, по прекращеніи, въ 1839 году, мирныхъ связей съ Россіею, торговля ихъ упала; имъ некуда было сбывать бурокъ; они обѣдили и, при запущенномъ земледѣліи, были крайне стѣснены въ средствахъ пропитанія. Сверхъ того, со временеми введенія шаріата, Шамиль, не довѣряя имъ, жестоко обращался съ ними и каз-

*) Рѣка, называемая у насть Андійскою Койсу, не омываетъ ни одной андійской деревни, и течеть отъ Андійского общества верстахъ въ 30 или 50, а потому называвіе это ошпарочно. Тушинъ говорять, что она имѣеть начало свое въ горахъ Тушетіи, и называютъ ее потому Тушинскою Алазанью.

ниль до 30-ти знатнейшихъ Андійцевъ. Эти событія, въ разсматриваемое время, еще не изгладились изъ памяти туземцевъ: они негодовали и оттого только терпѣли насилиственную власть имама, что не имѣли средствъ избавиться отъ ней. Поэтому плѣнныи здѣсь были приняты довольно дружески. Въ добродушіи Андійцевъ и желаніи ихъ быть подъ покровительствомъ Россіи наши имѣли случай еще лучше удостовѣриться въ послѣдствії.

30-го марта плѣнныхъ погнали изъ Анди къ селенію Дарго. Весь переходъ туда удобенъ для провоза всякихъ тяжестей, и даже для слѣдованія артиллеріи. Сперва дорога поднимается версты на 4 вверхъ до гребня Земляныхъ горъ, съ высоты которыхъ взоръ обнимаетъ обширныи пространства чеченскихъ лѣсовъ. Горы покрыты густою травою и на нихъ, въ продолженіе круглаго года, паслись многочисленныи стада крупнаго и мелкаго скота, принадлежавшаго Андійцамъ, Чечепцамъ и Гумбетовцамъ. Пройдя верстъ 8 или 9 отъ Анди, встрѣчаются на гребнѣ два небольшии родника; отъ нихъ верстахъ въ трехъ начинается довольно крутой спускъ и продолжается версты двѣ. У подошвы его также выбивается довольно большой ключъ. Отсюда идетъ, между огромными скалами, лѣсистое Даргинское ущелье, гдѣ берѣтъ начало рѣка Аксай, — по-татарски Агсу, — что значитъ «блѣлая рѣка» и «блѣлая вода.»

Во время отдыха, который плѣнныи здѣсь имѣли при источнике превосходной воды, одинъ изъ провожавшихъ Андійцевъ, указывая на возвышающуюся, на восточной сторонѣ, не вдалекѣ отъ дороги, гору, покрытую густымъ лѣсомъ, разсказывалъ нашимъ, что внутренность у ней совершенно пуста, и пространство столь огромное, что, въ случаѣ надобности, можетъ вмѣстить въ себѣ овецъ всего Андійскаго общества (до 20,000 головъ), а также и о томъ, что изъ этой пещеры они себѣ добываютъ землю, изъ которой дѣлаютъ порохъ. Общий характеръ и слѣды вулканическихъ произведеній мѣстности, доказываютъ, что эти интересныи показанія могутъ быть справедливы.

Слѣдя по теченію ручья, наши прибыли къ Аксая, имѣющаго источникъ недалеко отъ мѣста, въ которомъ они перешли рѣку, по устроенному мосту. Пройдя всего по ущелью версты три или четыре, открывается чистая равни-

на. На ней, верстахъ въ 4-хъ отъ переправы чрезъ Аксай, виднѣлась небольшая деревушка. Поэтъ или отшельникъ, бѣгущій взора людей, не нашелъ бы пріятнѣе убѣжища. Наши почли было этотъ хуторъ жилищемъ какихъ нибудь пастушескихъ семействъ; но каково было ихъ удивленіе, когда они узнали, что это мѣстопребываніе Шамиля — Дарги.

Дарги лежитъ на правомъ берегу и въ разстояніи полверсты отъ рѣчки Аксай. 50 хижинъ, малыхъ, турлучныхъ, построенныхъ безъ всякаго порядка, составляли столицу наслѣдника пророка, и домъ Шамиля не различествовалъ отъ прочихъ. Жители Дарговъ были почти все безъ изъятія абреки, смѣсь всѣхъ горскихъ народовъ, привлекаемыхъ туда святостю мѣста, а, можетъ быть, и какими-либо честолюбивыми видами. Равнина, на которой лежать Дарги, плодородна, засѣяна кукурузою, фасолью и тыквами. Верстахъ въ 4-хъ ниже, на правомъ берегу ущелья, лежать Большия Дарги, — ауль, домовъ во 100, далѣе же на сѣверо-востокѣ — Боянъ, домовъ въ 200, на сѣверо-западѣ, на лѣвомъ берегу Аксая и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки Цувантери (Цонтверъ), слишкомъ въ 200 домовъ: тамъ жилъ Суаибъ-Мулла, одинъ изъ наивовъ Шамиля, управлявшій Малою Чечнею.

Такимъ образомъ, 31-го марта, часа въ четыре по полудни, плѣнники достигли, наконецъ, мѣста своего заточенія. Все селеніе, мужчины, женщины и дѣти вышли къ нимъ навстрѣчу, воспѣвая, съ обычнымъ припѣвомъ: «ля-илляхэ-иль-аллахъ», благодарственные гимны творцу вселенной, даровавшему Шамилю счастливое овладѣніе Кази-Кумыхомъ и взятіе въ плѣнъ многихъ невѣрныхъ. Не доходя до дома Шамиля, наши увидѣли, на плоской его крыше, нѣсколько женщинъ, покрытыхъ чадрами съ головы до ногъ, и также поющихъ свое божественное «ля-илляхэ-иль-аллахъ.» Это была хозяйка дома съ своими сосѣдками и вевольницами. По приближеніи нашихъ все утихло и все разошлись, не показавъ никакого любопытства, которое могло бы произвести появленіе важныхъ плѣнныхъ.

Нашимъ отвели маленькую комнату въ самомъ домѣ Шамиля, родѣ гостиной, гдѣ помѣщаются посѣтители. Шамиль обѣщался, что ихъ примутъ хорошо и, дѣйствительнѣ-

но, первая жена его, по имени Патиматъ, приказала тотчасъ же зарѣзать барака и выпечь пшеничнаго хлѣба.

Хотя, по дошедшемъ слухамъ, наши знали объ образѣ содержанія плѣнныхъ у Шамиля и что у него, въ Даргахъ, есть погребъ, въ которомъ уже три мѣсяца томился несчастный Армянинъ, не имѣвшій столько денегъ, сколько за его освобожденіе требовали; но, по этому приему, плѣнники ожидали, что съ ними намѣрены обходиться человѣко-любиво; однако горько ошиблись. На другой день мюриды повели ихъ за деревню, шаговъ на 80 отъ дома Шамиля. Здѣсь показали темную яму и сказали: «тутъ будете вы сидѣть, пока не пришлютъ сына Шамиля, или пока издохнете, какъ христіанская свинья.» Анановъ первый спустился въ яму, за нимъ князь Орбельянъ, а потомъ и всѣ прочие. Дверь захлопнули. Настала мрачная ночь; наши провели ее безъ сна, съ тѣми же чувствами, какъ осужденные къ по-гребенію за-живо: имъ представилась ужасная смерть, которой мученія могли продолжаться нѣсколько лѣтъ. На днѣ встрѣтилъ ихъ звукъ цѣпей; тамъ нашли они скованнаго Армянина изъ Кизляра, пойманнаго Чеченцами на дорогѣ между Кизляромъ и Моздокомъ. Прощаюсь со всѣмъ, что было драгоцѣннаго въ мірѣ, узники проклинали злодѣевъ, которыхъ измѣна не дозволила имъ вкусить завидную смерть воина въ битвѣ, съ оружиемъ въ рукахъ.

На другой день горцы отворили дверь подземелья: солнце проглянуло весело, и свѣжесть весеннаго воздуха вывела страдальцевъ изъ оцѣпенія. Тогда только они узнали, что всѣ живы и, при дневномъ свѣтѣ, могли вполнѣ оцѣнить свое ужасное жилище.

Яма, сдѣлавшаяся ихъ темницей, имѣла сажень глубины и около полуторы въ длину и ширину, такъ что, ложась спать, несчастные принуждены были класть ноги другъ на друга. Сверху яма была навалена бревнами и наложена землею; теченіе воздуха производилось чрезъ единственное отверстіе, въ которое они спустились; на ночь входъ прикрывался толстыми дверьми, отпирающимися вертикально, какъ люкъ въ корабль, и запирающимися на замокъ. Всѣдѣ за машими привели молодаго Чеченца, обвиненнаго въ смертоубийствѣ. Такимъ образомъ, въ ямѣ было всего 15 человѣкъ, которыхъ никуда не выпускали, даже для естествен-

ныхъ потребностей. Имъ приносили два раза въ сутки по одному, рѣдко по два, хинкала (куска) варенаго тѣста изъ кукурузы, въ родѣ галушекъ, величиною съ кулакъ, вѣсомъ съ полфунта. Вода же, въ которой они варились, служила заключеннымъ вместо супу, но ея бывало не много. Пища не питательная, безвкусная и только достаточная, чтобы не умереть съ голода. Сохранивъ у себя немного денегъ, плѣнники снискивали довольство, подкупая своихъ караульныхъ; но и это вскорѣ открылось.

Дня черезъ три *) прѣѣхалъ къ вимѣ кадї селенія Дарги, по имени Нуръ-Махма, изъ черкесскихъ выходцевъ. Онъ приказалъ вывести плѣнныхъ изъ ямы, обобразъ все, до послѣдняго платья, и оставилъ въ однѣхъ только рубашкахъ. Увидѣвъ на князѣ Орбельянѣ серебряный образъ Св. Георгія съ мощами, — благословеніе матери, — онъ съ остервененіемъ его сорвалъ, обругалъ и оплевалъ; потомъ содралъ серебро и положилъ въ карманъ, а изображеніе святаго бросилъ въ огонь. Оковавъ Князю и Ананову ноги кандалами, снова всѣхъ заключилъ въ яму. Послѣ этого посыщенія, плѣнныхъ стали еще хуже кормить, такъ что они терпѣли мучительный голодъ. Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней **), возвратился въ Дарги и самъ Шамиль. Плѣнныe ждали облегченія своего положенія, но тщетно. Подполковникъ Снакаревъ нѣсколько разъ просилъ имама о позволеніи писать къ командовавшему въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, но просьбы оставляемы были безъ вниманія. Наконецъ, 18-го апрѣля, долго ожидаемое позволеніе было получено. Шамиль прислалъ къ плѣннымъ бумагу, чернила, и перо, и приказалъ написать правительству, что плѣнныe не иначе могутъ получить свободу, какъ если ему возвратить за подполковника Снакарева — сына; за князя Орбельяна — племянника его, взятаго въ Тилитлѣ, въ 1837 году, за прaporщика Ананова — сына Али-Бека, взятаго въ 1839 году въ Ахульго, и за прочихъ — по два плѣнныхъ, взятыхъ въ томъ же селеніи, и что если Русское Правительство на эти условія не согласится, то плѣнныe будутъ лишены жизни; равнымъ образомъ, что и всякая

*) По другому показанию — 7-го апрѣля.

**) По тому же показанию — 8-го апрѣля.

попытка къ ихъ освобождению будетъ стоить также имъ жизни; и, наконецъ, чтобы всѣ письма, присылаемыя къ плѣннымъ или къ нему, были на арабскомъ языке. Узники долго отказывались и снова представляли о несбыточности такого требованиея, но, наконецъ, принуждены были повиноваться. Письмо это было отправлено въ Темиръ-Ханъ-Шуру къ генералъ-майору фонъ-Клугенау.

Между тѣмъ Шамиль, желая болѣе укрѣпить темницу, велѣлъ выстроить надъ нею саклю, чрезъ что непосредственное сообщаєе заключенныхъ со свѣжимъ воздухомъ было совершенно отнято и ихъ дыханіе стало стѣсняться. Такимъ образомъ жили плѣнныи въ этой ямѣ безъ свѣта, безъ утра и вечера. Легко представить себѣ, какъ они страдали, какъ они задыхались отъ сжатаго, испорченаго воздуха. Только голосъ муллы, призывающаго жителей селенія къ утренней и вечерней молитвѣ, возвѣщалъ и имъ о новомъ днѣ, о наступлении ночи. Несчастные слѣдили тщательно за ходомъ времени; приближалось Свѣтлое Христово Воскресеніе. Наступило 19-е апрѣля. Муссеймъ призывалъ правовѣрныхъ къ утреннему намазу. Разбудивъ одинъ другаго, наши встали, совершили теплую молитву, отпѣли: «Христосъ воскресе», и грустно привѣтствовали другъ друга. Въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ прошелъ для нихъ великий день, встрѣченній и проведенный подъ землею.

Но праздникъ этотъ остался для нихъ памятнымъ событиемъ, которое угрожало погребсти ихъ навѣки подъ землею. На третій день, 21-го апрѣля, пошелъ снѣгъ, потомъ поднялась ужаснѣйшая буря; построенная небрежно сакля надъ ямою свалилась, закрыла отверстіе и задавила падениемъ своимъ двухъ караульныхъ; третій, раненый, успѣлъ выско치ть и побѣжалъ въ Дарги дать знать о происшествії. Между тѣмъ плѣнныи были въ отчаянномъ положеніи: воздухъ совершенно сперся и ложился камнемъ на грудь, дыханіе становилось съ каждою минутою болѣе и болѣе затруднительнымъ и, наконецъ, сдѣлалось почти невозможнымъ; нѣкоторые изъ нихъ упали въ обморокъ. Еще четверть часа, и они всѣ задохлись бы; но, къ счастію, подспѣли жители. Сначала они сочли нужнымъ только поставить новую стражу, вовсе не заботясь объ участіи заключенныхъ; однако, наконецъ, около полудня, вспомнили и о

нашихъ, и спасли страдальцевъ отъ самой мучительной смерти. Разгребли отверстіе, вывели ихъ на свѣжій воздухъ и заставили вычистить яму. Тщетно просили плѣнныи Шамиля перевести ихъ въ какой-либо сарай или домъ, — ни-что не помогло: вечеромъ ихъ погнали опять въ яму, надъ которой выстроили новую, болѣе крѣпкую караульню, окопавъ ее, сверхъ того, рвомъ. На почь караулъ усиливался; въ ненастную погоду сторожевые входили въ домъ, — обстоятельство, которое помогло потомъ узникамъ при бѣгствѣ.

Чрезъ нѣсколько дней число горцевъ, посѣдавшихъ темницу, увеличилось, и всѣ стали хвастьать, что къ узникамъ приведутъ новыхъ товарищѣй. Вскорѣ наши узнали, что Шамиль что-то затѣваетъ противъ Ташкачу, куда онъ и отправился, 30-го апрѣля, съ отрядомъ изъ 1000 всадниковъ; но 4-го мая возвратился изъ неудавшейся экспедиціи. Вслѣдъ за тѣмъ получено было увѣдомленіе, что небольшой отрядъ Русскихъ разбилъ при Рачѣ горцевъ, подъ начальствомъ Гаджи-Яги и Абдурахманъ-Дибира (Карахскаго наиба). По этому Шамиль началъ дѣлать приготовленія къ новой экспедиціи противъ Кази-Кумыхскаго ханства, которое удержать за собою было твердымъ его намѣреніемъ. Сперва онъ приказалъ наибамъ Чечни и Ауха, т. е. ичкеринскому Шуембу, шубутовскому Джаватъ-Хану, ауховскому Улу-Бею и Большой Чечни — Ахверды-Магомету сбратъ отборной конницы 500 человѣкъ. Въ нѣсколько дней она изготовилась и должна была, подъ начальствомъ Ахверды-Магомета, отправиться въ Кази-Кумыхское ханство. По этому случаю помянутые наибы Чечни прибыли въ Дарги и, съ позволеніемъ Шамиля, пришли, въ сопровожденіи тѣлохранителей своихъ, посмотретьъ на плѣнныхъ. Нашихъ вывели изъ ямы и представили имъ. Такимъ образомъ узники познакомились съ нѣкоторыми изъ сподвижниковъ Шамиля.

Ахверды-Магометъ, мужчина средняго роста, имѣлъ тогда около 40 лѣтъ. Въ чертахъ лица его изображались доброта и хладнокровіе; плотное тѣлосложеніе показывало силу и здоровье. Онъ одѣвался лучше прочихъ чеченскихъ начальниковъ. Въ горахъ и Чечнѣ славилась его мужественная храбрость, неутомимая дѣятельность и удачные набѣги.

Шуембъ, небольшаго роста, лицемъ смуглъ, съ небольшими рябинками, ловкій во всѣхъ пріемахъ и въ особенности верхомъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ съ хитрымъ и бойкимъ умомъ, какъ отличный рубака, лихой наездникъ и искусный предводитель въ бою.

Улу-Бей, молодой человѣкъ, имѣлъ не болѣе 25-ти, или много, 30 лѣтъ, былъ хорошъ лицемъ и сложениемъ. Смѣлые набѣги и отличная храбрость поставили его въ ряду съ предѣдущими; самъ же онъ ставить себя выше Шуемба, котораго вообще, какъ можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ выражений, произнесенныхъ въ присутствіи плѣнныхъ, не очень жаловалъ и уважалъ. Какъ Улу-Бей, такъ и Шуембъ имѣли на груди, выше патронниковъ, серебряныя пятиугольныя звѣзды.

Джеватъ-Хана не было съ ними. Онъ страдалъ отъ раны, которая и была, впослѣдствіи, причиною его смерти.

Шуембъ и Улу-Бей ругали передъ узниками Русскихъ, говорили, что Шамиль, взявъ ихъ въ плѣнъ, доберется теперь до Клугенау и до Граббе, а потомъ, если Богъ поможетъ, возьметъ въ Тифлісъ и самого сардара, истребить гяурское войско и приведеть къ нимъ, на собесѣдничество, въ яму: богатыхъ Армянъ, Грузинъ и Русскихъ. Такая хвастливая выходка сопровождалась общимъ хохотомъ. Ахверды-Магометъ не принималъ участія въ этомъ разговорѣ, но потомъ подошелъ къ князю Орбельяну и Ананову, сѣль и пригласилъ ихъ тоже сдѣлать, сказавъ: «За васъ, друзья, Шамиль просить сына своего, котораго онъ нѣжно любить; онъ надѣется получить его, и потому держить васъ въ такомъ мѣстѣ, откуда вамъ трудно бѣжать; а чтобы вы убѣдительнѣе просили и чтобы начальство ваше, зная ваше несчастное положеніе, легче склонилось на его требованіе, онъ скудно кормить васъ; но вы—военные и не должны терять твердости духа, терпѣнія и мужества. Богу угодно наказать васъ, и Онъ наказалъ; угодно будетъ Ему спасти васъ, Онъ спасетъ; а потому не унывайте и сохраняйте бодрость душевную. Посмотрите на меня и Шамиля: сколько уже бѣдствій претерпѣли мы, сколько ранъ покрываютъ тѣло наше, сколько разъ мы были въ когтяхъ смерти въ Гимрахъ, въ Тилитлѣ и въ Ахульго! Въ послѣднемъ, видя, что намъ нѣть спасенія отъ Русскихъ, мы собрали до 150

человѣкъ надежнѣйшихъ мюридовъ, взяли семейство Шамиля, состоявшее изъ двухъ женъ и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ раненый, третій, старшій *), переданъ былъ уже генералу Граббе, — спустили другъ друга на веревкахъ по ужаснымъ скалистымъ обрывамъ на берегъ Койсу и, съ шашками въ рукахъ, бросились на вашу цѣль. Бой былъ отчаянны. Одна изъ женъ имама убита и брошена тутъ на мѣстѣ; другой сынъ раненъ картечью; мы взяли обоихъ на плечи и, наконецъ, пробились, оставивъ изъ 150 человѣкъ 95 убитыми. Мало ли мы испытали горя и не отъ однихъ только Русскихъ, но даже отъ своихъ мусульманъ, противившихся принять и исполнять шаріатъ? Но твердо и мужественно преодолѣвали мы всѣ бѣдствія, и теперь, какъ видите, находимся въ лучшемъ положеніи. Богъ великъ! Никто не знаетъ, что еще предстоитъ намъ. Да будетъ Его воля, безъ которой ничего не дѣлается! Такъ и вы теперь въ несчастіи, но, дастъ Богъ, оно пройдетъ, и вы будете наслаждаться новымъ счастіемъ.»

Такой образъ дикаго горца и эти простыя, утѣшительныя слова въ устахъ Ахверды-Магомета глубоко поразили и тронули узниковъ. Они поблагодарили наiba за участіе и стали просить его исходатайствовать у Шамиля облегченія своей участіи. «Если Шамиль, — сказалъ ему князь Орбельянъ, — держаль нась прежде худо, съ тѣмъ, чтобы мы лучше описали свою мучительную неволю, и тѣмъ скорѣе убѣдили начальство выдать ему сына и прочихъ, то зачѣмъ онъ теперь, когда уже отправлено это прошеніе, не облегчить нашего положенія? Если онъ боится бѣгства нашего и не хочетъ вывестъ изъ ямы, то пусть, по крайней мѣрѣ, не морить съ голода. Мы не просимъ лучшей пищи, а только хотъ немнога побольше. Развѣ такъ Русскіе содержать вашихъ плѣнныхъ? Имъ отпускается, смотря по званію и достоинству ихъ, достаточное содержаніе, такъ, что они ни въ чёмъ не терпятъ нужды.»

«Знаю, любезный, знаю хорошо!» — сказалъ Ахверды-Магометъ, и обѣщалъ просить Шамиля прибавить плѣннымъ ханкаловъ.

*) Джемаль-Эддинъ.

Но, вѣрно, Шамиль не согласился: просьба узниковъ не исполнилась и положеніе не измѣнилось.

Впрочемъ, Ахверды-Магометъ ни на однихъ только словахъ показалъ душевную доброту свою. При прощаніи съ нашими, онъ, съ позволенія Шамиля, далъ князю Орбельяну и Аланову по одному рублю серебромъ. Узниковъ мучилъ голодъ, и они приняли съ признательностью подарокъ наиба. Въ тогдашихъ обстоятельствахъ, эти два рубля были имъ дороже двухъ тысячъ въ другое время. Какъ радовались страдальцы деньгамъ, въ надеждѣ подкрепить себя и товарищей лучшую пищею! Но напрасная радость! Гнусные караульщики, взявъ рубли, спрятали ихъ и, въ замѣнъ, бросили въ яму десять небольшихъ лепешекъ изъ кукурузы, съ кускомъ свѣчного сала. Тщетно плѣнныя умоляли ихъ купить сколько-нибудь мяса; горцы и слушать не хотѣли. Обманутое ожиданіе, голодъ и негодованіе страшно терзали тѣло и душу.

На другой день Ахверды-Магометъ выступилъ съ Чеченскою конницею, и заключенные уже не видались съ наибомъ до возвращенія его изъ Иггалинского дѣла, гдѣ онъ снова отличился.

Прѣѣзжали въ темницу и прочие наибы, какъ-то: Андійскій кадій, *Абакаръ-Дибиръ, Гаджи-Муратъ, Сурхай, Кубитъ-Магома* и проч.

Въ половинѣ мая, горцы двинулись къ Кази-Кумыху; за ними (14-го мая) выѣхалъ туда же и самъ Шамиль, оставивъ Чечню въ распоряженіи Шуемба и Улу-Бея *), на которыхъ онъ надѣялся, какъ на самого себя, съ приказаніемъ, въ случаѣ какой-либо опасности, плѣнныхъ офицеровъ увести въ Анди, а прочихъ — убить.

23-го мая, заключенные въ первый разъ услышали, что собирается русскій отрядъ для экспедиціи въ Чечню, а по дорогѣ въ Дарги жители строятъ завалы. 28-го послышались выстрѣлы изъ орудій; 30-го всѣ семейства изъ Дарговъ стали уходить въ лѣса и горы, а мужчины, способные носить оружіе, — куда призывала ихъ обязанность.

*) По другому показанію Нуръ-Магома Кадія, — черкесскаго абрека.

1-го июня, генералъ Граббе вступилъ въ Ичкеринскіе лѣса. Съ каждымъ днемъ гулъ пальбы доходилъ явственнѣе до плѣнныхъ; казалось, что лучь свободы озаряетъ уже темницу ихъ; но скоро потеряли узники надежду увидѣть Русскихъ въ с. Даргахъ. Молодой Чеченецъ, сидѣвшій съ ними за смертоубийство, получалъ отъ своей сестры, которая, три раза въ день, приходила къ нему съ кушаньемъ, подробная извѣстія о ходѣ дѣлъ и о разныхъ случаяхъ. Отъ него узнавали наипо обо всемъ. Онъ за себя и за нихъ душевно сожалѣлъ, что Русскіе пошли по непроходимымъ и безводнымъ лѣсамъ, и говорилъ, что если бы наши войска пошли къ сел. Баяни, по дорогѣ нѣсколько уже разработанной, то успѣли бы въ своемъ предпріятіи, что тогда онъ, вмѣстѣ съ ними, бѣжалъ бы, указалъ дорогу и все спаслись бы; но что теперь на это онъ не можетъ рѣшиться, потому что, можно навѣрно сказать, Русскіе не достигнутъ Дарговъ; Шамиль возвратится изъ Кази-Кумыха, сдѣлается снова обладателемъ Чечни, и тогда семейство его — родители, братья и сестры падутъ жертвами за его бѣгство.

Шуембъ и Улу-Бей встрѣтили генерала Граббе съ Ичкеринцами и Ауховцами; прочие не поспѣли, или не хотѣли участвовать; наипо плѣнныя сами видѣли до 100 человѣкъ Андійцевъ, спокойно остававшихся въ Даргахъ. Оба наиба безпрерывно посыпали къ семейству Шамиля съ просьбою переселиться въ Анди, или въ дальнѣйшія горы Дагестана; они приказывали сказать, что будутъ защищаться до послѣд资料а изыханія, что Русскимъ нѣть почти возможности дойти до Дарговъ, но что, при всемъ томъ, нельзя совершенно ручаться за безопасность, потому что генералъ Граббе, если захочетъ, настоитъ на своемъ, несмотря ни на какую потерю. Это было общее мнѣніе горцевъ о генералѣ Граббѣ, и убѣжденіе это такъ пугало Чеченцевъ, что они, хотя и полагали невозможнымъ для Русскихъ, когда бы ни было, дойти по этой дорогѣ до Дарговъ, однако спѣшили переселяться въ безопаснѣйшія мѣста. Семейство Шамиля, со всѣмъ имуществомъ его, перѣѣхало въ Анди.

Послѣ этого отѣзда *), собрались мюриды въ домѣ надѣ

*) По другому показанію — 1-го июня.

ямою и начали совѣтovаться, что дѣлать съ плѣнными теперь, когда Русскіе подходятъ и каждый долженъ думать о собственной безопасности. « Что дѣлать? — закричалъ двоюродный братъ Шамиля, Гимринскій абрекъ Ибрагимъ, — Русскіе же бываютъ теперь нашихъ мусульманъ; убьемъ же и мы единовѣрцевъ ихъ, плѣнныхъ свиней нашихъ; этимъ отомстимъ за братьевъ нашихъ, сдѣлаемъ богоугодное дѣло и спасемъ души наши. » Узники все это слышали, также какъ и то, что Даргинскій кадій приказалъ мюридамъ приготовить оружіе и выводить ихъ по одиначкѣ. Послѣднее исполнено; несчастные были ужъ наверху, со связанными руками. Казалось, настала послѣдняя минута ихъ жизни. Но еще разъ смерть ихъ миновала.

Къ счастію, въ это время, подошелъ къ мюридамъ, рѣшившимъ участъ узниковъ, одинъ изъ кази-кумыхскихъ бѣглецовъ. Услышавъ о такомъ намѣреніи, онъ представилъ горцамъ, что не зачѣмъ убивать Русскихъ, а лучше дать голымъ богомольцамъ по штуцѣ бумажного холста *), и они отведутъ плѣнныхъ въ Анди и дальше, что Шамиль, если захочетъ ихъ продать, получить, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ болѣе. Мюриды убѣдились его совѣтами, приказали вывести нашихъ изъ ямы и отправили съ богомольцами въ селеніе Анди. Выйдя на воздухъ, страдальцы своими глазами

*) Этотъ разноцвѣтный холстъ привозится въ горы изъ разныхъ сторонъ: изъ Джаро-Бѣлоканскаго уѣзда, чрезъ Анкракильцевъ; изъ Тифлиса — вывозятъ его Кази-Кумыхцы и Чохцы; Акушинцы и Цудахаринцы доставляютъ его изъ Дербента; Ахтиады, Рутульцы и проч. изъ Кубы, чрезъ жидовъ; Аварія, Гумбетъ и Койсубу изъ Темир-Ханъ-Шуры. Въ Чечню привозятъ его, тайкомъ, мирные жители Кумыхскихъ владѣній; туда же доставляется этотъ предметъ изъ Внезапной, Аксая, Грозной и Владикавказа. Штука такого холста продаются по одному рублю серебромъ; онъ въ большемъ употребленіи, потому что, по шаріату, не дозволяется носить шелкъ. Умный Шафи *), къ сектѣ котораго принадлежитъ весь Дагестанъ, чтобы отклонить горцевъ отъ всѣхъ предметовъ роскоши, постановилъ, что употребленіе шелка и золота на платье и оружіе есть величайшій грѣхъ, даже запретилъ послѣдователямъ своимъ имѣть вдругъ всю новую одежду.

* Сунниты, какъ известно, раздѣляются на четыре секты: Шафи, Анафи, Малаки, Алали. Дагестанцы принадлежатъ къ первой.

видѣли облако надъ Ичкеринскими лѣсами; пушечные выстрѣлы были ясно слышны, ружейная пальба сливалась въ одинъ гулъ.

По дорогѣ въ Анди, наши встрѣчали множество всадниковъ, шедшихъ на помощь сражавшимся въ Ичкеринскомъ лѣсу. Необходимость перемѣнять конвойныхъ заставило перенести чрезъ нѣсколько деревень, и тутъ наши удостовѣрились въ хорошемъ расположениіи Андійцевъ къ Русскимъ, о которомъ мы говорили. Вездѣ плѣнныхъ встрѣчали съ особенными признаками сожалѣнія и подавали хлѣбъ, въ которомъ наши нуждались. Въ Анди офицеры помѣщены были въ хорошемъ домѣ, а прочие — въ подобномъ даргинскому погребѣ. Жители этого селенія, за исключеніемъ человѣкъ тридцати, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, всѣ радостно ожидали прибытія Русскихъ, но также мало надѣялись, что генералу Граббе удастся проникнуть до Дарговъ и черезъ горы, по взятыму имъ направлению. Противъ имама они были скованы страхомъ и не смѣли ничего предпринять, но ожидали прибытія Русскихъ, чтобы свергнуть ненавистное иго и поправить собственное свое положеніе. Узнавъ обѣ отступлениіи генерала Граббе, многие пришли къ плѣннымъ и печально сказали: « мы ожидали нашихъ и встрѣтили бы, вмѣстѣ съ вами, Русскихъ съ хлѣбомъ и солью; обстоятельства благопріятствовали: Шамиля здѣсь нѣтъ, и никто не препятствовалъ бы намъ. На насть генералъ не могъ достовѣрно полагаться: дѣйствительно, дойди Русскіе хоть до Дарговъ, мы вышли бы къ нимъ на встрѣчу, какъ друзья; но кто могъ ручаться имъ за это? Вѣдь мы также могли въ страшномъ ущельѣ, идущемъ отъ Дарговъ къ хребту, встрѣтить ихъ съ оружиемъ въ рукахъ, и тогда они утонули бы въ собственной своей крови; положимъ даже, что, потерявъ своихъ тысячу пять, вы успѣли бы занять ущелье; къ тому времени подоспѣлъ бы Шамиль и спустился бы на васъ съ гребня горъ, а сзади васъ собрались бы Чеченцы, и тогда вы легли бы на мѣстѣ до послѣдняго, и не осталось бы живой души уведомить о вашей гибели. Вамъ бы слѣдовало итти изъ Черкея чрезъ Данухъ, Аргуани и Мехельту; вы не встрѣтили бы тамъ большихъ препятствій ни отъ жителей, ни отъ природы. Дарги и Чечня покорились бы вамъ безъ большаго сопротивленія. »

Слова эти глубоко врѣзались въ память князя Орбельяна, и потому, въ послѣдствіи, во время бѣгства своего и нахожденія въ Гумбетѣ, и, наконецъ, при освобожденіи, онъ разсматривалъ, со всѣмъ вниманіемъ, дороги и мѣстность, и убѣдился, что Гумбетомъ и Андію легко овладѣть; что Чечня не можетъ держаться, когда наши изъ Андіи стремятся въ нее съ гребня горъ, что Тлохъ, часть Технущацкаго общества, Карата, Аухвахъ и Ботлухъ, все пространство до лѣваго берега Аварской Койсу, покорится; а укрѣпивъ тогда, безъ большихъ усилий, важнѣйшія мѣста, мы можемъ стать въ Дагестанскихъ горахъ твердою ногою.

Объ отступленіи генерала Граббе изъ Ичкеринскихъ лѣсовъ плѣнныес услышали уже въ Андіи, а потомъ убѣдились въ немъ изъ множества отличныхъ лошадей и разной менѣе важной добычи, доставшейся Андійцамъ. Однакожъ, и со стороны горцевъ, потеря была очень чувствительна: по собственнымъ ихъ словамъ, они лишились до 600 человѣкъ.

6-го іюня, плѣнныхъ опять притгнали въ Дарги, снова засадили въ прежнюю яму; черезъ день, 8-го, прибыль и самъ Шамиль, спѣша на помощь Чечнѣ и семейству своему, полагая ихъ все еще въ опасности. Не заставъ Русскихъ, онъ сначала показывалъ какъ-бы неудовольствие за то, что отвлекли его отъ кази-кумыхскихъ дѣлъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, ставъ въ тылу Русскихъ, лишилъ бы ихъ всякой возможности получать подвозы и выморилъ бы голодомъ. Но скоро досада имама прошла, и онъ чрезвычайно ласково принялъ наибовь Шуемба и Улу-Бея, коимъ, за храбрость и мужественное отраженіе Русскихъ, въ кровавомъ Ичкеринскомъ дѣлѣ, подарилъ два нашихъ знамени, доставшіяся ему въ Кази-Кумыхѣ отъ жены Асланъ-Хана, которому пожалованы они были графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ за удержаніе въ спокойствіи всего Дагестана во время Персидской войны.

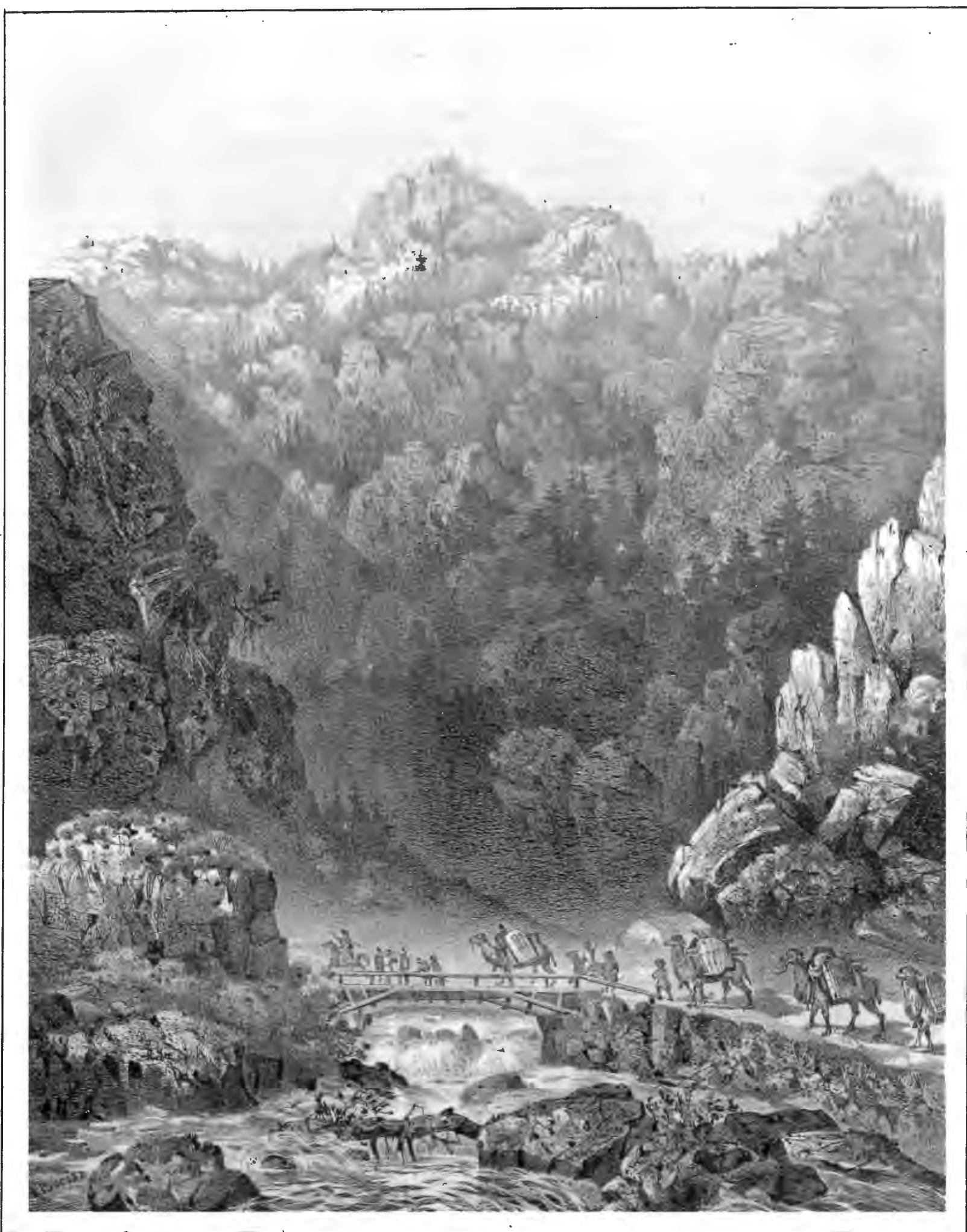
Междудѣмъ, положеніе узниковъ становилось со дня на день тѣжелѣе; истощенные голодомъ и убийственнымъ воздухомъ, они чувствовали крайнее изнеможеніе силъ и неминуемую гибель. Получаемыя извѣстія, касательно размѣ-

на *), не заключали ничего надежнаго. Узнавъ при этомъ, что надзиратель, опасаясь за жизнь подполковника Снаксарева, бывшаго тогда очень слабымъ, намѣревался оставлять его наверху, прикованного на цѣпи, узники рѣшились, во что бы ни стало, привести въ исполненіе давнее намѣреніе свое — спастись бѣгствомъ, или умереть, и дѣятельно стали изыскивать къ тому способы. Къ счастію, молодаго Чеченца, содержавшагося съ ними, уже не было при возвращеніи ихъ изъ Андіи: на его участіе или молчаніе нельзя было надѣяться.

Для того, чтобы выйти изъ ямы, представлялось одно только средство — прорыться въ боковой стѣнѣ. Благословясь, наши принялись за работу. На возвратномъ пути изъ Андіи, они нашли на дорогѣ сухую, крѣпкую и заостренную палку и, украдкой отъ караульныхъ, принесли ее съ собою въ яму, гдѣ спрятали, воткнувъ въ потолокъ. Съ помощью этой палки, они врылись въ стѣну; работа шла безъ помѣхи довольно успѣшино. Вырытую землю раскидывали подъ себя на днѣ ямы. Чрезъ нѣсколько дней, въ стѣнѣ прорыть былъ проходъ, въ полтора или два аршина въ длину и такой высоты, что можно было ползкомъ пробраться чрезъ него. Между ними и свободой остался небольшой только простѣнокъ. Но чтобы караульные, осматривавшіе иногда яму, не замѣтили внутреннаго отверстія въ стѣнѣ, они сдѣлали непрерывную изъ сучьевъ и вѣтвей, на которыхъ спаль Чеченецъ, вставили его въ отверстіе и покрыли смазкою, которую приготовили изъ вырытой земли и воды, отпускающейся для питья.

Оставалось согласиться, какъ и куда бѣжать до русскихъ гарнизоновъ. Тутъ вышло между ними несогласіе: нѣкоторые рѣшились направиться къ Герзель-Аулу, другіе — къ Внезапной; а князь Орбельянъ — предпочиталъ для себя дальнюю и окружную дорогу, чрезъ Андійскія и Гумбетовскія горы, въ Черкей, разсчитывая, что горцы, узнавъ о

*) Во все продолженіе плены, генералъ Клюге-фонъ-Клугенau не переставалъ заботиться о страдальцахъ; письма его услаждали горесть ихъ положенія, и хотя присыпаемыи пособіями наши не могли подѣзоваться, потому что все доставлялось въ руки Шамилю, во, тѣмъ не менѣе, старанію генерала они обязаны были свободой.

Илл. Г. Полковника Новоселова.

Печ. И. Корелинъ.

ВИДЪ ДАРЬЯЛЬСКАГО УЩЕЛЬЯ.

1842.

бѣгствѣ, скорѣе всего бросяется на первыя двѣ дороги, какъ на кратчайшіе пути къ русскимъ крѣпостямъ. Такимъ образомъ, узники раздѣлились на три пути. Къ князю Орбельяну пристали рядовой Загорскій и донской казакъ Головановъ. За направленіе къ Гергель-аулу стоялъ Анановъ. Къ нему присоединились: подполковникъ Снакаревъ съ своими двумя служителями, два казака, Армянинъ и Грузинъ. Казакъ Щедринъ, съ двумя другими казаками, брали направленіе къ Внезапной. Согласившись въ этомъ, бросили жребій, кому первому выйтіи изъ ямы. Жребій палъ на князя Орбельяна и его партію. Все было готово, ждали только удобнаго случая.

Настала ночь, 22-го юня, темная, буриная, дождливая. Узники слышали, какъ надъ ними капало съ крыши, какъ сторожевые, съ ругательствами, укрывались въ караульнѣ отъ дождя. Это время казалось благопріятнымъ. Общими силами принялись дорывать остальную землю и, къ полуночи, наружное отверстіе было пробито, свѣжій воздухъ дунулъ въ лицѣ. Страдальцы простились, благословили другъ друга на столь опасное предпріятіе, перекрестились и начали выходить.

На одной ногѣ раздвинулъ князь Орбельянъ кольцо, снялъ кандалы съ нея и прикрепилъ къ другой ногѣ, которую невозможно было освободить отъ цѣпи безъ ключа, или другихъ инструментовъ. Вся одежда на немъ состояла изъ прорванной рубашки, исподняго платья и плохихъ сапоговъ. Выдя изъ ямы и пройдя Дарги, эта партія пошла по Андійскому ущелью и, принявъ потомъ немного влѣво, вступила въ дремучій лѣсъ. У каждого изъ бѣглецовъ было не болѣе, какъ по два хинкала; но, безпрерывно спотыкаясь и падая, переходя ужаснѣйшіе овраги и пропасти, они скоро растеряли весь этотъ скучный запасъ пищи. Между тѣмъ, дождь лилъ ливня, въ лѣсу обняла ихъ такая темнота, что не было возможности видѣть на шагъ передъ собой. Остановились.

Съ разсвѣтомъ снова поднялись и направились на востокъ. Шли безъ дороги, то взираясь по крутымъ подъемамъ, то сползая по обрывистымъ спускамъ; иногда принуждены были цѣпляться за вѣтви деревьевъ, раскачиваться и соскачивать на дно оврага или пропасти, а оттуда, опять по деревьямъ, сучьямъ и вѣтвямъ, подниматься вверхъ. Это из-

мучило бѣглецовъ до крайности. Каждая четверть часа, они должны были останавливаться для отдыха. Послѣ полудня (23-го), пошелъ въ горахъ сильный градъ и поднялась страшная выюга. Голодъ, стужа и усталость довели страдальцевъ до совершенного изнеможенія. Они бросились на землю; насталъ вечеръ и съ нимъ ужасная темнота, которая заставила ихъ провести и ночь на томъ же мѣстѣ.

На другой день, они продолжали бѣгство, направляясь постоянно на востокъ и придерживаясь Андійского хребта. Голодъ мучилъ ихъ; утолить его было нечѣмъ. Принялись есть траву, а иногда попадалась горькая, полустгнившая чermша; съ жадностю Ѳли ее, но горло стало сохнуть и пухнуть; скоро открылось воспаленіе, которое мѣшало даже глотать воду. Кое-какъ дотащились до Мехельтской дороги, идущей изъ Андіи, спустились оттуда внизъ къ Ауховскимъ лѣсамъ и рѣкѣ Яманъ-Су. Подходя къ ней, они вдругъ увидѣли, въ близкомъ разстояніи, стадо, которое пасли четыре мальчика. Скрыться отъ нихъ было уже нельзя, а потому страдальцы подошли къ пастухамъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказали, что они пленные солдаты и находятся у Ташовъ-Аджія; что въ Андійскихъ горахъ пасли лошадей его, которая разбѣжалась и, какъ говорятъ, будто эти лошади находятся теперь въ деревнѣ Альма, то и идутъ туда ихъ отыскивать. Мальчики дали имъ нѣсколько хинкаловъ. Съ большимъ трудомъ и болью, страдальцы не много утолили голодъ, мучившій ихъ, и пошли далѣе, какъ-будто по дорогѣ въ сказанное селеніе. Этотъ случай сдѣлалъ бѣглецовъ осторожнѣе. Они вооружились хорошою дубинкой, чтобы защищаться въ случаѣ нападенія. Лучше ужъ умереть, — думали они, — защищая себя, чѣмъ лишиться жизни отъ рукъ Шамилева палача; и, сверхъ того, при счастіи и смѣлости, съ дубинами въ рукахъ, они могли всегда справиться съ нѣсколькими горцами. Предосторожность оказалась неизлишнею.

Едва успѣли они выйтіи изъ виду мальчиковъ, какъ на князя Орбельяна (онъ шелъ впереди) напали два Чеченца, съ кинжалами въ рукахъ. Въ одинъ мигъ представилась Князю опасность его положенія,—всѣ ужасы, ожидавшіе его, если поймаютъ и представятъ Шамилю, который предастъ новому мучительнѣйшему заточенію и навсегда разлучить

сь родными и отечествомъ; всѣ чувства въ немъ изволиловались. Въ ожесточеніи размахнулся Князь дубиною, направляя ударъ въ голову одному изъ Чеченцевъ; но тотъ защищилъ голову рукою, и потомъ оба пустились бѣжать, не обдумавъ, что они вооружены и имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который едва держался на ногахъ. Удалившись отъ Князя, Чеченцы напали на его товарищей, которые стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и, противъ взаимнаго обязательства защищать въ опасности другъ друга, оставались во все время равнодушными зрителями. Чеченцы, безъ труда, переловили ихъ и погнали назадъ *). Замѣтивъ малодушіе товарищей своихъ и разсчитавъ, что нечего надѣяться на ихъ содѣствіе, князь Орбельянъ пустился бѣжать къ рѣкѣ Яманъ-Су, переправился черезъ нее и, скрывшись изъ вида Чеченцевъ,

*) По другому показанію, дѣло это происходило иначе. Такъ какъ въ немъ изображена дальнѣйшая судьба рядового Загорского и казака Голованова, то приводимъ это此刻аніе:

Пастухи, замѣтивъ бѣглецовъ, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Опасность возвратила нашимъ силы. Князь Орбельянъ соскочилъ въ крутизу и исчезъ въ туманѣ. Загорскій съ казакомъ принялись защищаться имѣвшимися у нихъ палками; но слабое оружіе не устрашило враговъ. Головановъ получилъ рану кинжаломъ въ голову, а Загорскій, пользуясь случаемъ, бросился бѣжать. Путаясь въ огромной травѣ, покрывавшей гору, онъ падалъ на каждомъ шагу и, не видя другаго средства добраться до утесистаго берега рѣки Яманъ-су, текущей у подошвы горы, покатился со всѣхъ силъ, и непремѣнно окончилъ бы въ ней страданіе, если бъ его преслѣдователи не примчались, съ немовѣрою быстротою, и не подхватили его на краю пропасти. Тутъ первымъ ихъ усилемъ было привести Загорскаго въ чувство отъ обморока: они принялись за палки, до тѣхъ поръ не переставали дѣйствовать, пока ихъ труды не произвели успѣха, можетъ быть, противнаго ихъ ожиданію. Увидѣвъ, что Загорскій живъ, пастухи вывѣли его на гору, раздѣла до нага, связали руки и ноги и оставили на дождѣ. Страдалецъ пролежалъ въ такомъ состояніи часа два; наконецъ, такія мученія тронули одного присутствовавшаго Чеченца, и онъ уговорилъ своихъ товарищевъ, Гумбетовцевъ, отдать Загорскому его изорванную одежду, за исключеніемъ шапки, упавшей въ рѣку. Вскорѣ послѣ этого, Загорскаго и казака подняли и вѣльши идти, не скupясь ударами на каждомъ шагу, и, такимъ образомъ, ихъ пригнали, въполномъ смыслѣ слова, предъ вечеромъ, въ Дарги, отстоявшія отъ мѣста поимки, по крайней мѣрѣ, верстъ на 40.

вошелъ въ какую-то пещеру и легъ отдыхать. Собравшись съ силами, снова пустился въ дорогу, достигъ по труднымъ крутизамъ, послѣдняго отрога Андійскихъ и Гумбетовскихъ горъ и благополучно перебрался чрезъ него.

У подъема на Салатавскія горы (около Буртуна) пошелъ опять сильный градъ; хотя онъ не долго продолжался, но князь Орбельянъ продрогъ отъ холода, и какъ въ это время погода прояснилась, то легъ на пригоркѣ, чтобы отогрѣться на солнцѣ. Дорого стоилъ ему этотъ кратковременный отдыхъ! За пригоркомъ паслось цѣлое стадо баравовъ, подъ присмотромъ пятнадцати человѣкъ пастуховъ и нѣсколькихъ собакъ. Князь лежалъ еще, какъ подошли два мальчика и спросили по-лезгински: «кто онъ?» Съ просонка, бѣглецъ не могъ тотчасъ опомниться, не отвѣчалъ ни слова и побѣжалъ въ ближайший лѣсъ. Мальчики начали кричать, явились остальные пастухи и, тотчасъ же, бросились съ своими собаками. Князь Орбельянъ напрягалъ послѣднія усилия, чтобы уйти отъ нихъ, но силы отказывались служить. Онъ бѣжалъ по краю обрыва, имѣвшаго до двухъ сажень высоты. Не видя другаго средства къ спасенію, страдалецъ бросился въ оврагъ, съ тою мыслю, что если этотъ отчаянныи скакекъ удастся, то онъ спасется, потому что пастухи, навѣрно, не рѣшились бы послѣдовать за нимъ. Но чаша его бѣствий еще не исполнилась. Соскочивъ въ оврагъ, онъ болѣно ушибъ ногу, вывихнулъ себѣ правую руку и сѣль на мѣстѣ, лишившись чувствъ. Горцы обѣжали кругомъ, привели его въ себя и притащили на то мѣсто, где стояло стадо. Напрасно ихъ увѣрялъ Князь, что онъ бѣглый солдатъ, и старался ввести въ заблужденіе. Пастухи не вѣрили такимъ словамъ, потому что были извѣщены о бѣгствѣ Русскихъ. Шамиль разослалъ за ними всю Ичкерію и даже Большую Чечню *), по направленію къ Грозной. Видя, что первыя представленія не помогаютъ, князь Орбельянъ, наконецъ, предложилъ сто рублей, съ тѣмъ, чтобы его доставили въ селеніе Черкей. Горцы, по видимому, согласились; ноги несчастнаго узника опухли, какъ отъ паденія, такъ и отъ ходьбы безъ сапоговъ, которыхъ давно уже онъ ли-

*) По первой тревогѣ вышло за бѣглцами въ погоню до 3000 человѣкъ жителей въ разныхъ стороны.

шился; но твердое убѣжденіе, что приближается къ концу страданій, его ободрило. Не смотря на ночную темноту и дождь, онъ, однако жъ, поднявшись на Мехельскую гору, замѣтилъ, по мѣстоположенію и направленію горъ, что идутъ не по дорогѣ въ Буртунай. Мѣстность эта осталась въ его памяти еще съ 1841 года, когда они проходили по Салатавскимъ горамъ съ генераломъ Фези. На вопросъ: «куда его ведутъ?» горцы ничего не отвѣчали. Разсвѣло. Вмѣсто Черкея, Князь увидѣлъ предъ собою Мехельту. Вдали раздавались пушечные выстрѣлы. Это генераль Граббе, возвратившись изъ Ичкеринскихъ лѣсовъ, подступалъ къ селенію Игали, отстоявшему отъ Мехельты всего на шесть или на семь верстъ. Въ другой уже разъ несчастный былъ такъ близокъ къ своимъ и къ спасенію, и въ другой разъ принужденъ былъ удалиться отъ близкаго избавленія. Судьба какъ-бы хотѣла измучить его безпрерывными переходами отъ надежды къ новымъ страданіямъ!... Въ Мехельтѣ князя Орбельяна снова сковали и потомъ повели въ Дарги. Здѣсь онъ нашелъ изъ прежнихъ соучастниковъ неволи своей девять человѣкъ: спаслись только подполковникъ Снакаревъ съ своими двумя служителями и однимъ казакомъ.

Бѣгство это было причиною, что Шамиль не участвовалъ въ Игалинскомъ походѣ: онъ слишкомъ былъ озабоченъ мѣрами для поимки. Когда же дошли слухи, что подполковникъ Снакаревъ вышелъ во Внезапную, и когда князя Орбельяна привели въ Дарги, то Шамиль поѣхалъ къ Игалимъ; но узнавъ, въ Гагатляхъ, объ отступленіи генерала Граббе, возвратился домой.

Неудавшаяся попытка спастись сдѣлала положеніе нашихъ плѣнныхъ еще ужаснѣе прежняго. Въ первомъ порывѣ гнѣва, Шамиль приказалъ было отрубить всѣмъ имъ головы; но черкесские мюриды представили ему, что бѣгловъ не зачто убивать, что вѣдь и плѣнныя горцы также бѣгаютъ отъ Русскихъ; что, можетъ быть, за нихъ выдадутъ еще сына, или племянника его, или нѣсколько добрыхъ мусульманъ. Шамиль отмѣнилъ приказаніе свое, но предалъ узниковъ столь тягостной неволѣ, что легче было бы умереть отъ рукъ палача. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ приковали къ столбу огромною мельничною цѣпью, столь тяжелою, что

бѣдняки, не имѣя возможности сдѣлать малѣйшаго движенія, принуждены были неподвижно лежать навзничь на землѣ. Когда подавали имъ пищу, то подставляли подъ цѣпь особыя деревянныя подпорки, потому что безъ нихъ нельзя было подняться. Если бы страдальцамъ дали полѣно, или камень подъ головы, то и это бы они сочли болѣшимъ одолженіемъ. Но, въ отвѣтъ на такую просьбу, имъ сказали: «вы жаловались на жестокое съ вами обращеніе совершенно несправедливо, когда достало у васъ силы бѣжать; на будущее время, станутъ васъ содержать такъ, чтобы вы были ни живы, ни мертвы.» Варвары сдержали свое слово. Не разъ призывали заключенные смерть, какъ послѣднее благодѣяніе. Мученія, которыхъ они терпѣли и душей и тѣломъ, были почти невыносимы и произвели вредное вліяніе на здоровье нѣкоторыхъ изъ узниковъ: они начали болѣть разслабленіемъ желудка. Зная, что когда-то Загорскій учился медицинѣ, все обратились къ нему, требуя совѣта. Заброшенаго своего искусства онъ не могъ бы употребить лучше. Общими силами заключенные стали просить караульныхъ объ исходатайствованіи для Загорскаго позволенія Шамиля собрать нужныхъ травъ, которыхъ онъ надѣялся найти въ окрестностяхъ. Къ счастію, Шамиль согласился. Загорскій нашелъ желаемыя травы, поилъ ими товарищей и, благодаря Бога, они все выздоровѣли.

Въ началѣ августа, Шамиль было отправлено въ Кабарду, снисходя на просьбу ея жителей, но возвратился съ дороги, задержанный, какъ слышно было, полноводiemъ Сунжи.

Около этого же времени, пріѣзжалъ въ Дарги Магмедъ-Кадій Согратльскій, съ значительнымъ числомъ Андалясскихъ мюридовъ. Шамиль, узнавъ о прибытіи гостей, встрѣтилъ ихъ за домомъ съ такою радостью и признаками дружбы, какіе онъ оказывалъ одному только Шуембу.

Во время постройки русскими войсками укрѣпленія Опсургуль, Шамиль выступилъ изъ Дарговъ въ походъ съ значительными силами, и всѣми мѣрами старался препятствовать его сооруженію. Тамъ онъ, въ первый разъ, употребилъ въ дѣйствіе имѣвшееся у Шуембы-Муллы полевое орудіе, которое наводилъ бѣглый русскій канониръ.

Въ концѣ августа, возвратившись изъ этой экспедиціи, Шамиль началъ думать объ устройствѣ Дарговъ; онъ по-

строилъ себѣ домъ, гораздо обширнѣе и удобнѣе прежняго, и много другихъ зданій. Для работъ употреблялись, большою частію, русскіе мастера (бѣглые солдаты), которыхъ много находилось въ Чечнѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, и нашимъ узникамъ вѣльно было принять участіе въ работахъ. Эта перемѣна въ образѣ жизни не могла быть для нихъ не радостною: движеніе и трудъ, даже самыи усиленныи, гораздо сноснѣе неподвижныхъ страданій, на которыя, до того времени, они были обречены.

Между тѣмъ, продолжались переговоры о вымѣнѣ, начавшіеся въ концѣ іюля. Ожиданіе свободы еще болѣе оживило и поддержало полумертвое существованіе страдальцевъ.

Бѣгство подполковника Снакарева лишило Шамиля надежды возвратить себѣ сына. Зная, что его не выдадутъ за оставшихся плѣнныхъ, имамъ долго и слышать не хотѣлъ обѣ ихъ освобожденій; но потомъ просьбы двухъ хаджіевъ, содержавшихся въ Тифлісѣ въ плѣну: Салатовскаго — *Шамхандара* и Согратльскаго — *Абдурахмана*, и старанія родственниковъ князя Орбельяна склонили его на вымѣнѣ. Въ слѣдствіе этого, Шамиль потребовалъ за князя Орбельяна выдачи помянутыхъ двухъ мюридовъ и, сверхъ того, 11 человѣкъ, а за остальныхъ — еще 12 горцевъ. Такое требование не могло быть удовлетворено. Ему предложили за всѣхъ плѣнныхъ 12 мюридовъ изъ числа находившихся въ Тифлісѣ. Шамиль настаивалъ и, можетъ быть, не уступилъ бы, если бы *добрый Джемаль-Эддинъ* не явился посредникомъ. Узнавъ о затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ Шамилемъ, онъ писалъ къ нему, и жестоко упрекалъ ученика своего въ томъ, что, проповѣдуя шаріатъ, самъ не выполняетъ его. Въ шаріатѣ же именно сказано, что за каждого плѣнного муллу можно выдать 100 человѣкъ невѣрныхъ, и потому за двухъ муллъ, содержащихся у Русскихъ, имамъ, безъ дальнѣйшихъ притязаній, можетъ и обязанъ выдать всѣхъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ, страданіе и изнеможеніе узниковъ доходило до крайности. Они, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе ослабѣвали и быстро приближались къ концу мучительнаго ихъ положенія. Родственники помянутыхъ хаджіевъ представили Шамилю, что жизнь заключенныхъ — въ опасности и что съ

ихъ смертю потерпется всякая надежда возвратить изъ плѣна ихъ родственниковъ. Джемаль сдѣлалъ еще болѣе: онъ самъ прїѣхалъ въ Дарги и внушалъ Шамилю наблюдать въ отношеніи узниковъ болѣе кротости, доказывая, что безчеловѣчное обращеніе, — послѣдствіемъ котораго можетъ быть смерть ихъ, — не только не принесетъ ему пользы, но, напротивъ, можетъ побудить Русскихъ къ возмездію; что онъ долженъ братъ примѣръ отъ своихъ враговъ въ человѣколюбіи и хорошемъ содержаніи горцевъ, попавшихся въ ихъ руки; и что, наконецъ, требуя невозможнаго — возвращенія своего сына, — онъ прервѣтъ всѣ переговоры и лишитъ себя случая, сходными условіями, осчастливить нѣсколько семействъ, возвращеніемъ отцевъ и братьевъ, попавшихся къ Русскимъ. Столь благоразумные совѣты произвели желанное дѣйствіе, и Шамиль сталъ болѣе уступчивъ. Тогда Джеммаль-Эддинъ прислалъ тайно сказать узникамъ, что онъ прїѣхалъ съ намѣреніемъ освободить ихъ и что до исполненія этого не оставитъ Дарговъ. Послѣ того Джеммаль-Эддинъ даже не рѣдко самъ бывалъ у плѣнныхъ въ ямѣ, ободряя ихъ и ручался, что они будутъ освобождены.

23-го сентября, начался постъ Рамазанъ, а вмѣстѣ съ нимъ сборъ прибывающаго въ Дарги съ разныхъ обществъ народа, для творенія съ имамомъ молитвъ и слушанія его назидательныхъ рѣчей. Толпа рѣдко выходила изъ мечети безъ слезъ, а мюриды даже во снѣ повторяли «лай-лали-иль-алла». Наконецъ, заключенные узнали, что столь необыкновенная набожная ревность происходитъ по причинѣ предстоящаго свѣтопреставленія. Не знаемъ, какъ иначе это назвать. Шамиль отыскалъ въ какой-то книгѣ, что, 8-го октября, ночью, будетъ слышанъ съ небесъ гласъ Божій, призывающій праведниковъ на вѣчный райскій пиръ, и что грѣшники не будутъ слышать этого призыва и останутся на землѣ. Видно, и самъ Шамиль приготовлялся совершить этотъ дальний путь; ибо показалъ видѣ, что хочетъ помириться съ плѣнными и, какъ-бы въ вознагражденіе за перенесенные мученія, подарилъ страдальцамъ козу и чашку кукурузной муки и даже согласился на вымѣнѣ.

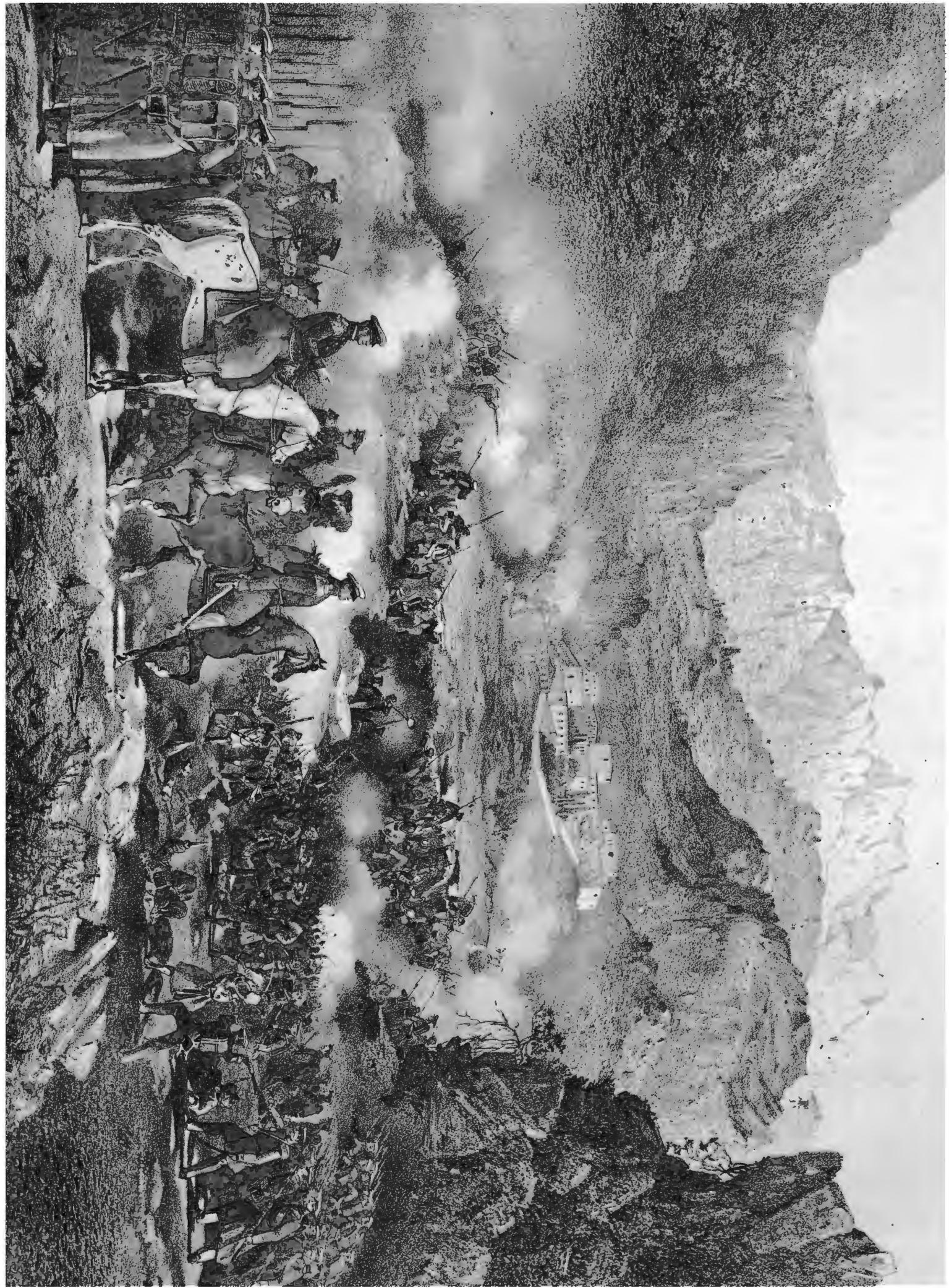
Сдѣлавъ такое рѣшеніе, Шамиль выдалъ князя Орбельяна родственникамъ помянутыхъ хаджіевъ, которые обѣщали,

ВЗЯТИЕ ШТУРМОМ АУЛА ГИМРЫ

ГДБ КАЗИ МУЛЛЫ БЫЛЪ УБИТЬ.

Печ. И. Королинъ

Илл. Г. Полковника Новоселова.

хорошимъ содеріжаніемъ у' себѣ, спасти его отъ смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Гумбета, гдѣ они жили, заключить о размѣнѣ окончательныхъ условій.

Прочіе плѣнныя оставались въ Даргахъ. Наступила ожидалася горцами, со страхомъ и надеждою, ночь, и все, что только жило во всемъ царствѣ шаріата, закричало разными голосами молитву, розданную предварительно всѣмъ правовѣрнымъ, съ приказаниемъ повторять ее нараспѣвъ, во все продолженіе ночи, не засыпая ни на минуту. Вопли женщинъ и дѣтей и изступленій ревъ мюридовъ раздавались по горамъ и лѣсамъ. Это было настоящее свѣтопреставленіе. Узники тоже не спали, потому что то, чего фанатики ожидали съ трепетомъ, у нихъ совершалось: коза и кукурузовое хинкали, послѣ полугодичного голода, составили для нихъ очень вкусную трапезу. На разсвѣтѣ все утихло; стали забирать справки и удостовѣрились, что никто не выбылъ изъ рядовъ кандидатовъ. Наши не знаютъ, что думалъ народъ объ этомъ шарлатанствѣ Шамиля, потому что никто не отваживался разсуждать. Но, можно полагать навѣрное, что неисполненіе этого пророчества приписано лишь тому только, что такъ угодно было Богу *).

Между тѣмъ, князь Орбельянъ, какъ сказали, еще въ сентябрѣ мѣсяца отправился въ Гумбетовское общество, въ деревню Кадари, гдѣ начались дѣятельные переговоры. Положеніе его улучшилось, и въ этомъ онъ былъ много обязанъ участію генераль-маиора фонъ Клугенау, который отечески заботился объ облегченіи участіи плѣнныхъ и ихъ освобожденіи. Узнавъ о прибытіи Князя въ Кадари, Клугенау тотчасъ же прислая ему денегъ, сахару, чаю и проч. Плѣнныи могъ купить себѣ одежду; лучшая пища и ожида-

*) Подобныя выходки Шамиль дѣлаетъ довольно часто; напримеръ, запершись въ своей комнатѣ, онъ цѣлую недѣлю не выходитъ, не принимаетъ пищи и не спитъ; послѣ этого является ожидающему его съ изступленіемъ народу и, какъ будто полусонный или въ магнитическомъ снѣ, объявляетъ, что онъ видѣлся съ Магометомъ и долженъ быть стыдиться за поведеніе своихъ чалмоносцевъ, передаетъ наставленія, сообщенные ему пророкомъ и назначаетъ молитвы или ведеть на бой.

ніе близкой свободы нѣсколько возстановили истощенные его силы. Но вдругъ переговоры приняли неожиданный оборотъ: генераль-маиръ князь Аргутинскій – Долгорукій, чрезъ котораго также велись переговоры съ Шамилемъ, приказалъ объявить послѣднему, что за князя Орбельяна выдадутъ только одного изъ хаджіевъ, и что этимъ прекратятся переговоры. О прочихъ вовсе не упоминалось. Шамиль крайне обидѣлся этимъ предложеніемъ и сказалъ: «мнѣ не дорогъ одинъ-человѣкъ; пусть же одинъ гибнетъ въ Тифлісѣ, а другой у меня!» И вслѣдъ за тѣмъ приказалъ возвратить князя Орбельяна въ Дарги. Въ отчаяніи плѣнникъ обратился къ Клугенау. Узнавъ, что, вслѣдствіе первоначального предположенія, прибыли изъ Тифліса въ Шуру 13 мюридовъ, для размѣна, онъ просилъ генерала, не найдутъ ли возможности прибавить къ этому числу горцевъ еще девяти женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Ахульго и сдержавшихся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявить Шамилю, что это— послѣднее предложеніе; если не согласится, то плѣнныхъ предаютъ волѣ Божіей.

Однако, надо было исполнить приказаніе Шамиля. Князя повели обратно въ Дарги. Шамиля и Джемаль-Эддина тамъ уже не было. Они поѣхали въ Чечню, откуда въ это время производился набѣгъ на Кизляръ; потомъ они отправились къ селенію Шелли, гдѣ Шамиль вступилъ въ третій бракъ, женившись на дочери Казикумыхца Абдуллы, который еще при генералѣ Ермоловѣ вышелъ изъ ханства и поселился въ Чечнѣ. Вступивъ въ родство съ имамомъ, Абдулла сдѣлался однимъ изъ почетнѣйшихъ лицъ.

Въ Даргахъ князя Орбельяна посадили снова въ яму и навалили опять огромныя цѣпи. Возобновились прежнія тѣлесныя страданія, прежняя невыносимая душевная тоска.

Такъ прошло 15 дней; наконецъ, Шамиль возвратился съ Джемаль-Эдиномъ изъ Чечни и, въ то же время, получилъ отъ генерала фонъ-Клугенау письмо, съ предложеніемъ, о которомъ выше говорили, представляя при томъ Шамилю, что онъ обязанъ спасти упомянутыхъ женщинъ, мужья которыхъ за него лишились всего и нѣкоторые даже жизни. Это письмо и многія убѣжденія Джемаля заставили Шамиля согласиться обмѣнѣть плѣнныхъ, на предложенныхъ генера-

ломъ Клугенау условіяхъ. Наконецъ, настала вѣчноблагословенная минута ихъ освобожденія. 16-го ноября вечеромъ, съ радостю на лицѣ, пришелъ къ страдальцамъ Джемаль-Эддинъ и объявилъ, что завтра они отправятся на родину.

На другой день, онъ пришелъ снова, чтобы проститься съ узниками и, съ достоинствомъ честного человѣка, сказалъ:

« Я обѣщалъ хлопотать объ освобожденіи вашемъ и, съ помощью Бога, совершенно успѣлъ въ томъ. Не думайте, чтобы это я сдѣлалъ изъ какихъ-нибудь видовъ: мнѣ ничего не нужно, кроме спокойствія. Я былъ когда-то богатъ, но предпочелъ уединеніе роскоши, и не жалѣю объ этомъ. Меня не устрашаетъ ни могущество вашего правительства, ни власть Шамиля; я всѣмъ говорю правду и — никогда не оставлю святой истины, которую боготворю. Я мюридъ, въ томъ пѣть сомнѣнія; но, вы видите, при мнѣ нѣтъ никакого оружія, ни даже обыкновенного ножа. Я гнушаюсь разбоемъ, и въ моей жизни я не пролилъ крови воробья. Мнѣ будетъ пріятно, если вы, возвратившись въ отечество, сохраните память о человѣкѣ, избавившемъ васъ отъ мученій неволи, который, въ странѣ дикой, пожиаемой войной, сохранилъ чистоту правовъ и непорочность жизни, подобно вашимъ монахамъ. Однакожъ, если кто изъ васъ будетъ видѣть корпуснаго командира, то скажите, что я хотѣлъ бы только одного, — позволенія посѣтить, когданибудь, Кази-Кумыхъ. Хотя мнѣ рады въ Цудахарѣ и вездѣ принимаютъ съ дружескими объятіями; но увидѣть, предъ смертю, страну, въ которой я родился, есть единственное мое желаніе. Я имѣю на это письменные позволенія прежнихъ корпусныхъ командировъ; но хочу, чтобы это было вѣрнѣе, и чтобы мои поступки были совершенно законные. Процайтѣ! »

Князя Орбелъяна Джемаль-Эддинъ даже повелъ къ себѣ на квартиру, и тамъ напоилъ его чаемъ.

Потомъ Князь пошелъ къ Шамилю, который благословилъ его на дорогу и, дружески прощаюсь, сказалъ: « Мы теперь съ тобою кунаки; пріѣзжай къ намъ, когда захочешь: ты всегда будешь въ совершенной безопасности и принять, какъ свой. »

Такимъ образомъ наши узники покинули Дарги, не чувствуя подъ собою земли; радость ихъ совершенно оживила. Много претерпѣли они, безъ теплой одежды и обуви *), отъ страшной мятли и стужи, которая провожали страдальцевъ во всю дорогу въ Гумбеть; но что значили эти неудобства противъ тѣхъ, какія они испытали въ теченіе прошлыхъ девяти мѣсяцевъ. Въ четвертый разъ шелъ князь Орбелъянъ по дорогѣ, ведущей изъ Андія въ Гумбеть, и каждый разъ съ различными чувствованіями: то волновала его радостная надежда освободиться изъ мученической неволи; то измѣнія, предавали новымъ и болѣе тяжкимъ страданіямъ. Теперь же онъ шелъ какъ свободный человѣкъ; позади — неволя, всѣ бѣствія и мученія; впереди — радость, свиданіе съ своими, счастіе и новая жизнь.

Волнуемые подобными чувствованіями, съ теплою благодарственною молитвою, узники достигли вершины горъ, раздѣляющихъ Гумбетовское общество отъ Салатавскаго, и взорамъ ихъ представились широкія Дагестанскія равнины и голубое море, лежавшее верстахъ въ 80-ти. Имъ казалось, что видѣть обѣтованную землю. Съ этого мѣста спустились они къ Черкею, верстъ на 15. Конвой состоялъ изъ 150-ти всадниковъ и нѣсколькихъ десятковъ пѣшихъ. Совершить размѣнъ Шамиль поручилъ Абакаръ-Дибию. Вожатые эти, съ врожденною горцамъ осторожностью и недовѣрчивостью, только послѣ нѣсколькихъ остановокъ и совѣщаній, приблизились къ оврагу, на противоположной сторонѣ котораго видѣлась команда солдатъ, приведшая плѣнныхъ горцевъ.

По сдѣланной съ обѣихъ сторонъ повѣркѣ плѣнныхъ, оказалось, что у Русскихъ недоставало одного, онъ умеръ на дорогѣ. Это обстоятельство замедлило ходъ дѣла: горцы хотѣли оставить у себя одного изъ низкихъ чиновъ. Русские сперва не соглашались, потомъ уступили ихъ настоянію. Всѣ ожидали страшного выбора; несчастному живо связали руки и отвели въ сторону, подъ караулъ, а его това-

*) Плѣнныѣ были одѣты въ лохмотья той же самой одежды, въ которой ихъ поймали послѣ побѣга.

рищай повели на обмѣнъ. Одинъ изъ горцевъ поѣхалъ впередъ сказать, чтобы и Русскіе вели своихъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, 28-го ноября, князь Орбельянъ и прочие плѣнны, кромѣ несчастнаго казака, получили вожделѣнную свободу.

Изложивъ, такъ подробно, исторію плѣна князя Орбельяна съ товарищами его несчастія, слѣдя принятому правилу, знакомить читателей, при всякомъ случаѣ, съ обстоятельствами края, представляемъ взглѣдъ на страну, подвластную Шамилю, по разсказамъ плѣнныхъ, на основаніи видѣннаго, слышаннаго и узнаннаго ими въ теченіе осьми тяжкихъ мѣсяцovъ. Эти разсказы получаются замѣчательную важность, если припомнить то, что чрезъ три года наши войска побѣдоносно явились въ Андіи и Дарго, и что князь Орбельянъ въ эту экспедицію былъ близокъ къ главнокомандовавшему.

Страна, пройденная плѣнными, за исключеніемъ части Андіи, Гумбета и Малой Чечни, въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ почти единообразна. Это—огромное пространство хребтовъ горъ, ущелій или безднъ, большою частію поразительныхъ по своей безжизненности и дикости. Бѣдная зелень и рѣдкія деревья совершиенно незамѣтны въ громадахъ камня пепельного цвѣта. Аулы таятся на днѣ ущелій или скрываются за массою горъ.

Таковъ собственно *Дагестанъ*. Но предѣлы этой горной страны изумительно различны отъ внутренности края: они покрыты богатою зеленою и обширными лѣсами. Да и бѣдныя, нагія горы не такъ обнажены, какъ то кажется съ первого взгляда. Когда спуститесь въ ущелья съ круть и скаль, то увидите, что подошвы и покатости горъ покрыты зеленою, мѣстами лѣсомъ, и часто поражаютъ, столь же сильно какъ и дикость горъ, роскошною зеленою садовъ прирѣчныхъ ауловъ, богатыхъ виноградомъ, персиками, абрикосами, бергамотами и орѣхами.

Равнинъ здѣсь почти нѣтъ; но окрестности Голотля, Караты, Андіи и отчасти Гумбета довольно открыты.

Рѣками страна не богата и онѣ скорѣе могутъ быть названы горными потоками. Ширина и глубина ихъ вообще

весъма незначительны: первая не превышаетъ осьми аршинъ. Они текутъ въ ущельяхъ, не рѣдко имѣютъ обрывистые берега и, по быстротѣ своей и тѣснинамъ, въ которыхъ проходятъ, составляютъ значительное препятствіе для сообщеній, особенно лѣтомъ; въ прочія же времена года вездѣ есть броды.

Лѣса, или, лучше, кустарники, плѣнны видѣли только въ окрестностяхъ Рагоджабы и Конфидатля; не много болѣе встрѣчали ихъ въ Гумбетѣ, и почти исключительно можно назвать этимъ именемъ находившіеся въ Дарго.

Естественныхъ произведеній, особенно замѣчательныхъ, плѣнны не встрѣчали. Нахожденіе селитры и сѣры можно предполагать; но, кромѣ Андійской пещеры, наши не слыхали о мѣстахъ, изъ которыхъ бы горцы получали эти вещества. Изъ металловъ извѣстно только желѣзо, и то въ незначительномъ количествѣ. Свинца вовсе нѣтъ и часто случалось видѣть мѣдныя пули.

Въ Чечнѣ (на плоскости) два лѣтніе мѣсяца бываютъ тяжелы по чрезвычайнымъ жарамъ; остальное время года очень сходно съ русскимъ климатомъ. Зимы иногда случаются суровыя и очень снѣжныя. Въ горной Чечнѣ жары умѣрены, вѣтры не такъ сильны. Въ горахъ невозможно опредѣлить климата для цѣлаго пространства: есть ущелья, гдѣ солнце печеть, какъ въ раскаленной печи; есть мѣста, гдѣ погода постоянно свѣжая и туманная. Такое различіе встрѣчается иногда на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Обыкновенно въ октябрѣ на плоскости и въ горахъ наступаетъ сырое время года, только въ послѣдніхъ оно бываетъ не такъ продолжительно. Снѣгъ появляется на высокихъ мѣстахъ съ августа, напримѣръ по Снѣговому хребту и, постепенно спускаясь ниже и ниже, къ концу ноября покрываетъ уже всѣ возвышенныя плоскости и уступы горъ. Въ ущельяхъ обыкновенно послѣ ненастной погоды наступаютъ ясные, какъ бы весенніе, дни. Вѣтры въ горномъ пространствѣ вообще слабѣ, нежели на плоскости. Этому способствуютъ громадныя преграды: отъ моря—Дагестанскій, отъ сѣвера—Чеченскій хребты. Въ ущельяхъ, среди горъ, даже въ то время, когда вѣтеръ гудить по скаламъ и вершинамъ ихъ, почти всегда тихо.

Бѣлые скалы известняка и маловѣтре до того способствуютъ благорастворенію воздуха, что слушаются зимы, какъ было въ 1842 году, въ которыхъ на плоскости выпадаетъ глубокой снѣгъ и наступаетъ сильная стужа, а въ горахъ вовсе неѣтъ морозовъ и на высокихъ долинахъ снѣгу.

На плоскости Чечни вездѣ и всегда есть сообщеніе; затруднительны только переправы въ полноводья, особенно чрезъ Аргунь. Въ горную Чечню и въ Шубузамъ дороги идутъ по дремучимъ лѣсамъ и ущеліямъ, и вообще опасны для движения, особенно въ ненастное и лѣтнее время. Въ горахъ большая часть дорогъ идетъ по ущеліямъ, какъ по коридорамъ: отъ вершины малаго ручья къ устью его до ущелья большой рѣки, потомъ ущельемъ другаго ручья до его вершины, далѣе чрезъ перевалъ или возвышенную плоскость и снова опять ущельемъ. Это способствуетъ сохраненію сообщеній лѣтомъ и зимию. Многіе ошибочно предполагаютъ, что сообщеніе внутри горъ зимию представляеть большія неудобства: число переваловъ, значительно покрытыхъ снѣгомъ не велико, да и тѣ не составляютъ препятствій, даже для конныхъ, особенно если сначала зимию набываютъ дорогу и, хотя изрѣдка, ее подчищаются. Изъ Дарги въ Андію, черезъ Чеченской хребетъ, сообщеніе свободно круглый годъ, не смотря на то, что здѣсь горы уже въ октябрѣ покрываются снѣгомъ.

Разработка на-ново дорогъ, даже для полевой артиллеріи, вездѣ очень удобна, по свойству известковыхъ и глинистыхъ породъ, составляющихъ Дагестанскія горы.

Населеніе въ разматриваемой части края очень густо: деревни часты и многолюдны, и вообще число жителей, которыхъ всего считается до 200,000 душъ, совершенно не соответствуетъ мѣстнымъ средствамъ къ продовольствію. Но, ихъ образъ жизни и привычки отстраняютъ, отчасти, этотъ недостатокъ.

Жизнь туземцевъ до невѣроятности однообразна, безчувственна, безсмысльна и совершенно бесплодна для души и тѣла. Врожденная склонность къ праздности и хищничеству отражается во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ нравовъ. Чеченцы еще неѣсколько трудолюбивѣе горцевъ. Послѣдніе же большую часть дня проводятъ въ совершенномъ бездѣйствіи, и почти

все занятіе ихъ состоить въ трубкѣ и пяти намазахъ. Вообще мужчина полагаетъ недостойнымъ себя всякое ремесло или домашнее хозяйство, — это обязанность женщины; его занятія: воровство, набѣгъ, война. Въ то время, когда жены носятъ вязанки дровъ, кувшины воды, работаютъ въ садахъ, на террасахъ и у саклей, мужчина не знаетъ на что употребить время, выходитъ на улицу и цѣлый день лежитъ подъ тѣнью своего дома, у дверей, которая всегда настежь, и лѣтомъ и зимой, или около мечети, куритъ трубку, слушаетъ и разсказываетъ новости. Оставаясь, такимъ образомъ, цѣлые дни въ бездѣйствіи, горцы, съ необыкновенною жадностю, принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ пускаются въ дальнія путешествія по самымъ ничтожнымъ поводамъ, на самыя безсмысльные приключенія. Жизнь безъ занятій есть одна изъ побудительнейшихъ причинъ къ хищничеству.

Жители умѣютъ ограничиваться во всемъ только однимъ строго необходимымъ. Обыкновенная ихъ пища — кусокъ чурека, т. е. прѣснаго хлѣба изъ кукурузной или другой муки, съ кускомъ бараньяго сала или сыру, и десятокъ хинкали — галушекъ, вареныхъ въ простой водѣ. Мясо и молоко — принадлежности, которымъ они думаютъ насладиться только въ раю. Къ водкѣ все пристрастны, также какъ и къ деньгамъ; хотя ни той, ни другими не богаты. Винограднаго вина не пьютъ; но приготовляютъ изъ него сладкій отваръ, подъ названіемъ чаба, который составляетъ ихъ роскошь. Гдѣ неѣтъ садовъ, тамъ дѣлаютъ питье изъ проса, подъ названіемъ бузы, — хмѣльное и отвратительное.

Довольствуясь немногимъ, истинно нуждаясь, съ дѣствія привыкнувъ жить какъ-нибудь, горецъ ни копить, ни запасаться на будущее. Объ исправности оружія, о своей гибкой узенькой талии онъ заботится гораздо болѣе чѣмъ объ успокоеніи отъ холода и голода. Жирный мужчина считается презрѣніемъ существомъ; его называютъ однимъ именемъ съ ненавидимыми христіанами и животными. Проворство, сила и храбрость — суть три качества, цѣнныя туземцами выше всѣхъ благъ земныхъ, и дѣйствительно, не смотря на чрезвычайную умѣренность во снѣ и въ пищѣ, туземцы ловки, неутомимы и сильны. Худо одѣтые подъ дождемъ,

босые по грязи, безъ теплой пищи и водки, они не знаютъ усталости и болѣзней.

Не смотря на бѣдность и неопрятность въ одѣждѣ, горцы и Чеченцы содержать сакли свои въ большой чистотѣ. Вообще жилища ихъ удобны и красивы. Почти всѣ постройки Чеченцевъ деревянныя, или турлучные, тщательно обмазанные глиною; всѣ же постройки Лезгинъ, напротивъ, изъ камня, плиты или голышей, хорошо сложенныхъ на глине, въ одинъ и два яруса. У Чеченцевъ сакли рѣдко двухъ-этажные, имѣютъ видъ обыкновенного дома и отдѣляются одна отъ другой садомъ, огородомъ или дворомъ. Сакли же Лезгинъ въ видѣ замковъ; надъ многими изъ нихъ устроены башни; иногда обнесены стѣною. Въ каждомъ такомъ зданіи, въ каждой стѣнѣ продѣланы бойницы, такъ что весь зулъ представляеть особаго рода крѣпость.

Аулы Чеченцевъ расположены на ровныхъ мѣстахъ; аулы Лезгинъ или въ ущельяхъ; или на уступахъ горъ, иногда примкнуты къ скаламъ, иногда окружены кручию. Часто досгупъ и самый вѣзду въ селеніе чрезвычайно трудны; улицы такъ узки, что въ иной нельзя повернуться на конѣ; сверхъ того, некоторые сакли построены поперегъ улицы и для проѣзда въ нихъ оставляются только низкія ворота.

Земледѣліе въ Чечнѣ въ довольно хорошемъ состояніи, но въ горахъ въ жалкомъ положеніи. Не говоря уже о недѣятельности горцевъ, этому много и другихъ важныхъ причинъ: пропорція земли удобной весьма незначительна, да и та состоить, большою частію, изъ извести и песку, следовательно требуетъ унавоживанія, которое не всегда возможно, по ограниченности скотоводства.

Не смотря на такія затрудненія, въ горахъ все, что только можетъ, послѣ неимовѣрныхъ, долголѣтнихъ усилий, принести какой-нибудь плодъ, заселено и обработано. Бѣдныя долины, покатости горъ, ничтожные уступы по скаламъ, ущелья, оживленныя ручьями, — однимъ словомъ, все, гдѣ человѣкъ могъ придать жизненность полумертвой почвѣ и надѣяться на самое скучное вознагражденіе, все это воздѣлано. Но такие неимовѣрные труды обеспечиваютъ земледѣльца только отъ *голода*: самый богатый горецъ, всѣмъ своимъ запасомъ, не въ состояніи прокормить одного русскаго человѣка.

По этому только бѣдствія могли заставить людей поселиться въ горахъ Нагорнаго Дагестана.

Домашнія животныя привыкли къ такой же скучной пищѣ, какъ ихъ хозяева, и добываютъ себѣ кормъ по уступамъ и скаламъ. Лошадей и рогатаго скота въ горахъ не много и они очень мелки; бараны же составляютъ исключительное богатство большей части горцевъ. Чеченцы въ прежніе годы имѣли много скота, но въ разсмотриваемое время, двухъ-лѣтнее, въ 1840 и 1841 годахъ, истребленіе сѣна нашими войсками значительно уменьшило скотоводство въ Чечнѣ; не смотря на то, у Чеченцевъ скота все-таки было болѣе, нежели у Лезгинъ, и между ними находилось весьма много конниковъ. Скотоводствомъ преимущественно занимались Андіцы, Гумбетовцы и собственно Чеченцы.

Сады имѣлись во многихъ горныхъ обществахъ и были въ превосходномъ состояніи. Въ Чечнѣ же ихъ вовсе не находилось.

Промышленность, или, точнѣе, рукомесла, стояли на низкой степени. Изъ металловъ добывалось одно желѣзо — въ Зубутовскомъ обществѣ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что не удовлетворяло нуждамъ туземцевъ. Огнестрѣльное оружіе приготовлялось только въ Чечнѣ; кинжалы, шашки и порохъ дѣлались почти во всѣхъ обществахъ. Кубачи былъ горною Тулою; въ немъ приготавливались тысячами ружья и пистолеты. Лучшими мастерами шашекъ славился ауль Большой Ятагъ. Выдѣлка тканей ограничивалась однимъ сукномъ; холста собственнаго вовсе не имѣлось, и покупали его отъ сосѣдей, состоявшихъ подъ властію Россіи. Все населеніе Андіи, какъ мы уже говорили, прежде занималось выдѣлкою и сбытомъ буровъ.

Торговля находилась въ такомъ же низкомъ положеніи. Нѣкогда Чеченцы продавали намъ рогатый скотъ, барановъ, кожи, оружіе, а у насъ покупали сукна, матеріи; по временамъ брали отъ насъ, а иногда къ намъ привозили хлѣбъ и соль; но въ разсмотриваемое время всего этого почти уже не было.

Обыкновенно воображаютъ всѣхъ горцевъ какими-то рыцарями, но какъ это не сходно съ дѣйствительностю: Лезгинъ и Чеченцы скорѣе дикие звѣри, нежели рыцари. Грязные душою и тѣломъ, они чужды благородства, незнакомы

съ великолюбиемъ, корыстолюбивы, вѣроломны и въ высшей степени исполнены самолюбія и самоохраненія.

Самая храбрость ихъ есть кровожадность или свирѣпость дикаго звѣря. Одинъ только фанатизмъ возвышаетъ ихъ душу, и многие гибнутъ за вѣру.

Прославленное гостепріимство, — первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ, — установила обычаи, которые придаютъ туземцамъ иѣкоторое благородство; но и оно гораздо ниже того, чѣмъ привыкли воображать: горецъ, безъ разсчета, не испечетъ чурека, не зарѣжетъ барана. Въ Чечнѣ даже извѣстны примѣры, что гости обкрадывали хозяина, хозяинъ воровалъ у гостей. Вообще Чеченцы лживы, коварны и хищны Лезгинъ.

Умственное развитіе у горцевъ далеко опередило нравственное: они чрезвычайно тонки, осторожны и дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, а потому очень искусны въ переговорахъ и отличаются соображеніями на войнѣ. Этому способствуетъ ихъ врожденная недовѣрчивость и, главное, безпрерывныя насилия и бранныя тревоги въ краѣ. Но, отличаясь соображеніями въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, горцы весьма ограничены въ самыхъ простыхъ понятіяхъ объ общественномъ, семействомъ и житейскомъ бытѣ, въ отношеніи души и сердца. Ихъ необузданность во многихъ случаяхъ — въ страстиахъ и мелочныхъ игрушкахъ — равняется дѣтской. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна, ленты или шнура составляютъ желаніе одного и возбуждаютъ зависть въ другихъ: случалось, что жители цѣлой деревни брались за оружіе и перестрѣливались за самый ничтожный предлогъ, поссорѣ двухъ лицъ за барана, аbazъ или сабу хлѣба.

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ устройству края, передаемъ понятіе, составленное плѣнными о человѣкѣ, имя которого уже 25 лѣтъ раздается по горамъ Кавказа и знакомо всему образованному миру, о человѣкѣ, который, съ горстю дикарей, осмѣливается ставить преграду успѣхамъ побѣдоноснаго оружія Россіи.

Изъ всего видѣнаго и слышанного нашими страдальцами, они убѣдились, — въ чемъ согласно и большинство людей, знающихъ край, — что Шамиль не одаренъ ни однимъ изъ

тѣхъ счастливыхъ качествъ, которыми созидаются великія дѣла, — ни силою воли, не рѣдко замѣняющею умъ, ни военными соображеніями, ни предпримчивостію, ни быстрой исполненій, — словомъ, ни одною изъ тѣхъ способностей, которая составляютъ принадлежность геніальныхъ людей. Это закоренѣлый фанатикъ, слѣпо вѣрующій въ заповѣди корана, готовый жертвовать всѣмъ за ненарушенность своихъ вѣрованій и данныхъ клятвъ, преслѣдующій иновѣрцевъ и всякую стороннюю власть.

Однимъ словомъ, повелитель враждебныхъ намъ горскихъ племенъ не принадлежитъ къ числу людей, которыхъ мощная рука, свода разнородныя начала въ одно цѣлое, начертываетъ себѣ мѣсто въ исторіи. Умомъ онъ не превышаетъ своихъ предшественниковъ, а рѣшительностью воли и военными дарованіями стоитъ ниже Кази-Магомы (Кази-Муллы) и Гамзать-Бека. Вызванный въ преемники послѣднему общимъ голосомъ народа, онъ покоряется ему и продолжаетъ дѣло, начатое духомъ времени и созрѣвшее на пламенной почвѣ восточнаго воображенія.

Горцы единогласно увѣряли, что Кази-Магома, предчувствуя свою гибель, заблаговременно назначилъ преемниками своимъ Шамилемъ и Гамзать-Бекомъ; но Шамиль тогда отказался отъ этого достоинства, предоставилъ его послѣднему, и только послѣ смерти Гамзать-Бека, уступая настойчивымъ требованіямъ мюридовъ, облекся возложенію на него власти. Неохотно сдѣлавшись главою секты и народа, онъ не обнаружилъ въ началѣ военныхъ своихъ дѣйствій ничего рѣшительнаго, а во всемъ ихъ продолженіи — никакого глубоко обдуманнаго плана. Во всѣхъ своихъ предприятияхъ, Шамиль встрѣчалъ неудачу, а ежели гдѣ скольконибудь посчастливилось оружію мюридовъ, тамъ навѣрно распоряжались другіе.

Въ началѣ своего управлія, имамъ слѣдовалъ вполнѣ совѣтамъ дяди своего Барды-Хана. Въ присоединеніи къ мюридизму Чечни, онъ игралъ сокершенно второстепенную роль: Шуаибъ-Мулла, Казіоу и Абдулла сами совершили это дѣло. Во время нашихъ плѣнныхъ, важнѣйшая военная затѣя начертывали и приводили въ исполненіе Шуаибъ, Ахверда-Магома, Уллубей, Казіову, Гаджи-Муратъ и Абакаръ-Дибиръ.

Въ управлении краемъ Шамиль руководствовался совѣтами Джемаль-Эддина и Абдуллы. Впрочемъ, эта часть ме-нѣе всего занимала имама, и только въ это время, послѣдняя совѣтамъ Джемаля, были приняты нѣкоторыя, довольно важные мѣры. Вообще же внимание Шамиля было исключи-тельно занято распространеніемъ знанія корана.

Не смотря на всѣ эти недостатки предводителя горцевъ, онъ тогда уже восемь лѣтъ боролся съ могучимъ гигантомъ мира и, какъ и нынѣ, по прошествіи новыхъ 15-ти лѣтъ, не показывалъ признаковъ усталости. Неоднократно разби-тый, почти уничтоженный, Шамиль, въ короткое время, усиливаясь возстановлять свои силы и съ новою энергию вы-ступалъ на неравную и опасную борьбу. Причины этого не-обыкновенного, по видимому, явленія легко объясняются слѣдующимъ: дикія племена Кавказа, еще лѣтъ за двадцать до рассматриваемаго времени, не были соединены между со-бою никакимъ постояннымъ союзомъ. Иногда только общая опасность сковывала, на короткое время, ихъ силы про-тиву мощнаго врага, по миновеніи которой дружескія сно-шенія прекращались и они, съ такимъ же ожесточеніемъ, рѣзали и грабили другъ друга, какъ незадолго прежде про-ливали кровь общаго непріятеля. Буйные ихъ страсти не были обузданы никакими законами, кроме права сильней-шаго. Многие изъ нихъ, какъ напримѣръ общество Шубутъ и большая часть Чеченцевъ, не знали никакой вѣры, кроме своего удальства. Но, въ то же время, всѣ обстоятельства благопріятствовали, чтобы туземцы, при первой искрѣ, брошенной на ихъ пылкое воображеніе, вспыхнули пламе-немъ религіознаго фанатизма. И вотъ явился Мулла-Магометъ, и своими проповѣдями вдохнулъ въ нихъ первую мысль, разбудилъ нравственную силу, указалъ имъ общую цѣль дѣйствій и положилъ начало религіознай сектѣ, число послѣдователей которой съ каждымъ годомъ увеличивалось. Ученіе новаго шаріата составило эпоху въ жизни племенъ, населяющихъ восточную отрасль Кавказа. Различныя про-исхожденіемъ, языками и нравами, они соединились около своихъ проповѣдниковъ неразрывными узами единовѣрія и, подстрекнутыя фанатизмомъ, ринулись съ подоблачныхъ жи-лищъ, проливать кровь за сохранность своихъ понятій и святыни уставовъ пророка. При такомъ направленіи умовъ

всегда явятся предводители. Фанатикамъ даже нѣтъ дѣла до личныхъ достоинствъ начальника; довольно только, чтобы онъ имѣлъ общую довѣренность, а болѣе всего славился бы строгостью правилъ: они стоятъ вокругъ него и велятъ ему вести себя на бой съ невѣрными.

Съ тѣхъ поръ войны Россіи на Кавказѣ принялъ другой характеръ; это не есть, какъ прежде, оборона границъ бо-гатой имперіи отъ набѣга хищниковъ, стремящихся за добѣчей; но война съ народомъ, одушевленнымъ всею силою ненависти къ имени христіанина. Нынѣ горецъ оставляетъ свое убѣжище и подвергается опасностямъ боя, не съ тѣмъ только, чтобы угнать у Русскихъ стадо овецъ или табунъ лошадей, но чтобы убить гяура (невѣрнаго) и тѣмъ заслу-жить награду въ будущей жизни. Это борьба исламизма съ христіанствомъ, природы вещественной съ нравственною, азіатскаго варварства съ благодѣтельнымъ европейскимъ гражданствомъ. Если бы Россія, съ своимъ богатырскимъ мечемъ, не стояла на стражѣ границъ Европы, то эти новые Аравитяне напомнили бы послѣдней времена Магомета и Омара.

Разматривая съ такой точки кавказскія событія, ясно видимъ, что здѣшняя война не есть дѣло частное, относящееся къ выгодамъ государства; но дѣло общее, всего образованнаго человѣчества. Россіи предоставлено судьбою совершилъ великое назначеніе. По географическому своему положенію, она служитъ звѣномъ къ соединенію двухъ мі-ровъ, восточнаго и западнаго, Азіи и Европы. Ей предназначено пролить свѣтъ образованности въ нѣдра мрачной колыбели человѣческаго рода. Для столь святой, высокой цѣли слабая преграда — кавказскія скалы. Этотъ оплотъ су-вѣрнаго невѣжества падетъ предъ крестоноснымъ знаменемъ христіанскихъ ратниковъ и надъ историкутымъ отъ сна Востокомъ воссіяетъ заря просвѣщенія.

Не смотря на изувѣчство въ частности, въ разматривае-мое время, общий фанатизмъ, по свидѣтельству плѣнныхъ, уже утихалъ. Трудная борьба изяурила, ослабила народова-селеніе и остудила его жаръ; въ войнѣ много погибло спо-собныхъ людей, ревностныхъ поборниковъ; много ауловъ опустѣло и стояло въ развалинахъ. Ослабленію фанатизма

способствовало еще одно важное обстоятельство. Первый имамъ Дагестана — Кази-Мулла дѣйствовалъ по убѣждению въ истинѣ ученія, съ искреннимъ желаніемъ спасти себя и народъ; второй — Гамзать-Бекъ, какъ честолюбецъ, помогался сдѣлаться Аварскимъ ханомъ и владѣтелемъ Дагестана; третій — Шамиль дѣйствуетъ не съ меньшимъ своею корыстемъ. Народъ тогда уже понималъ это, а потому Шамиль, во всѣхъ обществахъ, подвластныхъ ему, старался утвердиться на политическихъ началахъ, хотя нигдѣ не упускалъ случая воспользоваться религіознымъ чувствомъ, и все прикрывалъ усердіемъ къ Богу.

По этому скажемъ теперь о томъ, какъ имамъ поддерживалъ власть свою надъ 200,000 душъ, тогда ему подвластныхъ въ горахъ Дагестана и Чечнѣ.

Общества, состоящія изъ нѣсколькихъ десятковъ ауловъ, сохраняли прежніе свои предѣлы и соединялись единствомъ вѣры и гражданского управлія, главою которыхъ, а равно истолкователемъ уставовъ корана, считался Шамиль. Обществами управляли наибы или намѣстники, назначенные Шамилемъ: ихъ власть была совершенно исполнительная. Наибъ набиралъ, въ случаѣ надобности, изъ своего общества способныхъ къ оружію жителей и предводительствовалъ ими, сбиралъ подати, исполнялъ повелѣнія Шамиля, и во всемъ давалъ ему строгій отчетъ. За неточность въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, кроме строгой ответственности на землѣ, долженъ былъ ожидать наказанія и въ будущей жизни.

Наибы дѣйствовали на народъ чрезъ кадіевъ деревень и муртазагетовъ.

Первымъ принадлежала власть духовная и судейская. Это — ученые законовѣдцы, произносившіе приговоры, которые приводились въ исполненіе наибъ.

Вторые имѣли часть полицейскую; должны были смотрѣть за точнымъ исполненіемъ наибомъ его обязанностей и доносить о всѣхъ злоупотребленіяхъ Шамилю. Это былъ родъ стряпчаго, что-то похожее на очи и уши царей персидскихъ. Въ отсутствіе наиба, муртазагетъ заступалъ его место.

Муртазагеты были избранныйши изъ мюридовъ, самые ревностнѣйши фанатики, и составляли постоянныхъ служителей Шамиля, обрекшихъ жизнь свою на распространеніе шаріата. Эта тайная полиція, опричники, — если угодно, — строго наблюдала за точнѣйшимъ исполненіемъ приказаний своего повелителя, за вѣрностю ему жителей. Бдительность и строгость ихъ были неимовѣрны. При малѣйшемъ подозрѣніи они доносили, такъ что въ обществахъ, признавшихъ власть Шамиля, братъ боялся брата, нѣсколько человѣкъ страшились вмѣстѣ сходить.

Чтобы не было лицепріятства, муртазагеты, происходившіе изъ одного общества, помѣщались въ аулы другаго, и при томъ они, по большей части, назначались изъ людей бѣдныхъ и незначительныхъ и вполнѣ содержались на счетъ обществъ.

Всѣ отрасли власти сосредоточивались въ верховномъ правителѣ — намѣстникѣ пророка, которымъ Шамиль называлъ себя. Онъ назначалъ наибовъ и муртазагетовъ, считался единственнымъ истолкователемъ корана, который не могъ ошибаться, и всѣ его постановленія приводились въ исполненіе безъ всякаго возраженія со стороны народа. Въ этомъ случаѣ надо отдать справедливость умѣнью Шамиля дѣйствовать: людей дикихъ, не подчиненныхъ до того никакимъ законамъ, кроме своихъ обычаевъ, поступавшихъ всегда по своему произволу, людей, которые легко возбуждаются къ кровавой мести за малѣйшее оскорблѣніе и насилие, онъ подчинилъ совершенно своей власти. Этому наѣдно тѣмъ болѣе удивляться, что туземцы не имѣли истиннаго уваженія къ Шамилю: большая часть знала, что онъ не проникнуть святостю шаріата, какъ Кази-Мулла, и не имѣть отважности первого имама, но не исполнить приказанія Шамиля, имъ казалось неестественнымъ. Такъ онъ умѣль связать все — каждое приказаніе исполнялось безпрекословно, безотговорочно, немедленно. Подобной исполнительности нѣть и у подданныхъ самыхъ деспотическихъ хановъ; народъ безпрекословно покарялся наибамъ, наибы безпрекословно удалялись отъ должности; всѣ и каждый, не разсуждая, собирались и шли, куда было назначено, и давали, по первому требованію, лошадей, эшаковъ, чурики.

Со Всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, на дниахъ отпечатано сочиненіе
плаць-маюра Петропавловской крѣпости, Л.-Гв. Сапернаго баталіона полковника

С. К. Новоселова:

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ

ВО ИМЯ

СВЯТЫХ ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА,

ПОСВЯЩЕННОЕ

АВГУСТѢЙШЕМУ ИМЕНИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Спб., въ тип. Я. Трея, въ 8-ю л. л., стр. 308, съ великолѣпными рисунками и планами.

Съ Высочайшаго соизволенія, вслѣ прибыль отъ продажи этого сочиненія предоставлена въ пользу
раненыхъ и семействъ убитыхъ, во время осады Шапилемъ укрепленія Ахты.

До сихъ поръ Петропавловскій Соборъ не имѣлъ описанія, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ въ разныхъ сочиненіяхъ о С. Петербургѣ. Старѣшее изъ нихъ, и лучшее, есть описание собора, помѣщенное въ описаніи С. Петербурга Богданова и Рубана, напечатанномъ въ 1779 году; но оно, не смотря на свои достоинства, не представляетъ уже современнаго изображенія храма. Авторы новѣйшихъ описаний съверной столицы, говоря о Петропавловскомъ Соборѣ, заимствовали свѣдѣнія у Богданова и Рубана, а измѣненія, вънъ сдѣланыя, большею частію нѣѣри.

Междѣ тѣмъ каждый Русскій считаетъ священнымъ долгомъ посѣщать усыпальницу нашего Царскаго Дома; иноземцы, прибывающіе въ С. Петербургъ, также съѣзжаютъ поклониться гробницамъ Высокихъ Усопшихъ, и потому часто слышится сожалѣніе, что не имѣется современнаго описанія храма.

По своимъ обязанностямъ, имѣя возможность близко ознакомиться съ достоинствами собора, я составилъ ему описаніе; оно начинается историческимъ очеркомъ сооруженія и возобновленія собора, съ положеніемъ первого камня въ основаніе храма и городу Петромъ Великимъ до нынѣшней перестройки колокольни — заключая въ себѣ любопытныя подробности о первой деревянной церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, о постройкѣ каменнаго собора и освященіи его, пожарахъ, неоднократно въ немъ бывшихъ, о подвигѣ Телушкина и проч. Потомъ слѣдуетъ описаніе храма въ томъ видѣ, какъ онъ находится въ настоящее время.

Описаніе внутренности его начинается обозрѣніемъ гробницъ Августѣйшихъ Особъ, въ немъ почивающихъ. Это благородѣйшее исчисленіе сдѣлано не голословно, но при немъ высказано нѣсколько мыслей, которыми невольно рождаются объ Усопыхъ при жестахъ Ихъ вѣчнаго покоя. Послѣ гробницъ обращено вниманіе на описанія: стѣнныхъ украшений, св. иконъ, иконостаса, святынь, алтарей, паникадиль, — между которыми есть собственно ручная работа Петра Великаго Ризница, зачѣтальная древнѣстю нѣкоторыхъ вещей, драгоцѣнностю многихъ и еще болѣшимъ числомъ предметовъ, дорогихъ для Русскаго по воспоминаніямъ, съ ними соприженнымъ, описана также подробно.

Потомъ говорится о штатѣ и собственности собора, о празднествахъ, въ немъ совершаемыхъ, о посѣщеніи храма Августѣйшимъ Особами и частными лицами, и о панихидахъ, въ немъ совершаемыхъ. Даѣтъ описаніе комендантская домовая церковь и исчислены мощы комендантствъ, погребенныхъ въ оградѣ собора. Послѣ этого слѣдуетъ описаніе трофеевъ, помѣщенныхъ около стѣнъ собора. Наконецъ представлены подробности о празднованіи чесменской победы и, въ заключеніе, изложены грустно-торжественные церемоніи погребенія Императора Петра Великаго, гдѣ изображено, какъ гробъ Государя оставался на срединѣ церкви, подъ балдахиномъ, въ теченіи шести лѣтъ, и погребеніе Государя Императора Николая Павловича.

Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) описаніе лѣсовъ, сооруженныхъ для перестройки колокольни и 2) исчисленіе панихидъ.

Не имѣя ни малѣйшей претензіи на авторство, чуждый всякаго притязанія на званіе историка или археолога, я, въ свое оправданіе выступить на литературное поприще, какъ сказалъ въ концѣ предисловія, представляю одно, только желаніе быть полезнымъ и повторю слова Кремнева: «штыками бывало мы писывали изряднеинко, а на перышкѣ не взыщице — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.»

Къ сочиненію приложены: 1) Великолѣпный заглавный листъ. 2) Видъ первоначальной церкви Св. Апостолъ Петра и Павла (1703). 3) Видъ нынѣшнаго собора. 4) Продольный разрѣзъ храма. 5) Иконостасъ. 6) Надгрестольная сень. 7) Ковчегъ съ мощами Св. Іакова и частицею ризы Господней. 8) Царское мѣсто. 9) Планъ внутренности собора и 10) Генеральный планъ внутренности крѣпости.

Всѣ эти приложения, смѣло скажу, отличаются необыкновенно вѣрностю въ отличную отделько.

Цѣна экземпляру **3 руб. 50 коп. сер.** Господа, написавшаго на «Кавказцевъ», имѣютъ право на полученіе этого сочиненія за **2 р. 50 к. с.** Безъ рисунковъ **1 р. 25 к.**

Кромѣ того, мною изданъ отлично-литографированный эстампъ, изображающій панихиду по Государю Императору Николаю Павловичу, въ присутствіи Императорской Фамилии.

Этотъ эстампъ продается для приобрѣтающихъ описаніе собора по **50 к.**, а отдельно безъ описанія **1 р.**

Продается въ С. Петербургской крѣпости, въ квартире плаць-маюра.

Полковникъ С. Новоселовъ.

Высоко-Монаршее благоволение, которое имѣла счастіе заслужить самая мысль объ изданиіи, лестное вниманіе къ нему высшаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено предпріятіе, налагаетъ на меня обязанность способствовать сколько возможно къ распространенію «Кавказцевъ» между соотечественниками, какъ изданія исключительно назначенаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ во славу русскаго оружія. По этому открывая подписку на выпуски, имѣющіе выйти въ теченіе булаго 1858 года, нахожу возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста съ 18 приложеніями, и имѣющіе выйти до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіи 1858 года, цѣна *дѣвънадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года *десять рублей*.

Желающіе подписать на одинъ текстъ безъ рисунковъ платить *половину*.

За доставку на домъ въ С. Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — *50 коп.*; за слѣдующіе 24 выпуска *1 руб.*, а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ *75 коп.*, а за 24 — *1 руб. 50 к.*

Казенные и общественные библиотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписанія деньги помѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но съ *непремѣннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше просить гг. подписавшихъ высыпать адресы самыя вѣрные, лабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣть предметомъ передать потомству, первому и карандашомъ, замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядового. О каждомъ лицѣ говорится отдельно, и, если можно, прилагается его портретъ, планъ мѣстности, где происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ; а по мѣрѣ накопленія материаловъ, по мѣрѣ ихъ изготавленія. Но наружный видъ изданія принять такой, что въ послѣдствіи можно будетъ расположить описанія въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Издание выходитъ по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку: текстъ печатается на хорошей белой бумагѣ новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготавливаются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ.

Подписька принимается: въ С. Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-маюра, полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ С. Петербургѣ, въ Гостионѣ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *О. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ.

Выпуски разсыпаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Редакція не дѣлаетъ блѣстательныхъ обѣщаній, а даетъ только слово употребить всѣ усилия, чтобы слѣдить за изданіемъ вполнѣ достойнымъ его назначенія. Она не будетъ щадить ни трудовъ, ни издержекъ и величайшо себѣ наградою будетъ считать, что слѣдуетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизнихъ храбрыхъ соотечественниковъ. — Вся чистая прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляется въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. По этому въ концѣ каждого года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ гг. подписавшихъ, какъ сочувствующихъ благой цѣлѣ изданія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

стѣмъ, чтобы во изпечатаніи представляемо было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, ноября 20-го дня 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

КАВКАЗЫ

или

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗЪ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,
СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНИЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
Гвардії Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 1-й—12-й.

Благотворительное назначение прибыли отъ изданія «Кавказы»— на успокоеніе проливавшихъ кровь за Впру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣйше просить другія періодическія изданія— не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКОВЪ 1—12:

Жизнеописаніе подполковника Бибанова.
Подвигъ рядового Уколова.
Жизнеописаніе генераль-маіора Слѣпцова.
Молодецкое дѣло при Ахметѣ-Горскомъ укрѣплениі.
Жизнеописаніе генераль-маіора Пассека.
Жизнеописаніе генераль-лейтенанта Фрейтага.
Подвигъ казака Василья Дохторова.
Подвигъ рядовыхъ Ефима и Тильченко.
Жизнеописаніе капитана Гулевича.
Жизнеописаніе полковника Вильде.
Жизнеописаніе генераль-лейтенанта Глазенапа.
Подвигъ рядового Абликаримова.
Жизнеописаніе генераль-маіора князя Орбельяна.
Жизнеописаніе генерала отъ кавалеріи Власова.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ НИМЪ:

Заглавный листъ.
Подвиги подполковника Бибанова.
Подвигъ рядового Уколова.
Портретъ генераль-маіора Слѣпцова.
Дѣло при Гехахъ.
Молодецкое дѣло при Ахметѣ-Горскомъ укрѣплениі.
Карта Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана.
Портретъ генераль-маіора Пассека.
Портретъ генераль-лейтенанта Фрейтага.
Плѣнь казака съ женою.
Ауль Черкей.
Подвигъ полковника Вильде.
Портретъ генераль-лейтенанта Глазенапа.
Подвигъ рядового Абликаримова.
Бѣгство Шамиля изъ Кабарды.
Портретъ генераль-маіора князя Орбельяна.
Портретъ атамана Власова.
Штурмъ аула Гимры.
Видъ Дарьальскаго ущелья.

Изд. Гв. Полковника Новоселова.

Печ. И. Корелина

Наказной Атаманъ Войска Донскаго
Генералъ отъ Кавалеріи
ВЛАСОВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРИИ МАКСИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВЛАСОВЪ.

Максимъ Григорьевичъ Власовъ, наказной атаманъ славнаго Войска Донскаго, — по Всемилостивѣшему выражению въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича *), — ознаменовалъ «долголѣтнєе поприще свое подвигами неустрашимости во время войны и государственными заслугами—въ продолженіе управлениія Войскомъ Донскимъ», и тѣмъ стяжалъ право «на особенную Монаршую признательность.» Каждый Русскій вполнѣ раздѣляетъ такое Высочайшее мнѣніе, весь Донъ навсегда сохранитъ въ памяти любимаго своего атамана.

Максимъ Григорьевичъ доблестно сражался вмѣстѣ съ богатырями Великой Екатерины, былъ однимъ изъ сподвижниковъ Благословленнаго Монарха, участвуя со славою въ первой войнѣ съ Наполеономъ, въ Турецкихъ походахъ, въ изгнаніи изъ предѣловъ отечественныхъ дерзкаго прішельца и въ освобожденіи Европы отъ ненавистнаго ига,

и, наконецъ, назначенный вождемъ Донцевъ на Кавказъ, во время славнаго Ермолова, онъ сдѣлался страхомъ для Закубанцевъ; во дни незабвеннаго Государя Императора Николая, онъ неустршимо сражался при усмирѣніи Польши и, облеченный Монаршею довѣренностию Августѣшаго Благодѣтеля Дона, былъ главнымъ исполнителемъ благихъ намѣреній въ Бозѣ почивающаго Государя Императора.

Шестидесяти-лѣтняя служба четыремъ Монархамъ, восторженная преданность къ Царю, изумлявшій энтузіазмъ ко всему, что касалось чести и пользы Отечества, патріархальное благочестіе, евангельская доброта — составляли блистательныя черты знаменитаго мужа, славное имя котораго не умретъ среди Донцевъ и Черноморцевъ.

Предѣлы и направленіе нашего изданія, къ сожалѣнію, не даютъ передать всѣ подробности о военныхъ подвигахъ, административной дѣятельности, государственныхъ заслугахъ и доблестяхъ гражданскихъ знаменитаго атамана съ тою полнотою, какъ бы желали и какъ заслуживаетъ блестательная его служба и прекрасная жизнь. Священный долгъ Донцевъ — говоримъ прямо, безъ обиняковъ, какъ

*) Высочайший рескриптъ на имя генералъ-лейтенанта Хомутова, отъ 3-го июля 1848 года.

думаемъ —увѣковѣчить память славнаго своего земляка-атамана, собравъ, на поученіе потомству, всѣ частности его доблестной жизни *); мы же, поневолѣ, ограничиваемся краткимъ ея очеркомъ, позволяя себѣ войти въ подробности только обѣ его дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

Максимъ Григорьевичъ родился на Дону, въ станицѣ Раздорской, 13-го августа 1767 года. Сынъ бѣднаго казачьяго офицера, онъ, девяти лѣтъ отъ роду, взятъ былъ отцемъ своимъ, отправлявшимся въ походъ на границу Польши, и на пути оставленъ у Киевопечерскихъ монаховъ, для обученія его грамотѣ и закону Божію. Въ 1784 году, возвращаясь со службы Царской на родину, отецъ привезъ его въ Черкасскъ и, не будучи въ состояніи, по ограниченнымъ своимъ средствамъ, дать сыну лучшее воспитаніе, опредѣлилъ его казакомъ въ Войсковое Правленіе, для изученія письмоводства. Чрезъ три года,—7-го октября 1787 года Власовъ сдѣланъ быль писаремъ станицы Раздорской; по гражданской службѣ была ему не по душѣ: онъ бредилъ ратнымъ полемъ, мечталъ о подвигахъ бранныхъ и, 1-го марта 1791 года, поступилъ въ полкъ Грекова,—бывшій послѣ Чернозубова,—съ которымъ, по 10-е мая слѣдующаго года, быль на берегахъ Двины, въ кордонной стражѣ по Польской границѣ. Скоро загремѣлъ тамъ громъ русскихъ пушекъ, и Власовъ, съ 16-го мая, принялъ участіе въ кампаніи, съ отличiemъ сражался: 23-го — при Кобринѣ, 27-го — при Борисовѣ, 30-го — при Столбцахъ; 21-го іюня — при Мирѣ и 29-го — при Мстибовѣ. За храбрость въ послѣднемъ сраженіи, и вообще за отличие, оказанное въ кампаніи, онъ произведенъ, 10-го іюля 1792 года, на двадцать второмъ году отъ роду, въ сотники.

Славный 1794 годъ доставилъ Власову новые случаи къ отличию: 20-го мая онъ сражался при городѣ Лидѣ, 29-го — при мѣстечкѣ Борунахъ, 8-го іюля и 29-го августа — при

Вильнѣ; 8 го сентября — при взятії Ковно и разбитії подъ нимъ непріятельскаго авангарда. За неустрашимость при взятіи приступомъ Вильно и вообще за отличіе въ теченіе этой кампаніи, онъ произведенъ, 18-го ноября того же года, въ есаулы.

Съ 1-го января 1795 по 1-е марта слѣдующаго года Власовъ провелъ на бивуакахъ, содержа со своею сотнею кордоны на Прусской границѣ. По возвращеніи на Донъ, онъ употреблялся, Войсковымъ Правленіемъ, по разнымъ внутреннимъ порученіямъ, которые существенною важностию свою свидѣтельствуютъ о заслуженномъ уже имъ довѣріи начальства.

Такимъ образомъ, съ 15-го августа 1799 года по 1-е марта 1800 года, онъ быль помощникомъ начальника 1-го Донскаго начальства; съ 29-го сентября этого года по 11-е февраля слѣдующаго — находился въ Криминальной Экспедиціи (нынѣ уголовный судъ); за тѣмъ, по 14-е февраля 1802 года, въ Экспедиціи для рѣшенія старыхъ гражданскихъ дѣлъ, а съ того времени — у исправленія дѣлъ въ Атаманской Канцеляріи.

Въ 1805 году Власову поручено было управление письменными дѣлами канцеляріи войскового атамана Платова; но, съ этого года наступила знаменитая десятилѣтняя эпоха войнъ Императора Александра Благословеннаго, славно оконченныхъ въ Парижѣ. Донцы, въ то незабвенное время, по выражению Государя, «превзошли древнюю славу предковъ своихъ.» Рвение къ военному поприщу побудило Власова отказаться отъ мирныхъ занятій и, 1-го ноября 1805 года, онъ поступилъ въ Атаманскій полкъ. Но, въ этотъ годъ, Власовъ не успѣлъ принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, потому что выступилъ въ походъ только въ самый день занятія Вѣны Французами (1-го ноября 1805 года); а едва истекъ мѣсяцъ послѣ этого события, какъ русскія войска возвратились уже въ свои предѣлы.

Въ 1807 году война возобновилась снова, съ болѣшимъ жаромъ. Съ этой войны началась громкая, европейская слава Донскаго Войска и его знаменитаго атамана Платова.

«Врожденная бдительность Донскихъ воиновъ, — какъ объявилъ Благословенный Монархъ *во всенародное извѣстіе* въ похвальной грамотѣ, при которой *отъ лица бла-*

*) До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, находится только одна статья о жизни Максима Григорьевича Власова — это *Біографический очеркъ*, помѣщенный въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1848 г., №№ 207 и 208, прекрасно, но кратко написанный однімъ изъ адъютантовъ полковаго атамана, горячей привязанности котораго къ доблестному начальнику много обязано и наше жізнеописаніе.

годарного отечества даровалъ Войску почетное знамя, — предупреждала сокровеннѣйшія намѣренія непріятеля и не-дремлющимъ окомъ главнокомандующему служила. » Власовъ выступилъ въ походъ съ тѣмъ же полкомъ, и принялъ участіе въ подвигахъ Донцевъ послѣ Эйлаусскаго сраженія, когда Платовъ, по отъездѣ князя Багратіона въ Петербургъ, принялъ вачальство надъ авангардомъ, сѣдоваль за Французами, отступавшими на лѣвый берегъ Пассарги. Весь путь непріятеля усѣявъ былъ брошенными обозами, умершими, изыхавшими солдатами и лошадьми. Торопливость въ отступленіи достигла до того, что кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ Французами въ повозкахъ, наши находили многихъ непріятельскихъ солдатъ, лежавшихъ на снѣгу безъ покрова и одежды. Казаки, а въ числѣ ихъ и Власовъ, дѣйствовали неутомимо: отъ сраженія при Эйлау до 1-го марта, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, взято было Донцами въ плѣнъ: 37 офицеровъ и 2,254 чел. нижнихъ чиновъ. День и ночь тревожа непріятеля и окончательно изнутивъ его кавалерію, казаки надоѣли Наполеону до такой степени, что въ одномъ изъ тогдашнихъ бюллетеней онъ далъ имъ, почетный въ этомъ случаѣ, эпитетъ: « посрамленіе рода человѣческаго. »

Въ исходѣ февраля главныя силы враждовавшихъ армій заняли кантониръ-квартиры, на которыхъ находились до мая мѣсяца; но малая война продолжалась на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Тамъ-происходили безпрерывныя сшибки между Платовымъ и Зайончикомъ, и казаки всюду являлись грозою Французовъ. Въ это время Власовъ лично участвовалъ въ сраженіяхъ: 17-го февраля — подъ Гутштатомъ, 19-го — при сел. Шарникѣ, 20-го — при Зоммерфельдѣ, 21-го — при Петерсвальдѣ, 22-го — при Бенераѣ, 23-го и 24-го — подъ Феймаркомъ при выбитіи непріятеля изъ лѣсу, между сел. Ладижу и Цехерномъ, 19-го марта — при сел. Котѣ, Рудахъ и Дембовицѣ, 20-го апрѣля — при Малгѣ и Омуль-Оfenѣ, въ отраженіи непріятеля отъ Пасенгейма и въ прогнаніи его до Едвабно, и 30-го — снова при сел. Рудахъ и Котѣ.

1-го мая, когда хотѣли начать наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ, Власовъ участвовалъ въ нападеніи Платова на Алленштейнъ.

Три недѣли спустя дѣйствительно возобновились наступательныя дѣйствія. Власовъ, произведенный, между тѣмъ, 7-го мая, въ войсковые старшины, участвовалъ въ отраженіи непріятеля при сел. Бергфридѣ; 24-го — въ разбитіи Французовъ и взятіи значительного числа плѣнныхъ при Гутштатѣ; въ слѣдующіе два дня — при рѣкѣ Пассаргѣ (которую, для узнанія о передвиженіяхъ непріятеля, неутомимые Донцы переплывали, арканами выхватывали плѣнныхъ изъ рядовъ вражескихъ, увозили пушки съ прислугою, подрывали ящики съ зарядами); 27-го — въ поверхности, одержанной Русскими снова при Гутштатѣ, и въ слѣдующіе три дня — въ дѣлахъ около Гейльсберга и въ самомъ генеральномъ сраженіи 29-го, — когда Русскіе побѣдили оборонительно, — и 2-го іюня — въ сраженіи подъ Фридландомъ, рѣшившімъ войну. При послѣдовавшемъ за тѣмъ отступленіи нашей арміи, Власовъ находился въ арріергардѣ и участвовалъ въ дѣлахъ: 4-го іюня подъ Велау и при отраженіи сильнаго непріятельского нападенія у Таплакена; 5-го, 6-го и 7-го — при селеніяхъ Битинарѣ, Юргайченѣ и другихъ, въ безпрерывныхъ битвахъ нашего арріергарда съ французскимъ авангардомъ, при чемъ Донцы употребляли всѣ усиія задерживать напиравшую на насть непріятельскую армію: заваливали дороги, жгли мосты, выставляли заѣски и изъ-за нихъ, спѣшные, останавливали непріятеля мѣткимъ огнемъ; вытягивались въ одну линію и стремительно лавою ударяли ему во фронтъ, обхватывали фланги, засекали въ тылъ, а по ночамъ приводили непріятеля въ нерѣшимость, зажигая въ разныхъ направленіяхъ большие огни. Все это дало нашей арміи возможность отступить въ порядкѣ, сохранить артиллерию и обозы и переправиться чрезъ Нѣманъ. Вскорѣ за тѣмъ, въ Тильзитѣ, заключенъ миръ.

Кромѣ чина войскового старшины, наградою Власову за эту кампанію былъ орденъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ и, отъ Пруссіаго Короля, орденъ «за заслуги. »

Въ это время Россія вела также войну и съ Турциею. Власовъ, съ Атаманскимъ полкомъ, отправился изъ Пруссіи въ Молдавскую армію; съ 1-го марта 1808 года былъ въ походѣ чрезъ Молдавію и Валахію, и, наконецъ, въ

1809 году, снова находился въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, въ новыхъ сѣчахъ съ врагами отечества.

Первые его встречи съ Турками были — подъ Браиловъ, 26-го и 27-го іюня, 19-го и 20-го іюля. Потомъ, 31-го іюля, онъ сражался подъ Мачиномъ, съ 11-го по 22-е августа — находился при блокадѣ и покореніи Гирсова, при чёмъ, за отличіе, получилъ Монаршее благоволеніе. 29-го и 30-го — участвовалъ въ осадѣ Кюстенджи, за что также удостоенъ Высочайшаго благоволенія. 4-го сентября — сражался при Рассеватѣ, и награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. 11-го — участвовалъ въ рекогносцировкѣ Силистріи и въ отраженіи вылазки непріятеля изъ этой крѣпости. 23-го — находился въ сраженіи между селеніями Колопетро и Конаклы, кончившемся разбитіемъ турецкихъ войскъ и взятиемъ въ пленъ командовавшаго ими двухъ-бунчужного паши, съ его знаменемъ, за что, 20-го января 1810 года, произведенъ въ подполковники; 24-го — участвовалъ въ отраженіи вылазки изъ Силистріи и покушенія непріятеля на нашъ лагерь и, наконецъ, 9-го октября, сражался при Татарицѣ, за что получилъ отъ главнокомандовавшаго благодарность.

Насталъ великий 1812 годъ. Война съ Турцией была уже окончена и, въ ожиданіи заключенія мира, часть войскъ нашихъ направлена къ западнымъ границамъ. 21-го января, Власовъ назначенъ командиромъ полка своего имени, съ которымъ содержалъ посты надъ Нѣманомъ. Здѣсь получилъ онъ благодарность отъ главнокомандовавшаго 1-ю западною арміею, въ приказѣ по арміи, «за исправность кумандуемаго имъ полка и попеченіе въ содержаніи какъ людей, такъ и лошадей.»

Въ ночь, съ 11-го на 12-е іюня, Наполеонъ вторгся въ заповѣдные предѣлы Православной Рѣси, и началась война, которая должна была превзойти всѣ войны, упоминаемыя въ лѣтописяхъ міра. 610,000 воиновъ, а съ нестроевыми до 700,000 человѣкъ, — въ числѣ которыхъ были всѣ народы твердой земли Европы, за исключеніемъ Шведовъ, Датчанъ и Турокъ, — съ 190,000 лошадей и 1372 орудіями, предводимые первымъ полководцемъ нашего вѣка и опытнейшими генералами, управлявшимися на цѣпь крѣпостей по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ, съ увѣренностью въ побѣдѣ, —

шли «прославить оружіе французское», съ убѣженіемъ, что «Россія увлекается рокомъ», что судьба ея должна исполниться! Благословенный Монархъ Святой Руси, на эти пышныя слова приказа завоевателя, отвѣчалъ, что *не положить оружія, доколѣ ни единаго непріятельского воина не останется въ царствѣ Его*, — и сдержалъ Свое слово.

Въ эту незабвенную годину Донцы, ополчившіеся поголовно, стояли въ первыхъ рядахъ защитниковъ родины, участвовали во всѣхъ сраженіяхъ и стычкахъ, совершившихся какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ихъ, до самаго покоренія Парижа. Спаситель отечества и освободитель Европы, Александръ Благословенный; особеннымъ похвальнымъ манифестомъ, изданнымъ во всенародное извѣстіе, ознаменовалъ признательность и благоволеніе Свое къ подвигамъ Донцовъ и, отъ лица благодарнаго Отечества, пожаловалъ Донскому войску почетное знамя при похвальной граматѣ «во свидѣтельство предъ цѣлымъ свѣтомъ, что Донское воинство, въ войну съ Французами, оказалось важными отечеству услугы.»

Власовъ, съ полкомъ своего имени, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей этого незабвенного времени. Страшно дымилась сабля его въ крови непріятелей: 18-го іюня — при Большихъ-Солешникахъ, 19-го — при Ольшанахъ, 24-го — при Каменѣ, 27-го іюля — при разбитіи непріятельской кавалеріи у Молево-Болото, и, по заслугамъ, замѣнена — отъ Монаршихъ щедротъ — золотою саблею, съ надписью: «за храбрость.»

Достойно оцѣнивая мужество Власова и его воинскіе таланты, Барклай-де-Толли, во время отступленія 1-й западной арміи, поручалъ ему по иѣскольку казачихъ полковъ, и, съ полною довѣренностью, употребляя его преимущественно въ арріергардѣ. Власовъ блистательно оправдывалъ почетное назначеніе: онъ не зналъ усталости, и, какъ будто вовсе не вѣдая сна, цѣлые ночи проводилъ въ цѣпи съ казаками, прислушивался къ малѣйшему шороху: казалось, и листъ на деревѣ не могъ шелохнуться, не бывъ замѣченъ имъ. Глубоко набожный, онъ каждое предприятіе начиналъ теплою молитвою; за то и не было у него ни одного дѣла

съ непріятелемъ, ни одного шага противъ него, который бы не быть увѣнчанъ успѣхомъ.

6-го августа, когда главныя силы наши оставили уже пе-
пелище Смоленска, и только нѣсколько полковъ упорно держались еще въ Петербургскомъ предмѣстіи, Власовъ находился на правомъ флангѣ и стремительными атаками удерживалъ переправившагося чрезъ Днѣпръ непріятеля, и неоднократно опрокидывалъ его съ чувствительною потерей. Потомъ, отъ Смоленска до Бородина, онъ постоянно прикрывалъ отступленіе нашей арміи, и почти ежедневно бился съ Французами. 7-го августа, у селенія Заболотье, противъ всей непріятельской кавалеріи и части пѣхоты, тѣснившихъ арріергардъ нашъ, безпрерывная атаки Власова удерживали напоръ непріятеля, старавшагося обойти нашъ лѣвый флангъ и отбросить отъ Московской дороги. Послѣ жестокаго боя при Валутиної горѣ до самой переправы арміи чрезъ Днѣпръ, Власовъ, командуя полками: своего имени, Харитонова 7-го и Симферопольско-Татарскимъ, выдерживалъ самые отчаянныя написки многочисленной непріятельской кавалеріи, стремившейся по большой Московской дорогѣ, и не рѣдко одерживалъ надъ нею поверхность, не допустивъ ни однажды отрѣзать себя отъ арріергарда. 20-го августа, при Гжатскѣ, имѣя подъ начальствомъ полки: своего имени, Татарскіе — Бугскій и Перекопскій и 1-й Тентярскій, онъ отразилъ сильную кавалерійскую атаку и два раза обращалъ непріятеля назадъ съ большою потерей. 24-го, со вѣренною ему бригадою, не доходя до Бородина, уничтожилъ болѣе двухъ непріятельскихъ эскадроновъ.

25-го и, въ день народнаго побоища, 26-го августа Власовъ находился на правомъ флангѣ арміи, съ полками: своего имени, Краснова 1-го, Андріянова и Перекопскимъ Татарскимъ. 27-го, съ этими же полками и вновь присоединенными къ нему: Чернозубова, Симферопольскимъ Татарскимъ и 1-мъ Башкирскимъ, при городѣ Можайскѣ, онъ прикрывалъ отступленіе нашихъ армій, и дѣйствовалъ столь успѣшно, что непріятель вынужденъ былъ остановить преслѣдованіе и держаться оборонительно.

При дальнѣйшемъ отступленіи нашемъ къ Москвѣ, Власовъ постоянно былъ на стражѣ, оберегая тылъ и фланги

армій, не давая непріятелю нигдѣ ни малѣйшей надъ собою поверхности.

Во время партизанской войны, когда главныя силы наши находились въ Тарутинскомъ лагерѣ, казаки какъ сѣтью окружили полчища Французовъ, раскинутыя въ окрестностяхъ столицы, и Власовъ постоянно находился въ поискахъ для истребленія мародеровъ, непріятельскихъ партій и фуражировъ.

Едва Наполеонъ вышелъ изъ сожженной Москвы и спѣшилъ проложить обратный путь разстроенной арміи своей, Власовъ устремился во слѣдъ ему, — паносилъ всевозможный вредъ, — отбивалъ знамена, пушки, забиралъ въ плѣнъ генераловъ, офицеровъ и множество солдатъ. 13-го октября, между селеніями Томашево и Уварово, съ полками: своего имени, Слюсарева 2-го, Шамшева 2-го и Траилина, онъ разбилъ 6 эскадроновъ Голландской гвардіи, шедшей отъ Боровска къ Малому-Ярославцу; а потомъ, до 3-го ноября, состоя въ авангардѣ, преслѣдоваль непріятеля по дорогамъ къ Вильнѣ. 4-го ноября, при Смоленскѣ, у самаго Днѣпра, быстрымъ ударомъ полка своего имени на непріятельскую пѣхоту, Власовъ разбилъ ее и взялъ на мѣстѣ 9 орудій. 8-го, во весь день слѣдуя впереди непріятеля, сильно тѣснилъ и поражалъ его, и напослѣдокъ, напавъ на авангардъ, шедший къ Оршѣ, разбилъ его; на другой день, близъ этого же города, сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ атакъ на двѣ большія колонны непріятельской пѣхоты, которая хотя и сильно защищалась, но были разбиты и взяты въ плѣнъ. 13-го, Власовъ атаковалъ непріятеля, бывшаго въ селеніи Шиковѣ, и быстрымъ ударомъ полка своего имени принудилъ оставить селеніе и спасаться бѣгствомъ въ ближайшій лѣсъ; 19-го, атаковавъ оставшагося на дорогѣ, въ лѣсу, непріятеля, взялъ у него одну пушку; 20-го, сильно преслѣдоваль и тѣснилъ его, а 28-го, при Вильнѣ, съ полками: своего имени, Харитонова 7-го и Сулина 9-го, разбилъ большую пѣхотную колонну непріятеля и еще взялъ орудіе.

«Казаки дѣлаютъ чудеса», доносилъ Кутузовъ Государю, и, по истинѣ, они вполнѣ заслужили этотъ лестный отзывъ знаменитаго полководца. Не взирая на лишенія всякаго рода, на поспѣшность бѣгства непріятеля, они сидѣли у него на плечахъ, не давая отдыха ни на минуту, — въ особенности

отъ Вильны до Нѣмана, погоня ихъ за Мюратомъ, которому Наполеонъ, при бѣгствѣ изъ Россіи, ввѣрилъ остатки своихъ войскъ, представляла зрѣлице невиданное. Армія, за пять мѣсяцевъ состоявшая болѣе чѣмъ изъ полумилліона людей, во всей воинской силѣ, славѣ и красотѣ, бѣжала безъ оглядки, преслѣдуемая горстью казаковъ. Донцы напирали на нее, сколько позволяли силы людей и лошадей и, настигая Французовъ, ударяли въ дротики, или били ихъ изъ пушекъ, везомыхъ на полозьяхъ, и Кутузовъ доносилъ Государю: «Исполнились слова Вашего Императорскаго Величества, усѣяна дорога костями непріятельскими!» Власовъ самыи дѣятельнымъ образомъ участвовалъ въ этомъ истребленіи знаменитой Великой Арміи, и, между прочимъ, 9-го декабря, стремительно атакою выбилъ укрѣшившагося въ Ковнѣ непріятеля; потомъ, преслѣдуя его за Нѣманъ, съ полками: своего имени, Харитонова 7-го и Сулина 9-го, отбилъ двѣ пушки и взялъ въ плѣнъ 125 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2237 рядовыхъ, за что награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

Отечество было спасено; но, по высокой мысли Императора Александра, «что нѣть мира съ нарушителемъ всеобщаго спокойствія», побѣдоносныя наши войска перешли границу, и началась новая брань за освобожденіе Европы. Власовъ принималъ и въ ней славной участіе.

19-го декабря онъ поступилъ въ летучій отрядъ генераль-адъютанта Чернышева. Кому не известны славные подвиги этого страшнаго для Французовъ отряда! Нынѣ, въ назиданіе юнаго поколѣнія, готовящагося на военное поприще, дѣла Чернышевскаго отряда,—подъ Люнебургомъ, Гальберштатомъ, Касселемъ, Суассономъ,—излагаются какъ образцовая и отважнѣйшая партизанская дѣйствія.

Блистательно проводилъ Чернышевъ при Мариенвердерѣ послѣдній день великаго Двѣнадцатаго года: здѣсь пали предъ нимъ сильно защищенные батареи, и изъ 15-ти, еще дымившихся противу насъ непріятельскихъ пушекъ, отбитыхъ Власовымъ послѣ кроваваго боя, Русскіе прogramмѣли славу совершившимся событиямъ.

Въ 1813 и 1814 годахъ Власовъ постоянно находился въ отрядѣ Чернышева, который, являясь то среди, то въ тылу Французскихъ армій, переходилъ огромныя простран-

ства, забиралъ по пути снаряды, пушки, обозы, плѣнныхъ; преграждалъ соединеніе непріятельскихъ войскъ, уничтожалъ ихъ запасы, истребляя переправы.

5-го января 1813 года Власовъ выбилъ изъ селенія Карвица и мѣстечка Коснина непріятельскія пѣхотныя колонны, и, преслѣдуя ихъ до мѣстечка Семпельбурга, нанесъ Французамъ большой вредъ, за что и произведенъ, 2-го февраля, въ полковники. 9-го января, при Шарлотенбургѣ, близъ Берлина, онъ, полками: своего имени и Сысоева 3-го, атаковалъ непріятеля, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 130 рядовыхъ; 20-го, участвуя въ выбитіи Французовъ изъ самаго Берлина, преслѣдовалъ ихъ до мѣстечка Бельцига,—послѣ чего, неоднократно переправляясь черезъ Эльбу, сражался съ непріятелемъ и особенно отличился, 21-го марта, у г. Люнебурга, при истребленіи корпуса генерала Морана, — за что награжденъ вторично золотою саблею съ надписью: «за храбрость.» 5-го апрѣля, между селеніемъ Аишгеймомъ и мѣстечкомъ Гисфорномъ, Власовъ выдержалъ сильный натискъ непріятеля; 6-го и 7-го участвовалъ въ отраженіи атаки его; 13-го при Нейдорфѣ и Емзинѣ также удерживалъ непріятеля; 18-го мая участвовалъ при взятии непріятельскаго запаснаго парка въ Гальберштадтѣ, при чемъ, съ двумя казачими полками, ходилъ нѣсколько разъ въ атаку артиллерійскаго каре, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, и за дѣло это награжденъ орденомъ Св. Владимира 3-й степени. 26-го, при Лейпцигѣ, будучи отраженъ, съ полкомъ своего имени, занять дорогу отъ мѣстечка Тауха, онъ встрѣтилъ 4 эскадрона непріятельской кавалеріи, ударили на нихъ, обратилъ въ бѣгство, гналъ до самыхъ городскихъ воротъ, и взялъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 122 рядовыхъ, — за что удостоенъ Высочайшаго благоволенія.

Послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій въ августѣ мѣсяцѣ, Власовъ, съ честью, участвовалъ въ дѣлахъ около Бельцига, и, между прочимъ: 12-го числа разбилъ, съ полкомъ своего имени, до 3-хъ непріятельскихъ эскадроновъ и взялъ 30 плѣнныхъ, а 15-го, съ тѣмъ же полкомъ, не только содѣйствовалъ нашему и Прусскому отрядамъ разбить Французовъ, но даже взялъ въ плѣнъ шедшія на нихъ три колонны, въ которыхъ было 20 штабъ и оберъ-

офицеровъ и 1207 рядовыхъ. За этотъ блестательный подвигъ онъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3 класса. Съ 25-го августа по 6-е сентября Власовъ находился при блокадѣ Виттенберга, былъ въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ и выдержалъ, съ примѣрною твердостію, всѣ вылазки непріятеля. 16-го и 18-го, при городѣ Касселѣ, съ полкомъ своего имени и частію Изюмскаго гусарскаго, онъ атаковалъ Французовъ, взялъ батарею, овладѣль 6-ю пушками и 16-ю зарядными ящиками,—за что произведенъ въ генераль-маіоры; 18-го октября участвовалъ въ разбитіи непріятеля при Ганау, при чёмъ, съ полкомъ своего имени, взялъ до 400 пленныхъ; 19-го дѣятельно преслѣдовалъ Французовъ отъ Фульды до Франкфурта,—за что награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, украшеннымъ алмазами.

Съ 22-го ноября по 9-е декабря Власовъ находился въ Голландіи, гдѣ, содѣржа, съ своимъ полкомъ, въ блокадѣ крѣпости Куверденъ, не допускалъ непріятеля, при его вылазкахъ, разорять окрестныя селенія.

Въ достопамятную трехъ-месячную кампанію 1814 года во Франціи Власовъ состоялъ въ авангардѣ корпуса генераль-адъютанта барона Винценгероде, съ которымъ и переправился, въ началѣ января, чрезъ Рейнъ у Дюссельдорфа; 12-го—участвовалъ въ овладѣніи Литтихомъ, а 17-го—Намюромъ, послѣ чего находился въ движеніи чрезъ Лаонъ, на соединеніе съ Силезской арміею, бывшую подъ начальствомъ знаменитаго Блюхера,—при чёмъ, 1-го февраля, въ отрядѣ генераль-адъютанта Чернышева, участвовалъ въ разбитіи непріятеля подъ Суассономъ, взялъ въ пленъ одного генерала, 6 офицеровъ и 300 рядовыхъ и отбилъ одну пушку, а 2-го числа участвовалъ во взятии штурмомъ этого города,—за что награжденъ золотою саблею, украшенною алмазами, съ надписью: «за храбрость». Потомъ онъ былъ въ движеніи къ Реймсу, а оттуда, по соединеніи съ Силезской арміею, чрезъ Суассонъ, въ слѣдованіи на позицію между этимъ городомъ и Краономъ. 21-го февраля онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Бери-о-Бакѣ; 22-го—въ обходномъ ночномъ движеніи кавалерійскаго корпуса барона Винценгероде чрезъ Шевреи къ Фетье; 24-го—въ расположениіи на позиціи при Лаонѣ, а въ слѣдующіе два дня, при этомъ же городѣ, въ генеральномъ сраженіи, съ бывшую подъ

личнымъ начальствомъ Наполеона, Французскою арміею, въ разбитіи и преслѣдованіи ея до Суассона. 7-го марта находился при занятії г. Реймса, во время слѣдованія Силезской арміи къ Шалону.

Послѣ сраженія при Арсисѣ, Наполеонъ, желая отвлечь союзныя арміи отъ Парижа, пошелъ на Сенъ-Дизье. Власовъ, находясь въ летучемъ отрядѣ генераль-адъютанта Чернышева, слѣдовалъ неотступно за арміею Наполеона, который, узнавъ о движеніи союзниковъ къ Парижу, спѣшилъ на помощь своей столицѣ, чрезъ Васси, Труа и Сансъ. Отрядъ Чернышева, въ пути слѣдованія своего, предупреждалъ даже Французскую армію, составляя какъ бы ея авангардъ и, при Вильневѣ, сдѣлалъ на нее нѣсколько удачныхъ нападеній. 21-го марта онъ двинулъся на Орлеанскую дорогу, переправясь чрезъ рѣки Іонну и Луенъ, а 22-го явился у Мальзерба, гдѣ встрѣтилъ шедшій въ Орлеанъ, подъ прикрытиемъ 700 человѣкъ пѣхоты и конницы, транспортъ съ 22-мъ французскими пушками. Власовъ, съ полкомъ своимъ, участвовалъ въ разбитіи этого транспорта, при чёмъ почти все прикрытие его взято въ пленъ. То былъ послѣдній подвигъ Власова въ эту знаменитую кампанію.

Вполнѣ цѣнна заслуги вѣреннаго Максиму Григорьевичу (Власова 3-го) полка, Государь ИМПЕРАТОРЪ Всемилостивѣйше пожаловалъ ему, при похвальной грамотѣ, отъ 12-го октября 1812 года, знамя, бѣлое, съ изображеніемъ: посрединѣ — государственного герба, а по угламъ—вензеля Августѣйшаго Имени Своего, со знакомъ ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія на древкѣ, въ копѣ и съ надписью на полотнѣ: «за отличную храбрость въ пораженіи непріятеля въ Отечественную войну 1812 года.»

Лично, Власовъ, за кампанію 1813 года, получилъ отъ Короля Шведскаго орденъ Св. Меча, а одна золотая сабля, пожалованная ему отъ Государя ИМПЕРАТОРА, замѣнена, по возвращеніи въ отчество, объявленіемъ Монаршаго благоволенія.

Въ 1815 году Власовъ снова былъ въ походѣ до Парижа, состоя при 3-мъ корпусѣ, а потомъ, 1-го марта 1816 г., возвратился на Донъ.

Но, не долго текли для него мирные дни. Чрезъ три года онъ снова сѣлъ на коня, будучи назначенъ, 22 го мая 1819

года, походнымъ атаманомъ казачихъ полковъ при Отдельномъ Грузинскомъ корпусѣ,—что нынѣ Кавказская Армія,—въ то время расположенныхыхъ, большою частю, на Кавказской Линіи и въ Черноморіи.

Тогда главнымъ начальникомъ Кавказского края былъ А. П. Ермоловъ. Власовъ скоро обратилъ на себя вниманіе доблестнаго вождя.

Въ началѣ 1820 года возникли беспорядки въ Имеретіи. Князья этого владѣнія, поддерживаемые Ахалцыхскимъ пашею, приняли начальство надъ многочисленными толпами бунтовщиковъ; нѣсколько нашихъ военныхъ постовъ было атаковано; движеніе транспортовъ сдѣгалось не безопаснымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли даже довольно жаркія сшибки между нашими войсками и бунтовщиками. Мятежникамъ много способствовало гористое мѣстоположеніе и дефили. Ермоловъ ввѣрилъ усмиреніе бунта начальнику корпуснаго штаба, генералъ-маюру Вельяминову. Съ нимъ находился и Власовъ, вступившій въ Имеретію 26-го апрѣля. Скорыми и рѣшительными мѣрами возмущеніе пресечено въ самомъ началѣ: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ возстановлено совершенное спокойствіе, и 27-го юля Власовъ возвратился изъ Имеретіи.

Въ то же время владѣтель Кази-Кумыхскаго ханства, Сурхай-Ханъ, известный своимъ коварнымъ поведеніемъ, нарушилъ данную имъ Россіи присягу и, будучи изгнанъ княземъ Мадатовымъ изъ Аваріи, отправился къ генерал-лейтенанту Мустафѣ, хану Ширванскому, женатому на его дочери. Этотъ владѣлецъ, не смотря на всѣ предупрежденія со стороны Ермолова, далъ способъ Сурхай-Хану удалиться въ Персію и пропустилъ его чрезъ свои владѣнія. Подобнымъ же образомъ онъ принялъ и препроводилъ въ Персію сына бѣжавшего Шихъ-Али-Хана Дербентскаго. Всѣ эти обстоятельства заставили подозрѣвать Мустафа-Хана въ изменническихъ намѣреніяхъ противъ Россіи. Наконецъ одинъ изъ его приближенныхъ, нарочно захваченный нами, открылъ всѣ его тайны и злоумышленія. Узнавъ объ этомъ, Мустафа-Ханъ отправилъ въ Персію большую часть своего имущества и нѣкоторыхъ приверженныхъ ему людей, а самъ, не зная еще на что рѣшиться, находился въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Персіею, собирая войска для своей защи-

ты, потомъ намѣревался бѣжать, не сопротивляясь, и въ то же самое время, въ письмахъ къ Ермолову, клялся, что онъ есть самыйѣ вѣрнѣйший, преданный и усердный подданный Государя Императора.

Ермоловъ, чтобы пресѣчь однимъ разомъ всѣ проказы Мустафи-Хана и не допустить его произвести возмущеніе въ Ширвани, приказалъ нашимъ войскамъ поспѣшно занять ханство.

Власову, съ 1000 челов. казаковъ, приказано было вступить въ Ширванское ханство отъ Зардoba, что на Курѣ, а генералъ-маюру барону Вреде предписано командировать туда же, изъ Кубы, баталіонъ пѣхоты и 6 орудій. Всѣдѣ за тѣмъ долженъ быть спѣшить и другой баталіонъ, смѣнившись съ занимаемыхъ имъ постовъ. Какъ скоро наши войска вступили въ границы Ширвани, Мустафа-Ханъ бѣжалъ въ Персію, а ханство его поступило въ русское управление. Жители изъявили чистосердечную радость и дали обѣщаніе быть вѣрноподданными Российскому Монарху.

Власовъ находился въ Ширвани съ 9-го августа по ноябрь и, за быстроту движеній съ войсками въ самое знойное время, при недостаткѣ въ продовольствіи, получилъ, въ приказѣ по корпусу, благодарность Ермолова *).

6-го декабря Власовъ назначенъ командующимъ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ, бывшимъ въ то время весьма малолюднымъ и только начинавшимъ еще устраиваться. Ему поручено было и завѣдываніе тамошнею кордонною стражею

*) Приводимъ выписку изъ этого приказа, отданнаго 8 сентября 1820 года, № 22:

«Войска Донскаго г. генералъ-маюру Власову З обязанъ я отдать справедливую похвалу, за скорое прибытие съ отрядомъ въ Ширванскую область. Ни лѣтнее время, необычайно знойное, ви въ пути недостатокъ въ продовольствіи, не препятствовали быстрому казаковъ движению, что способствовало удержанію спокойствія между жителями, которыхъ побѣгъ Мустафы, бывшаго хана, могъ привести въ замѣшательство. Командира 1-й бригады 21-й дивизіи г. генералъ-маюра Вреде долгомъ поставляю благодарить за ускоренный маршъ пѣхоты и артиллеріи изъ Кубы въ Ширванскую область. Вижу, по времени, что минуты не потеряю и съ удовольствиемъ замѣчаю, что войскамъ нашимъ вѣтъ путей непроходимыхъ.......

противъ Закубанскихъ народовъ. Такимъ образомъ, для дѣятельности Максима Григорьевича открылось обширное поле, и онъ блестательно оправдалъ возложенную на него обязанность: во время являлся всюду, гдѣ только горцы задумывали прорваться въ наши предѣлы, и побѣдоносно отражалъ всѣ покушенія ихъ.

Войдемъ въ подробности замѣчательнѣйшихъ изъ тогдашнихъ дѣйствий Власова, память о которыхъ живетъ донынѣ въ разсказахъ благодарныхъ Черноморцевъ.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ пребыванія Власова на Кубани, — именно до октября 1821 года, — не происходило ничего важнаго въ этой части края, но около этого времени Закубанцы, подстрекаемые Портю, начали беспокоить наши границы. Въ ночи, со 2-го на 3-е октября, скопинце ихъ, простиравшееся до 3000 человѣкъ, собравшись въ камышахъ, покрывающихъ берега Кубани, скрыто переправилось чрезъ эту рѣку, въ дистанціи Петровскаго поста, и вошло въ земли Черноморскаго войска, чтобы — по прежнимъ примѣрамъ — разграбить нѣсколько казачьихъ станицъ. Но Власовъ бодрствовалъ: онъ имѣлъ уже предварительное свѣдѣніе о намѣреніи Закубанцевъ вторгнуться въ наши предѣлы; но не зная еще мѣста, избраннаго ими для нападенія, долженъ былъ, изъ предосторожности, раздѣлить свои силы — по всей линіи, а когда получилъ извѣстіе о пункѣ переправы, то, съ величайшою поспѣшностью, собралъ, съ ближайшихъ постовъ, съ небольшимъ 400 казаковъ, взять три орудія и засѣль на пути хищниковъ. Между тѣмъ, Черноморцы, пользуясь темнотою ночи, пропустили враговъ нѣсколько впередъ и потомъ отрѣзали имъ возможность отступленія къ рѣкѣ. Послѣ того, Власовъ отрядилъ одну партію преслѣдовать непріятеля, давъ ей приказаніе — открыть перестрѣлку и, показывая видъ, что отступаетъ, навести Закубанцевъ на то мѣсто, гдѣ самъ онъ остановился съ орудіями; другой же партіи велѣлъ встрѣтить непріятеля и, при начатіи съ нимъ перестрѣлки, зажечь на всѣхъ ближайшихъ постахъ маяки и дѣлать сигнальные выстрѣлы изъ пушекъ. Мракъ ночи препятствовалъ хищникамъ замѣтить малочисленность казаковъ. Появленіе нашихъ съ разныхъ сторонъ, произведенная тревога и вспыхнувшіе по всей кордонной цѣли огни, — являвшіе тогда

совершенно новое зрѣлище въ томъ краю, — все это смущило Закубанцевъ. — Они дрогнули. Ночная темнота нарисовала предъ устрашенными глазами ихъ массы войскъ, а убѣжденіе въ дѣятельности и прозорливости Власова увеличило эти массы до огромныхъ размѣровъ. Полагая себя окружеными со всѣхъ сторонъ, горцы ринулись назадъ, стремительно понеслись въ бѣгство къ густому камышу, по которому проложили дорогу шедшіе впередъ; но едва поравнялись съ засадою, Власовъ, съ спѣшеными казаками, открылъ сильный перекрестный огонь, осыпалъ ихъ пулями и картечью изъ трехъ пушекъ своихъ и, приведя въ совершенный безпорядокъ гналъ и кололъ пиками. Закубанцы столпились въ одну массу и, теряя безпощадно пораженіе, бросились въ разныя стороны. Паническій страхъ обуялъ бѣгущихъ: они не узнавали другъ друга и сами поражали своихъ же товарищей. Наконецъ, разстроенная толпа эта устроилась къ переправѣ чрезъ Кубань, но сбитая Власовымъ съ прямой дороги на нее, напираемая со всѣхъ сторонъ казаками и громимая картечью и пулями, загнана была въ Калаусскій лиманъ, — не глубокій и не толкій, но, по обширности своей, непроходимый прибрежный заливъ. Передніе всадники, не видя конца воды, хотѣли воротиться, но ихъ тѣснили бывшіе сзади, гонимые ужасомъ и настигаемые казаками, и никакая уже сила не могла остановить ихъ: всѣ увлекали другъ друга впередъ и поглощались пучиною. Стремительность казаковъ, преслѣдовавшихъ Закубанцевъ, простирилась до такой степени, что и изъ нихъ четыре человѣка также потонули въ заливѣ. 4-го октября, восходящее солнце освѣтило страшную картину: Калаусскія поля были покрыты трупами горцевъ; воды лимана волновались отъ предсмертныхъ судорогъ всадниковъ и коней, и изъ хлябей его слышались послѣдніе стоны погибавшихъ. Уронъ непріятеля былъ чрезвычайный; сами Шапсуги считали утонувшими въ лиманѣ болѣе 20 князей и около 1200 всадниковъ; много, кромѣ того, было убитыхъ въ камышахъ; въ плѣнъ взяты: одинъ князь и 45 всадниковъ, и отбиты два знамени. Съ нашей стороны потеря была совершенно ничтожная.

Ермоловъ, отдавая полную справедливость храбрости, благоразумному распоряженію и дальновиднымъ соображеніямъ Власова, възвѣшилъ на него заслуги и посыпалъ на него медалью.

ніямъ Власова, замѣтнымъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, признавалъ, что со временемъ водворенія войска Черноморскаго на Кубань, не происходило подобнаго пораженія хищниковъ на землѣ, войскомъ занимаемой.

За это дѣло Государь Императоръ Всемилостивѣйше по-жаловалъ Власова кавалеромъ ордена Св. Владимира 2-й ст. большаго креста.

Все Закубанье какъ громомъ поражено было вѣстью о Калаусской битвѣ; повсюду раздались вопли горести, и горы огласились клятвою мести. Несколько разъ потомъ Закубанцы готовили ковы Власову, но бдительность его обращала эти ковы на собственное ихъ пораженіе.

3-го февраля 1822 года, Власовъ примѣрно наказалъ Закубанцевъ, тревожившихъ своими набѣгами третью часть кордонной линіи и покушавшихся напасть на станицу, строившуюся близъ Елисаветинскаго поста. Въ октябрѣ того же года, отразивъ набѣги хищниковъ, онъ преслѣдовалъ ихъ за Кубань и нанесъ сильное пораженіе скопищамъ горцевъ на рѣчкахъ Пшеницѣ, Кунипѣ и Бугундыре, — за что получилъ снова благодарность Ермолова, въ приказѣ по корпусу.

Въ слѣдующемъ году Власовъ самъ произвелъ нападеніе на Закубанцевъ, по одному имени подвластныхъ Турецкому правительству, которое, повидимому, не имѣло довольно силы прекратить ихъ набѣги и хищничества въ нашихъ границахъ, или даже и не хотѣло заняться этимъ. Въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, Ермоловъ получалъ безпрестанно донесенія отъ начальниковъ Кавказской линіи и Черноморскаго кордона, генераловъ Стала 2-го и Власова, что паша Анапскій, не смотря на вѣсъ наши старанія сохранить пріязненные связи съ Турецкимъ правительствомъ, тайно возмущаетъ противъ насъ Закубанцевъ и ободряетъ ихъ къ разбоямъ, а чрезъ это, беззокойства по Кубанской границѣ нашей никогда не прекращаются. Испытавъ, что мирныя внушенія наши совершенно бесполезны, Ермоловъ принужденъ былъ приѣхнуть къ оружію, и разрѣшилъ генерал-майоровъ Стала 2-го и Власова — переходить съ войсками за Кубань, какъ скоро они удостовѣрятся въ намѣреніи Закубанцевъ сдѣлать вторженіе въ наши границы, особенно

если можно напасть съ выгодою на ихъ скопища, когда они будутъ гдѣ-либо собираться. Имѣя это разрѣшеніе и признавая нужнымъ наказать двухъ Абадзехскихъ князей Чигинейскаго племени, извѣстныхъ своими разбоями и дававшихъ у себя пристанище сборищамъ хищниковъ, Власовъ перевѣрился, 4-го марта 1823 года, за Кубань, напасть внезапно на три, принадлежащіе тѣмъ князьямъ, аула, сжегъ ихъ и захватилъ множество рогатаго скота и овецъ. На возвратномъ пути къ Кубани, онъ былъ аттакованъ сильною партию Абадзеховъ, старавшихся отбить добычу, но выславъ противъ нихъ стрѣлковъ, поддержаныхъ сокнутою пѣхотою, скоро опрокинулъ непріятеля и принудилъ его бѣжать. Отрядъ Власова состоялъ: изъ 250 человѣкъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, изъ двухъ орудій легкой артиллеріи, 600 пѣшихъ и 200 конныхъ казаковъ. Дѣло проходило верстахъ въ 10 отъ Кубани, на правой сторонѣ рѣчки Тихинькой.

Съ нашей стороны потеря состояла: изъ 2 человѣкъ убитыхъ (въ числѣ коихъ былъ 9-го коннаго полка сотникъ Табановъ), и изъ 7 казаковъ и 3 рядовыхъ Навагинскаго пѣхотнаго полка раненыхъ. Со стороны непріятеля, кроме убитыхъ, главную потерю составляли плѣнныя, которыхъ взято мужескаго и женскаго пола 141 человѣкъ. Польза отъ взятія плѣнныхъ была очевидна: они могли промѣниваться на нашихъ плѣнныхъ, въ разныя времена захваченныхъ Закубанцами.

Осеню того же года, получивъ извѣстіе отъ приверженыхъ намъ людей, что конная партия Закубанцевъ, состоящая изъ 1500 человѣкъ, готова ворваться въ предѣлы войска Черноморскаго и напасть на вновь учреждаемыя станицы прибывшихъ изъ Малороссіи переселенцевъ, Власовъ собралъ, сколько могъ, по скорости, войска, и самъ лично отправился въ мѣста, наиболѣе подверженныя опасности.

Утромъ 12-го октября, отрядъ его прибылъ, форсированнѣмъ маршемъ, къ Александрову посту, лежащему на Кубани, и вскорѣ за тѣмъ, на другомъ берегу этой рѣки, услышанъ былъ шумъ, обнаружившій переправу непріятеля, скрытаго прибрежнымъ густымъ лѣсомъ и камышами.

С П И С О К ТЪ

ПОДПИСАВШИХСЯ

НА ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ «КАВКАЗЫ».

Редакцію осчастливили подпискою на издание :

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна — за 36 выпусковъ, въ 5 экземплярахъ, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать 150 руб. сер.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна — на первые 12 выпусковъ, въ 5 экземплярахъ.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ — на первые 12 выпусковъ въ 2-хъ экземплярахъ.

Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Николай Николаевичъ — на первые 12-ть выпусковъ.

Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Михаилъ Николаевичъ — на первые 12-ть выпусковъ.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Елецл Шавловна — на 36 выпусковъ въ 3-хъ экземплярахъ.

Ея Величество Королева Нидерландская Анна Шавловна.

Его Императорское Высочество Принцъ Фольденбургскій — за первые 12-ть выпусковъ, въ 2-хъ экземплярахъ, соизволилъ пожаловать 100 руб. сер.

Изъ частныхъ лицъ и казенныхъ мѣстъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, удостоили подпискою на Кавказцевъ:

- Адлербергъ**, графъ Владымиръ Феодоровичъ, министръ Двора Его Императорскаго Величества, въ С. Петербургѣ. 1 экземпляръ.
- Андрониковъ**, князь Ревасъ Ивановичъ, генералъ-маоръ, въ Грузіи. 1.
- Анчупинъ**, заводскій уставщикъ, Томской губерніи. Барнаулъ. 1.
- Араболо**, Лука Павловичъ, его благородіе, въ Одесѣ. 1.
- Армстронгъ**, Николай Адамовичъ, генер.-майоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Архангельской**, Михаилъ, священникъ, въ С.-Петербургѣ. 1.
- Базенъ**, Иванъ Алексѣевичъ, генераль-лейт. въ С. Петербургѣ. 1.
- Базуновъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Баклановъ**, Яковъ Петровичъ, ген.-маоръ въ Тифлісѣ. 1.
- Баранскій**, подполк., въ С. Петербургѣ. 1.
- Барятинскій**, князь Анатолій Ивановичъ, въ Царскомъ Селѣ.
- Беккоръ**, Павелъ Васильевичъ, директоръ Ришельевскаго лицея. 4.
- Блудовъ**, графъ Дмитрий Николаевичъ, дѣйств. тайн. сов., въ С. Петербургѣ. 1.
- Блюмъ**, подполковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Богдановъ**, Николай Петровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Богдановъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Бенецкій**, Александръ Павловичъ, штабсъ-кап. Чернигов. губ. въ г. Козельцѣ. 1.
- Боничевскій**, Иванъ Григорьевичъ, подполковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Бородинъ**, статс. сов., въ С. Петербургѣ. 1.
- Бородинъ**, Михаилъ Васильевичъ, купецъ, Пермской губ. въ г. Екатеринбургѣ. 1.
- Боукартенъ**, подполковникъ, Ставропольской губ. въ селѣ Благодатномъ. 1.
- Бриммеръ**, Эдуардъ Владимировичъ, ген.-лейт. въ крѣп. Новогеоргіевской. 1.
- Брокъ**, Петръ Федоровичъ, министръ финансовыхъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Броневскій**, Николай Богдановичъ, ген.-маоръ, въ Гродно. 1.
- Броневскій**, Павелъ Николаевичъ, ген.-маоръ, въ Воронежѣ. 1.
- Бутурлинъ**, Александръ Петровичъ, ген.-лейт., въ Ярославлѣ. 1.
- Бучкиевъ**, штабсъ-капитанъ, въ Грузіи. 1.
- Бушикова**, Елизавета Петровна, почет гражд., Ярослав. губ. въ г. Мологѣ. 1.
- Буляцкій**, Илья Васильевичъ, дѣйств. статс. совѣтн. въ С. Петербургѣ. 1.
- Бългаскій**, Константинъ Яковлевичъ, генераль-лейтен., въ С. Петербургѣ. 1.
- Ваксель**, Валеріанъ Николаевичъ, маоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Васильевскій**, Михаилъ Алексѣевичъ, маоръ, Орловской губ. въ г. Кромы. 1.
- Васильевскій**, Степанъ Васильевичъ, дѣйств. статс. совѣтн., въ С. Петербургѣ. 1.
- Васильева**, Авдотья Карловна, ея высокоблагор. въ Москвѣ. 1.
- Васильевъ**, Александръ Алексѣевичъ, художникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Васильевъ**, Василій Александровичъ, подполковникъ, въ Симферополь. 1.
- Васильчиковъ**, князь Илларіонъ Илларіоновичъ, генер.-адъютантъ, въ Киевѣ. 1.
- Ведемайеръ**, Александръ Александровичъ, ген.-маоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Веймарнъ**, Александръ Владимировичъ, ген.-маоръ, въ Нижнемъ Новгородѣ. 1.
- Верховскій**, священникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Весенрикъ**, Василій Ивановичъ, дѣйств. стат. совѣтн. въ С. Петербургѣ. 1.
- Висленевъ**, подпоручикъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Виттъ**, штабсъ-капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Волжинъ**, Николай Николаевичъ, Курской губ. въ г. Дмитровѣ. 2.
- Волковъ**, Константина Александровичъ, поруч. Олонецкой губ. въ г. Вытегрѣ. 1.
- Воейковъ**, Василій Михайловичъ, капитанъ, въ г. Погостѣ. 1.
- Волконскій**, князь Александръ Алексѣевичъ, въ Вологдѣ. 1.
- Воронцовъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Вороновъ**, поручикъ, въ г. Николаевѣ. 1.
- Врангель**, баронъ Александръ Евстафьевичъ, генералъ-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Вунишъ**, Василій Федоровичъ, полковникъ, Херсонской губ. въ г. Бобринцѣ. 1.
- Гавриловъ**, казначай, въ Кронштадтѣ. 1.
- Гагаринъ**, князь Иванъ Владимировичъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ганзенъ**, Василій Васильевичъ, ген.-маоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Гейденъ**, графъ Федоръ Логиновичъ, ген.-маоръ, въ Москвѣ. 1.
- Германовъ**, поруч. Могилевск. пѣхотн. полка. 1.
- Гертовъ**, Николай Павловичъ, полков. въ С. Петербургѣ. 1.
- Гертовъ**, Александръ Павловичъ, берггаутиманъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Головинскій**, Андрей Александровичъ, полков. Харьковской губ. въ г. Старобѣльскѣ. 1.
- Головинъ**, Евгений Александровичъ, генераль отъ инфантеріи, въ С. Петербургѣ. 1.
- Горскій**, Николай Ивановичъ, генер.-лейтен. въ Новочеркасскѣ на Дону. 1.
- Горчаковъ**, князь Михаилъ Дмитревичъ, ген.-адъютантъ, въ Варшавѣ. 10
- Готовскій**, Михаилъ Семеновичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Граббе**, Павелъ Христофоровичъ, генер.-адъютантъ, Полтав. губ. въ г. Прилуки. 1.
- Гречъ**, Николай Ивановичъ, дѣйств. стат. совѣтн. въ С. Петербургѣ. 1.
- Григорій**, Миронолитъ Новгородскій, С. Петербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, въ С. Петербургѣ. 1.
- Гриценбергъ**, полковникъ, въ Свеаборгѣ. 1.
- Гусельниковъ**, заводскій кандидатъ, Томской губ. въ г. Барнаулѣ. 1.
- Гущинъ**, Семенъ Семеновичъ, купецъ, въ СПб. 1.
- Давыдовъ**, купецъ, въ С. Петербургѣ. 2.
- Драганъ**, Дмитрий Ивановичъ, генер.-маоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Дезидеріевъ**, Павелъ Илларіоновичъ, ея высокоблагородіе, Бессараб. обл. въ г. Кишиневѣ. 1.
- Демидовъ**, полковникъ, Радомской губ. въ г. Кельцѣ. 1.
- Долгоруковъ**, князь Василій Андреевичъ, генер.-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Дубельтъ**, Михаилъ Леонтьевичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Дубянскій**, Викентій Павловичъ, поруч., Курской губ. въ г. Бѣлогордѣ. 1.
- Евдокимовъ**, капитанъ, въ Москвѣ. 1.
- Еремьевъ**, Афоній Емельяновичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ермоловъ**, Алексій Петровичъ, генер. отъ артиллеріи, въ Москвѣ. 1.
- Ермоловъ**, Дмитрій Николаевичъ, генер.-маоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ерофеевъ**, Семенъ Ерофеевичъ, поручикъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Жуковскій**, Владымиръ Владимировичъ, полков., въ г. Казанѣ. 1.
- Заблоцкій**, Павелъ Парфеньевичъ, профессоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Завьяловъ**, Василій Васильевичъ, его высокоблагородіе, Оренбургской губ. въ г. Уфѣ. 1.
- Зедергольмъ**, маоръ, въ Грузіи. 1.
- Зарембо**, прaporщ. Могилевск. пѣхотн. полка. 1.
- Ивановъ**, штатный смотритель Юрьевскихъ училищъ, Владимірской губ. въ г. Юрьевѣ. 1.
- Иннатьева**, Марія Ивановна, супруга генералъ-адъютанта, въ С. Петербургѣ. 1.
- Иннатьевъ**, Павелъ Николаевичъ, генер.-адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Ильишенко**, Владымиръ Степановичъ, его высокоблагородіе, Полтавской губ. въ г. Благодатномъ. 1.
- Исидоръ**, митрополитъ экзархъ Грузіи, въ Тифлісѣ. 1.
- Калашниковъ**, Александръ Петровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Канивальскій**, Михаилъ Дмитріевичъ, дѣйств. ст. сов. Херсонск. губ. въ г. Александровѣ. 1.
- Карпинскій**, Илюдоръ Александровичъ, его благородіе, Томской губ. въ Змеиногорскомъ рудникѣ. 1.
- Карповъ**, Акимъ Акимовичъ, генер.-лейтен. въ Варшавѣ. 1.
- Катаинаевъ**, Иванъ Мироновичъ, коллеж. ассес. Томской губ. въ г. Кузнецкѣ. 1.
- Катенина**, Варвара Ивановна, супруга генер.-адъютанта, въ Оренбургѣ. 1.
- Катенинъ**, Александръ Андреевичъ, генер.-адъютантъ, въ Оренбургѣ. 1.
- Кауфманъ**, Константина Петровичъ, генераль-маоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Кенстѣ**, капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Кедринъ**, Порфирій Николаевичъ, губернскій секретарь, Еписейской губ. на Георгиевскомъ присѣ. 1.
- Кикинъ**, Николай Евграфовичъ, его высокоблаг. Нижнегородской губ. въ г. Печинки. 1.
- Кимперъ**, баронъ Отто Карловичъ, штабсъ-капитанъ, въ С. Петербургѣ. 1.
- Кишинскій**, Николай Семеновичъ, генер.-маоръ, Бессарабской области въ г. Кишиневѣ. 1.
- Киустѣ**, Александръ Яковлевичъ, ген.-маоръ, Вятской губ. въ Ижевскомъ оруж. заводѣ. 1.

- Кованъко, Алексѣй Ивановичъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Ковалевскій, Егоръ Петровичъ, генер.-маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Кобозевъ, Иванъ Степановичъ, потомств. поч. гражд., Таврической губ. въ г. Керчи. 1.
Косшинъ, Иванъ Прокофьевичъ, его высокобла-
гопр. Таврической губ. въ г. Переяславъ. 1.
Козловскій, князь Иванъ Димитриевичъ, въ г. Самарѣ. 1.
Козловъ, Александръ Алексѣевичъ, художникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Колмыковъ, Егоръ Федоровичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Кононовъ, Александръ Михайловичъ, полковни-
къ Московской губ. въ г. Коломнѣ. 1.
Копыловъ, Платонъ Сергеевичъ, купецъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Корфъ, баронъ Василий Сергеевичъ, генераль-
адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Корфъ, баронъ Николай Ивановичъ, генер. отъ
артиллерии, въ С. Петербургѣ. 1.
Косьяндеръ, маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Коцебу 2, Павель Евстафьевичъ, ген.-адъютантъ,
въ Варшавѣ. 1.
Кратцъ, Иванъ Федоровичъ, подполковникъ, въ Свеаборгѣ. 1.
Крашенниковъ, купецъ, въ С. Петербур-
гѣ. 4.
Криласовъ, урядникъ, Томской губ. въ Сузун-
скомъ заводѣ. 1.
Кропотовъ, Дмитрий Андреевичъ, подполк. въ С. Петербургѣ. 1.
Кудряшевъ, Павелъ Ивановичъ, потомственный
почет. гражд. въ С. Петербургѣ. 1.
Кузнецовъ, Федоръ Ивановичъ, войсков. стар-
шина, въ укр. Темирь-Хань-Шурѣ. 1.
Ламбертъ, графъ Карль Карловичъ, генераль-
адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Лебедевъ, Николай Семеновичъ, цолковп., Оло-
нецкой губ. въ г. Вытегрѣ. 1.
Леонтьевъ, Борисъ Николаевичъ, штабсъ-ка-
питанъ, Пензенской губ. въ г. Керенскѣ. 1.
Липинъ, Дмитрий Ивановичъ, купецъ, въ С. Пе-
тербургѣ. 1.
Линдфорсъ, Иванъ Федоровичъ, полковникъ, въ
Москвѣ. 1.
Лукьяновичъ, Николай Андреевичъ, дѣйствител.
стат. совѣт., въ С. Петербургѣ. 1.
Майдель, Яковъ Карловичъ, полков., въ С. Пе-
тербургѣ. 1.
Малиновскій, Николай Силвестровичъ, его
благородіе, въ С. Петербургѣ. 1.
Мандерштернъ 1, Карль Егоровичъ, ген. отъ
инфантеріи, въ С. Петербургѣ. 1.
Мандерштернъ 2, Евгений Егоровичъ, генер.-
лейтенантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Матвеевъ 2, Ефимъ Матвеевичъ, полковникъ,
въ С. Петербургѣ. 1.
Мирковичъ, Федоръ Яковлевичъ, генерал отъ
инфантеріи, въ С. Петербургѣ. 1.
Михайловъ, Михайла Александровичъ, его bla-
городіе, Рязанской губ на ст. Гавриловской. 1.
Михалевъ, Павелъ Николаевичъ, городничий,
Тобольской губ. въ г. Березовѣ. 1.
Мищенко, маіоръ, Дербентск. губ. въ укрѣп.
Ахты. 1.
Мросинскій, Константинъ Іосифовичъ, капитанъ,
въ С. Петербургѣ. 1.
Мурузи, Дмитрий Егоровичъ, подполковникъ,
Цковской губ. въ посадѣ Сольцу. 1.
- Мустацъ, Константий Семеновичъ, штабсъ-ка-
питанъ, въ Царскомъ Селѣ. 1.
Назимовъ 3, Сергій Ивановичъ, генер.-маіоръ,
Псковской губ въ посадѣ Сольца. 1.
Науменковъ, Николай Васильевичъ, Харьковск.
губ., въ г. Славянскѣ. 1.
Недовольсковъ, Сергій Аркадьевичъ, полковникъ,
Тверской губ. въ г. Бежецкѣ. 1.
Никитинъ, Василий Павловичъ, полковникъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Ниродъ 2, графъ Александръ Евстафьевичъ, ге-
нераль-маіоръ, въ Царскомъ Селѣ. 1.
Осольенко, прaporsh. Могилевск. пѣхотн. полка. 1.
Оклюжю, Иванъ Дмитриевичъ, его высокобла-
городіе, Орловской губ. въ г. Ельцѣ. 1.
Окулосъ, Иванъ Егоровичъ, купецъ, Иркутской
губ. въ г. Кяхтѣ. 1.
Олоховъ 2, Платонъ Алексѣевичъ, ген.-маіоръ,
въ Стрѣльнѣ. 1.
Онацесичъ, Антонъ Автоновичъ, коллеж. совѣт.
въ г. Вильно. 1.
Орлова-Денисова, графина Елисавета Алексѣвна,
въ С. Петербургѣ. 1.
Осиповъ, Михайль Гавриловичъ, его высокобла-
городіе, въ С. Петербургѣ. 1.
Панаевъ, Владимиrъ Ивановичъ, тайный совѣт.
въ С. Петербургѣ. 1.
Паткуль 2, Александръ Владимировичъ, ген.-
адъютантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Петровъ, Иларіонъ Ивановичъ, капитанъ, Оло-
нецкой губ. въ г. Вытегрѣ. 1.
Печаткинъ, Вечеславъ Петровичъ, купецъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Пинкорнелли, Николай Федоровичъ, полковникъ,
въ Полтавѣ. 1.
Платовъ, графъ Иванъ Матвеевичъ, въ Ново-
черкасскѣ на Дону. 1.
Подчурскій, Левъ Францовичъ, маіоръ, Харь-
ковской губ. въ г. Старобѣльскѣ. 1.
Политковскій, Владимиръ Гавриловичъ, ген.-
лейтенантъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Полилинъ, Яковъ Трофимовичъ, купецъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Пономаревъ, Александръ Дмитріевичъ, капитанъ,
въ С. Петербургѣ. 1.
Понятовскій, Андрей Степановичъ, кол. совѣт.,
въ Екатеринославѣ. 1.
Протасовъ, Петръ Кузмичъ, штабсъ-капитанъ,
въ Царскомъ Селѣ. 1.
Пятинъ, Михайль Титовичъ, коллеж. совѣт.,
Бессарабской обл въ г. Кишиневѣ. 1.
Ранізъ, Михайль Михайловичъ, его высокобла-
городіе, въ г. Владимирѣ. 1.
Ратьковъ, книгопродавецъ въ С. Петербургѣ. 1.
Рауэръ, Иванъ Осиповичъ, капитанъ, въ С. Пе-
тербургѣ. 1.
Рахмановичъ, Аркадий Александровичъ, его вы-
сокоблаг., Тамб. губ. въ селѣ Знаменскомъ. 1.
Розенъ, баронъ, полковникъ, въ Твери. 1.
Рудановскій, Петръ Александровичъ, губерн.
секрет. въ Новгородѣ. 1.
Рузановъ, Алексѣй Михайловичъ, купецъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Савичъ, Платонъ Александровичъ, полковникъ,
въ Царскомъ Селѣ. 1.
Самойловичъ, полковникъ, Курской губ. въ г.
Старо-Осколѣ. 1.
Саниловъ, капитанъ, Томской губ. въ Сузун-
скомъ заводѣ. 1.
Сабоновъ, Степанъ Васильевичъ, тайный совѣт..
въ С. Петербургѣ. 1.
- Сафоновъ, Александръ Гавриловичъ, его высо-
кобл., Тульской губ. на ст. Николаевской. 1.
Селивановъ, Петръ Николаевичъ, штабсъ-ка-
питанъ, Рязанской губ. въ г. Зарайскѣ. 1.
Сеньковскій, Николай Алексѣевичъ, поручикъ,
въ С. Петербургѣ. 1.
Скарягинъ, Николай Ивановичъ, прапорщикъ,
въ г. Ямбургѣ. 1.
Смирновъ, Владимиrъ Савичъ, дѣйств. стат.
совѣт. въ С. Петербургѣ. 1.
Соколовъ, Ефимъ Ивановичъ, почет. граждан.,
въ С. Петербургѣ. 1.
Сокуровъ, Федоръ Егоровичъ, почет. граждан.,
въ С. Петербургѣ. 1.
Солодовниковъ, Николай Назаровичъ, въ С. Пе-
тербургѣ. 1.
Сорокинъ 1, Алексѣй Федоровичъ, ген.-лейт.,
въ Свеаборгѣ. 2.
Страховъ, Иванъ Сергеевичъ, Саратовской
губ. въ г. Кузнецкѣ. 1.
Строгонова, графиня Юлия Петровна, въ С. Пе-
тербургѣ. 1.
Тарханъ-Моуаровъ, князь, полковникъ, въ
урошищѣ Бѣлыи Ключъ. 2.
Теняевъ, Дмитрий Гавриловичъ, купецъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Тимашевъ, Александръ Егоровичъ, генераль-
маіоръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Тимковскій, исправ. долж. смотр. Шуйскихъ
учил., Владимировской губ. въ г. Шуйѣ. 1.
Толстой, Николай Матвеевичъ, ген.-адъютантъ,
въ С. Петербургѣ. 1.
Томичъ, Иванъ Антоновичъ, полковникъ, въ
Саратовѣ. 1.
Трубецкой, Василий Ивановичъ, полков. Яро-
славской губ. въ Юрченѣ. 1.
Тяполковъ, Василий Ивановичъ, ген.-маіоръ,
въ Киевѣ. 1.
Успенскій, Петръ Ивановичъ, титул. совѣт.,
въ Новгородѣ. 1.
Ушаковъ, капитанъ, въ С. Петербургѣ.
Філковскій, Василий Александровичъ, его вы-
сокоблагородіе, Томской губ въ г. Барнауль. 1.
Філадельфинъ, Александръ Тимофеевичъ, губернскій
секретарь, въ Новгородѣ. 1.
Филевъ, Сергій Михайловичъ, его высокобла-
городіе, Тверской губ. въ г. Зубцовѣ. 1.
Франкъ, баронъ Николай Александровичъ, въ
Екатеринославѣ. 1.
Флегицкій, Іоаннъ, діаконъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Фрейманъ, Эдуардъ Антоновичъ, ген.-маіоръ,
въ С. Петербургѣ. 1.
Фроловъ и Тюменьковъ, купцы, въ С. Пегер-
бургѣ. 1.
Чѣботаревъ, Адамъ Петровичъ, полковникъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Шабельскій, Петръ Ивановичъ, штабсъ-рот-
мистръ, въ С. Петербургѣ. 1.
Шапошниковъ, Василий Ивановичъ, полковникъ,
въ Новочеркасскѣ на Дону. 1.
Шаровъ, полковникъ, въ С. Петербургѣ. 1.
Шестаковъ, Петръ Сергеевичъ, штабсъ-кап.
въ Могилевѣ. 1.
Шиловъ, Иванъ Александровичъ, купецъ, въ
С. Петербургѣ. 1.
Шрамовъ, подполк., Томск. губ., въ дер. Бан-
нова. 1.
Шредеръ, Дмитрий Николаевичъ, его высокоблаг.
въ С. Петербургѣ. 1.
Штиберъ, лѣсничій, Тамбовской губ., въ г. Мор-
шанске. 1.

<i>Штилицъ</i> , баронъ Александръ Любимовичъ. въ С. Петербургъ. 1.	Александровскій Брестскій кадетс. корпусъ. 1.	Командиръ Колыванскаго пѣхотнаго полка. 1.
<i>Шульцъ</i> 1, Морицъ Христіановичъ, ген.-маюръ, въ Динаминдѣ. 1.	Владимірскій Кіевскій, кад. корп. 1.	» Минскаго гарнізоннаго баталіона. 1.
<i>Шульцъ</i> , полковникъ, Каменецъ Подол. губ. въ м. Меджибожъ. 1.	Михайловскій Воронежскій, кад. корп. 5.	Канцелярія Министерства Фінансовъ. 1.
<i>Шустровъ</i> , Василій Михайловичъ, купецъ, въ Москвѣ. 1.	Канцелярія Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. 1.	Статистическій Комитетъ Министерства Внут- реннихъ Дѣлъ. 1.
<i>Энгельгардъ</i> 2, баронъ Василій Богдановичъ, ге- нераль-маюръ, въ Новгородѣ. 1.	Штабъ отдѣльного grenадерскаго корпуса. 1.	Второй департаментъ С. Петербургской Управы Благочинія. 1.
<i>Энгельгардъ</i> , Евгений Васильевичъ, его высо- кобл. въ Смоленскѣ. 1.	Штабъ 4-го армейскаго корпуса. 1.	Архангельское Губернское Правленіе. 1.
<i>Юнимейстеръ</i> , книгопродавецъ, въ С. Петер- бургѣ. 1.	Библіотеки: Артиллерійскихъ бригадъ, Инже- нерныхъ командъ и Саперныхъ батал. 87.	Контора Общества благородныхъ дѣвицъ. 3.
<i>Юркевичъ</i> , Николай Ильичъ, выше-губернаторъ, въ Калугѣ. 1.	Лейбъ-гвардія Измайловскій полкъ. 1.	Управление Варшавскаго Учебнаго Округа. 1.
<i>Юрьевъ</i> , Екатерина Петровна, вдова дѣйств. ст. сов. 1.	» Волынскій » 1.	Правленіе Дерптскаго университета. 1.
<i>Яблонскій</i> , Иванъ Осиповичъ, въ С. Петер- бургѣ. 1.	» 2-й Стрѣлковый баталіонъ. 1.	Курскія гімназія. 1.
	» Гродненскій гусарскій полкъ. 1.	Екатеринославская гімназія. 1.
	Кіевскій grenадерскій Короля Нидерландскаго полкъ. 1.	Ставропольская гімназія. 1.
	Сибирскій grenадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Нико- лаевича Старшаго полкъ. 1.	Кутаисская гімназія. 1.
	Сѣверскій пѣхотный полкъ. 1.	Николаевская Чесменская богадѣльня. 1.
	Сузdalскій пѣхотный полкъ. 1.	Симбирское Нѣмецкое собравіе 3.
	Грузинскій grenадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ. 1.	Газетная Экспедиція С. Петербургскаго Почт- амта. 14.
	Нижегородскій драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртемберг- скаго полкъ. 2.	Редакціи:
		Артиллерійскаго Журнала. 1.
		Журнала Министерства Народн. Просв. 1.
		Русской Бесѣды. 1.
		Военно-Медицинскаго Журнала. 1.
		Экономическаго Указателя. 1.
		Жура. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливили редактора-издателя много-милостивыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастіе удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С.-Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначенаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ которого предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редакція находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *дѣльнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургъ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24 — 1 руб. 50 коп.

Казенные и общественные библиотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непремѣнными* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше просить гг. подписавшихся, высыпать адресы самые вѣрные, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣть предметомъ передать потомству, первомъ и карандашемъ, замѣмателнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядового. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустранимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божію, успокаиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пузы и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражими выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской бранї нашихъ соотечественницъ, которая, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣплений и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которая, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностью для жизни, способствуютъ упроченію русской власти въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любопытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторію, и еще большее число новыхъ, донынѣ замѣченныхъ ѿ, оставленныхъ ѿ безъ вниманія, займутъ въ предпринимаемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ бранї, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ почили въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыихъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдельно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, где происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія материаловъ, по мѣрѣ ихъ изготошенія. Но раружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Издание выходитъ съ 1-го юля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четверку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготавливаются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе каждого года получитъ великолѣпій заглавій листъ, а каждый выпускъ имѣть особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Майора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москве: у книгопродавца *Ф. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски разсыпаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редакція не дѣлала блистательныхъ обѣщаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употреблять всѣ усилия, чтобы сдѣлать изданіе вполнѣ достойнымъ его назначенія. Не щадя ни труда, ни издержекъ, величайшую себѣ наградою Редакція считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляемую въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редакція въ концѣ каждого года будетъ обнародовывать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззвание Редакции къ соотечественникамъ о доставлении свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностью скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаются материалы, нерѣдко драгоценные, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, оставаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будуть напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и выѣзъ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвенного для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексея Петровича Ермолова, славнаго князя Цицанова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карагина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описание пѣти капитановъ Гѣброва и Торнау, жены полковника Махина, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдельныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминовскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣятельно изготавливаются жизнеописанія *) генераль-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. И. Барятинскаго, П. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италийскаго графа Суворова-Рымникскаго, А. А. Катенина, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, Н. Н. Муравьева, маркиза Паулуччи, Тормасова, князя Гагарина, И. М. Лабыцикова, генерала Горского, знаменитаго страдальца за родину А. П. Волынского, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго владѣнія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — Ф. И. Соймонова, генераль-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтаева, Булгакова, Текели, Якоби, Небольсина, Бибикова, графа Баранова, Кнорринга, Портнягина, князя Мадатова, Лисаневича, Бакланова, Клюге-фонъ-Клюгенау, Суслова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтавиана и Бѣлявскаго, князей Эристовыхъ и Орбелянновъ, Бебутовыхъ и Авдюнниковыхъ, генераловъ Раевскаго и Рудановскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Барятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шаху при Царь Михаилѣ Феодоровичѣ; генераль-аншефа князя И. Ф. Барятинскаго, сподвижника Петра Великаго; генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гриквиста, капитана 1-го ранга Веселаго, графа Гейдена, адмирала Ставрюкова, капитана Фохта, адмирала Хрущова, генерала Адлерберга, воеводъ Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебена, — славно дѣйствовавшаго на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьевы, адмирала Серебрякова, генераловъ: Вравкена, Каптера, Годлевскаго, Альбрантса, Малиновскаго, Индреніуса и Мищенко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадзинскаго, маюра Щедры, князей Чевчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрышина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшаго на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Платова и Заводовскаго; барона Медема — генерала временъ Екатеринѣ II, адмирала Пустошкина, есаула Ляпина, Александра Бестужева (Марлинскаго), жены подпоручика Богуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевскаго, генерала барона Николай, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ; бессмертнаго Грибоѣдова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Мавюкина и Малиновскаго, іеромонаха Макарія и игумена Ефрема, патріарховъ-каѳоликосовъ Арmeno-Грегоріанской Церкви Ефрема, Іоаннеса и Нарсеса и многихъ другихъ.

Сообщая этотъ списокъ заготовляемыя жизнеописаніямъ, Редакція имѣеть въ виду единственно получение *въ скорѣшнѣе времени*, материаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція спѣшить собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствователяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ события и лица, исправить неизвѣтныя погрѣшности; но изъ списка видно, что въ тоже время не упущенъ стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣженіе, вполнѣ поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣеть наиболѣе материаловъ; этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «доброго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человѣкъ, какъ бы не былъ онъ дѣятелъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакція нужно не материальное одобрение, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славой и готовыхъ принести лепту свою на помощь раненымъ и семействамъ, падшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствователей, и тѣмъ доставляли средства представить, первомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полно и возможно вѣрнѣе и совереннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющееся въ виду свѣдѣніе незначительно, что материалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ анекдотъ, одна черта замѣчательнаго лица драгоценнѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, произшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кипы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству материаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣющихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Плацъ-Майоръ С.-Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 21-го дня 1857 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.